ВНУТРЕННИЙ ПРЕДИКТОР СССР

МЕДНЫЙ ВСАДНИК
—
ЭТО ВАМ
НЕ МЕДНЫЙ ЗМИЙ...

Санкт-Петербург

1998 г.

ВНУТРЕННИЙ ПРЕДИКТОР СССР

200-летию со дня рождения А.С. Пушкина

посвящается

МЕДНЫЙ ВСАДНИК — ЭТО ВАМ НЕ МЕДНЫЙ ЗМИЙ...

О самой древней мафии

в системе образов А. С. Пушкина

Санкт-Петербург
1998 г.

Введение

Есть ли сюжет в знаменитой поэме А.С.Пушкина “Медный Всадник”? Если и есть, то с точки зрения обыденного сознания он укладывается в несколько строк:

«Мелкий петербургский чиновник по имени Евгений поздним осенним вечером приходит домой и перед сном перебирает калейдоскоп своих бессвязных мыслей. Во сне ему видится вышедшая из берегов Нева и он сам, “на звере мраморном верхом”. Непогода стихает, вода сходит, но видение, явившееся во сне, преследует Евгения в течение долгого времени. Пытаясь вернуться в свое прошлое, он ищет “ветхий домик” Параши, не находит его и сходит с ума, после чего ему кажется, что его преследует конная статуя Петра I. В финале — смерть героя на безымянном “острове малом”.»

Ну и что здесь занимательного? Где закрученный сюжет? И тем не менее вот уже полтора столетия интерес к поэме не ослабевает. Неужели только из-за необычности ритмики? Нет, все любознательные читатели и исследователи поэмы отмечают ее загадочность и ищут в ней скрытого смысла. Почему? Да потому что его нет на уровне, так называемого, сюжета; он закрыт определенной системой символов, то ли разработанной самим Пушкиным, то ли данной ему Свыше.

Чтобы понять эту систему мы должны вернуться в Древнюю Грецию, в VI век до н.э. и задаться вопросом: Почему никого никогда не шокировала символичность басен Эзопа, фригийского раба, когда тот рассказывал истории взаимоотношений Волка и Льва, или Осла и Льва? Да потому, что человек с незапамятных времен привык воспринимать историю взаимоотношений животных, как иносказание о жизни людей. Такова очень древняя традиция, или как теперь принято говорить — “устойчивые стереотипы восприятия окружающей действительности”. “Традиционная басенная символика способствует уяснению, вернее узнаванию «характеров» персо-

нажей-зверей читателем. Еще В.Тредиаковский[1] заметил, что баснописец изображает «чувствительное подобие тихости и простоты в Агнце; верности и дружбы во Псе; напротив того, наглости, хищения, жестокости в Волке, во Льве, в Тигре... Сей есть ***немой*** язык, который все народы разумеют”.[2]

Если же рассматривать басню, как один из самых древних литературных жанров[3], то невольно возникает вопрос, почему никто из так называемых «профессионалов»-пушкинистов не обратил внимания на одно странное обстоятельство: Пушкин, пробуя свой талант во всех литературных жанрах (рассказ, повесть, роман, поэма, пьеса, эпиграмма) не написал ни одной басни? Или все-таки написал, но как-то иначе? Чтобы правильно ответить на этот вопрос следует помнить, что Пушкин никогда никого не копировал; он был новатором, но не столько самих литературных жанров, сколько их содержания. Новизна же содержания, в отличие от новизны формы, не так бросается в глаза; чтобы ее оценить требуется умение видеть “общий ход вещей”. Она почти неуловима, но каждый по-своему ее ощущает через систему символов, которая формируется автором бессознательно в процессе самого творчества.

Искусство вообще символично. Но одни художники через свою систему символов (возможно даже этого не осознавая) «поднимают человека с колен», другие — опускают, иногда даже на четвереньки. Чтобы понять о чем идет речь, необходимо сделать небольшой экскурс в область человеческой психики, особенно в те ее области, которые принято считать «само собой разумеющимися», или, другими словами, о которых не принято говорить в кругах профессиональных психологов.

Психика человека многокомпонентная система. И одни и те же компоненты в психике разных людей могут не только достигать разной степени развитости, но могут быть и различным образом взаимосвязаны между собой, образуя качественно различные структуры управления информа-

---

[1] *Василий Кириллович Тредиаковский (1703 — 1769)поэт и теоретик литературы один из первых в России стал перелагать прозаические басни Эзопа на стихотворны лад.*

[2] *А.Потебня “Из лекций по теории словесности”, г.Харьков, 1894, с.27.*

[3] *Эзоп, калека-раб из Фригии, сам басен не писал, а собирал их в народе и пересказывал, развлекая круг общения хозяина-рабовладельца Ксанфа, который сделал Эзопа вольноотпущенником. Ходившие в народе и приписываемые Эзопу басни, собрал воедино Деметрий Фалерский. Более поздняя обработка, так назывемых, Эзоповых басен принадлежит Бабрию и Федру. Басни Эзопа оказали влияние на творчество Лютера, Лафонтена, Лессинга и Крылова. “Словарь Античности”, перевод с немецкого, Издательство «Прогресс», 1994г., с.648.*

ционными потоками. В зависимости от архитектуры структуры психики, она оказывается способной поддерживать один образ мыслей и его выражающее поведение индивида, и не способна поддерживать другие, с нею не совместимые.

Конечно, людей на Земле уже около 6 миллиардов, и психике каждого индивида свойственна уникальность — неповторимое своеобразие. Тем не менее всё это разнообразие поддается вполне определённой классификации. Пушкин, повидимому, какое-то представление об этой классификации имел еще в начале прошлого века.

Суть затронутого нами вопроса о психической подоплеке культуры состоит в том, что поведение особи биологического вида, называемого ныне *Человек Разумный, подчас безо всяких к тому оснований в поведении большинства представителей этого вида,* строится на основе взаимодействия:

- врожденных инстинктов и безусловных рефлексов,
- бездумно-автоматической отработки привычек и освоенных навыков поведения в ситуациях-раздражителях,
- разумной выработки своего поведения на основе памятной и вновь поступающей информации,
- интуиции, выходящей за границы инстинктивного и разумного, рекомендации которой впоследствии могут быть поняты разумом.

Хотя в психике всех людей всё это так или иначе присутствует, но у разных людей эти компоненты по-разному взаимосвязаны и взаимодействуют между собой. В зависимости от того, как все эти компоненты иерархически организованы в психике индивида, можно говорить о строе психики каждого из них. Можно выявить следующие основные типы строя психики индивидов:

- **животный строй** психики, если поведение индивида подчинено инстинктам — вне зависимости от степени его отесанности культурой, в которой голые инстинкты скрываются под различными оболочками, предоставляемыми цивилизацией, порабощая разум и интуицию (т.е. теоретически возможна, хотя исторически и не состоится, *цивилизация* идеально телесно человекообразных и говорящих, но всё же *обезьян — по существу их психической организации*);
- строй психики **зомби-биоробота**, если в поведении индивида над инстинктами господствуют бездумные привычки и культурно обусловленные комплексы как традиционные, так и нововведенные, подавляющие их волю, свободомыслие, интуицию, и непосредственное чувство Божьего промысла по совести;

- строй психики **демона**, если индивид осознанно или бессознательно упивается своей силой воли, подчиненными воле возможностями и индивидуальной разумностью, вышедшими, по его мнению, из под диктата инстинктов и культурно обусловленных программ поведения.

Но и это еще не всё. Индивидам, образующим общество и его подмножества, свойственно порождать коллективную психическую деятельность и эта коллективная психическая деятельность может быть в общем-то всего двух видов:

- в одном случае к ошибкам совершенным одним индивидом статистически преобладает добавление ошибок, совершаемых другими. Ком множества их ошибок растет и угнетает общество до тех пор пока оно не сгинет под их гнетом, либо же пока оно не начнет порождать коллективную психическую деятельность второго вида;
- во втором случае преобладает иная статистика, в которой ошибки, совершенные одним индивидом, устраняются и компенсируются другими, но при этом каждый заботится о том, чтобы самому совершать меньшее количество ошибок, чтобы не обременять других необходимостью устранения их последствий.

Но кроме того индивиды могут различаться и по взаимоотношениям их индивидуальной психики с порождаемой ими коллективной. При этом индивид:

- либо подневолен коллективной психической деятельности и тогда это — стадность даже в том случае, если в этой психической эгрегориальной стадности есть вожак, деспот над стадом — сам часть стада, подневольная стадности;
- либо он свободный соучастник коллективной психической деятельности (тем не менее и при этом по отношению к одной стадности он, возможно, выступает в качестве пастуха, будучи не свободным в каком-то ином качестве). Также следует иметь в виду, что и «стадность», и «коллективная свобода», в зависимости от характера информационных процессов в них, могут порождать как «лавину бедствий и ошибок», так и некоторое безошибочное функционирование коллектива в целом.

Это означает, что все достижения культуры как духовной, так и материальной, все теоретические знания и практические навыки (теоретически формализованные и неформализованные), освоенные индивидом, — только приданное к его строю психики.

Иными словами, человеческое достоинство выражается не в образовании, знаниях и навыках, а в определённом строе психики. То же

касается и обществ: общество людей характеризуется не достижениями его культуры в области науки, техники, магии, а определенной организацией индивидуальной и коллективной психики.

Отсюда, состоявшимися людьми являются те, чей разум в их жизненном развитии опирается на инстинкты и врожденные рефлексы, кто прислушивается к интуитивным прозрениям, различая в *интуиции вообще* Божье водительство, наваждения сатанизма, проявления активности коллективной психики общества и своею свободной волей строит свое поведение в ладу с Божьим промыслом, не порождая в обществе коллективную психику типа разрастающаяся лавина ошибок.

Не осознавая всего этого, многие индивиды на протяжении всей своей жизни пребывают при одном каком-то строе их психики, но многие другие на протяжении жизни изменяют строй своей психики необратимо и неоднократно; также многочисленны и те, чей строй психики неоднократно, но обратимо изменяется даже на протяжении одного дня, а не то чтобы в течение их жизни.

Вся эта многовариантность организации психики тех, кому Свыше дано быть людьми *в предопределённом Богом смысле этого слова*, — объективная данность на каждом этапе исторического развития, которую можно рассмотреть еще более детально, чем это сделано в настоящей работе.

И именно с позиций признания этой объективной данности можно сказать, что общественный прогресс выражается в вытеснении в обществе одних типов организации психики другими. Соответственно этому человечество может продвигаться:

- в направлении скотства при статистическом преобладании животного строя психики, когда человекообразных цивилизованных обезьян будут пасти биороботы, запрограммированные культурой, при господстве над теми и другими демонических личностей;
- в направлении биороботизации, когда скотство будет беспощадно подавляться, а над массой биороботов будут, как и в первом варианте господствовать демонические личности;
- в направлении человечности, в которой скотство, биороботизация и демонизм будут поставлены в состояние невозможности осуществления.

Мы не можем сказать определенно насколько все это понимали Эзоп, Лафонтен, Крылов и другие известные баснописцы; можно лишь предположить, что, подмечая сходственность черт характера отдельных животных

и людей, они всего лишь фиксировали (скорее всего неосознанно) на уровне второго смыслового ряда басни присутствие животного строя психики у человека. И традиционно все культурные (в смысле принадлежности к толпо-”элитарной” культуре) люди воспринимали творчество баснописцев, как искреннее стремление искоренить человеческие пороки. Но вряд ли кто из создателей басен и их читателей задумывался над тем, что сами животные непорочны: какими их создал Всевышний, такими и уходят они в мир иной. То есть от рождения и до смерти они — всегда полноценные бараны, быки и волки. Потому что они лишены свободы воли и свободы выбора и нет в том их вины. Другое дело человек: он награжден от Бога разумом, итуицией, свободой воли; но не каждый родившийся человеком состоялся при своей жизни в качестве человека. Так, одни, благодаря воспитанию, уже на стадии детства преодолевают в своем строе психики некоторые черты животных, другие — в пору зрелости, а многие до конца жизни не осознают, что животный строй психики доминирует в их поведении.

Другой, не менее важный вопрос: насколько басни, высмеивающие пороки от природы непорочных животных, действительно могли способствовать человеку в преодолении им животного строя психики? Если судить об этом по достижениям культуры наиболее развитых стран Запада, то можно прийти к печальному выводу: животный строй психики попрежнему доминирует там как в личностном плане, так на уровне коллективного бессознательного. Причина такого положения в том, что все искусство Запада насквозь пронизано иронией, сатирой, юмором. Еще Томас Манн, один из столпов современной западной культуры, говорил, что “мир спасет ирония”.

Но в действительности дело обстоит таким образом, что осмеянный порок всего лишь перестает быть страшным и не осознается в качестве реальной опасности, а значит и в какой-то мере сохраняет свою привлекательность. Достаточно вспомнить с каким упоением Запад смеялся над образами Гитлера и его планами, создаваемых гением сатиры и юмора первой половины XX века Чарли Чаплиным. Этот комик много сделал для подготовки общественности Запада ко второй мировой войне и, видимо, не случайно благодарные режиссеры этого трагического глобального спектакля поставили ему памтник в Швейцарии, на берегу Женевского озера. Придет время и, вполне вероятно, подобные памятники будут поставлены Райкину, Альтову, Жванецкому и другим гениям юмора времен “холодной войны”: они также неплохо поработали «на победу», о которой до сих пор с упоением говорят заправилы Запада. Наши юмористы всем своим поведением также демонстрируют окружающим животный строй психики в повседневной жизни, потому что о другом — человечном — не имеют даже представления. Баснописцам прошлого нельзя все это ставить в вину, поскольку

они жили и творили в пределах толпо-”элитарной” логики социального поведения, которая доминировала в обществе до середины XX века.

Чтобы понять, как это сказалось на самом процессе творчества, необходимо вспомнить, что басня, как устный вид творчества, появилась в очень далекие времена, по крайней мере не позднее чем времена рабовладельческого строя. Рабовладельцы считали рабов «говорящими животными»; рабы же, по своему защищая свое человеческое достоинство, сочиняли истории, в которых их хозяева также выводились в качестве животных. История говорит о том, как Эзоп, собирая на рынке эти шедевры устного творчества, рассказывал их в кругу ближайших друзей своего хозяина-рабовладельца и те с удовольствием над ними смеялись. Другими словами, хотели этого или нет сочинители басен и их рассказчики, но все они в какой-то мере способствовали закреплению в психике человека животного строя психики.

Современным юмористам этого делать непозволительно — они живут впериод времени, когда в обществе активно формируется иная, альтернативная толпо-”элитарной”, логика социального поведения, проявления которой в далеком будущем интуитивно ощущал А.С.Пушкин. По своему он тоже великий баснописец, но уже нового времени, новой логики социального поведения. Как новый Эзоп будущей эпохи, он интуитивно подмечал сходственные черты характера людей и отдельных социальных явлений и мы можем узнать их благодаря разработанной им системе символов. Отсюда загадочность и даже некоторая мистичность многих его бессмертных творений.

Можно сказать, что “Эзоп с его вареным языком” позволял лишь выделить присутствие животного строя психики в поведении человека, но не создавал ориентиров человечного строя психики. И не потому, что не хотел — для этого в толпо-”элитарной” логике социального поведения еще не было условий. Пушкин, как символический ответ русского народа на петровские реформы, явившись в России за столетие до начала процесса смены логики социального поведения, живым эзоповским языком своей музы формировал в коллективном сознательном и бессознательном ориентиры человечного строя психики.

Человек — существо общественное. Индивидуализм, эгоизм, какими бы философскими построениями, претендующими на то, чтобы слыть “памятниками здравой мысли”[1] они не прикрывались, остаются в человеческой культуре конца XX века всего лишь проявлениями животного строя психики. Пушкин, видимо, имел об этом представление еще в начале XIX века:“Может ли быть пороком в частном человеке то, что почитается добро-

---

[1] *См. Айн Рэнд, “Концепция Эгоизма”, Памятники здравой мысли. Спб, “Макет”, 1995г.*

детелью в целом народе? Предрассудок сей, утвержденный демократической завистью некоторых философов, служит только к распространению низкого эгоизма"[1]. Этим кратким замечанием Пушкин предвосхищает все обилие многословных объяснений официальной пушкинистики причин непонимания Западом как любви России к Пушкину, так и приверженности ее народов к духу коллективизма, общинности.

Российская интеллигенция, зараженная с петровских времен духом либерализма (который — всего лишь удобное название эгоизма), не внемлет живому языку русского Эзопа и ей непонятен смысл ключей иносказания, данного в 22-х октавном предисловии к «Домику в Коломне».

Язык мой — враг мой: все ему доступно,
Он обо всем болтать себе привык.
Фригийский раб, на рынке взяв язык,

Сварил его (у господина Копа
Коптят его). Эзоп его потом
Принес на стол... Опять, зачем Эзопа
Я вплел, с его ***вареным языком****,*
В мои стихи?

Мастер умолчаний, Пушкин в последней XXII октаве предисловия, назвав язык Эзопа «вареным», через систему противопоставлений, дает понять читателю о том, что существует еще и язык живой, которому, в отличие от языка мертвого — вареного, «все доступно». XXII октава предисловия поэмы самая трудная и для поэта, и для читателя. Для поэта потому, что в восемь строк необходимо было упаковать огромный объем информации исторического и мировоззренческого характера, не опустившись при этом до назидательного тона. Без системы оглашений и умолчаний сделать этого было невозможно; при этом необходимо было чтобы оглашения и умолчания не подавляли содержательно друг друга. Для будущего читателя вся трудность — в раскрытии иносказаний и символики данной через систему оглашений и умолчаний.

Что вся прочла Европа,
Нет нужды вновь беседовать о том!
Насилу-то, рифмач я ***безрассудный,***
Отделался от сей октавы трудной!

---

[1] *А.С.Пушкин "Отрывки из писем, мысли и замечания", 1827г. ПСС под редакцией П.О.Морозова, 1909г.,том 6, с.20.*

И все-таки одну басню-притчу Пушкин написал, в 1829 году, за год до того, как им был создан «Домик в Коломне». В ней вы не найдете, как в баснях И.А. Крылова, истории взаимоотношений животных, в ней действуют люди, но именно через эту басню-притчу можно понять, что значит видеть “общий ход вещей” и как опасен узкий профессионализм.

Сапожник

Картину раз высматривал сапожник
И в обуви ошибку указал;
Взяв тотчас кисть, исправился художниик.
Вот, подбочась, сапожник продолжал:
«Мне кажется, лицо немного криво...
А эта грудь не слишком ли нага?..»
Тут Апелесс прервал нетерпеливо:
«Суди, дружок, не свыше сапога!»

Есть у меня приятель на примете!
Не ведаю, в каком бы он предмете
Был знатоком, хоть строг он на словах;
Но черт его несет судить о свете:
Попробуй он судить о сапогах!

“Провидение не алгебра. Ум человеческий, в простонародном выражении не пророк, а угадчик. Он видит общий ход вещей и может выводить из оного глубокие предположения, зачастую подтверждаемые временем. Но невозможно ему предвидеть случая — мощного, мгновенного орудия Провидения”. Этими словами Пушкин завершил план третьей критической статьи к “Истории русского народа” Н. Полевого, которая была написана в Болдино в октябре 1830 г. в процессе работы над “Домиком в Коломне”. В приведенном фрагменте способность «видеть общий ход вещей» — главное в умении управлять социальными процессами.

Интересовали ли Пушкина социальные процессы? Конечно, иначе в двадцать пять лет не появился бы “Борис Годунов”, а в тридцать — “Скупой рыцарь”. Да и статьи, письма поэта говорят о круге вопросов, которые его интересовали. Могла ли понять проблемы, которые его волновали, современная ему элита? Нет, он ушел из жизни не понятый, даже после того, как Николай I, император России дал ему самую высокую оценку — умнейший муж России. Уже тогда общественному мнению навязывался стереотип Пушкина-человека, интересы которого не выходили за рамки интересов людей его круга (вино, карты, женщины) и марающего занятные

вирши от скуки и стремления быть оригинальным. Но и сегодня вся официальная пушкинистика бьется в истерике, как только сталкивается с иной точкой зрения, согласно которой Пушкин — глубочайший философ-мыслитель, достигший совершенства не только в искусстве владения словом (этого никто из "пушкинистов" не отрицает), но и в умении доносить до широкого круга читателей сложнейшие вещи мировоззренческого, исторического и социального характера через свою особую систему образов, в основе которой очень простой принцип: сходственность черт характеров людей, животных, природных явлений с чертами явлений и процессов социальной жизни.

В какой-то мере этой системой умолчаний пользовались и до сих пор пользуются многие в искусстве, поскольку искусство всегда символично, но Пушкин достиг в ней совершенства.

На поверхностный взгляд, произведения искусства, имеющие в своей основе иносказание, часто выглядят недостаточно занимательно, иногда кажутся лишенными логики и целостности повествования. Но это особый метод отбора читателя, которым пользуется подлинный мастер, знающий не только истинную цену своему творению, но также и цену его "ценителям". Данный метод, основан на понимании, что интеллекту свойственно стремление к целостности и объяснению причинно-следственных обусловленностей процессов, с которым сталкивается сознание. Но в этом проявляется объективное свойство процессов отображения в целостной вселенной, частью которой и является человек разумный.

Поэтому, продолжая раскодирование иносказаний произведений А.С. Пушкина, мы обратились к "Медному Всаднику" потому, что это единственная вещь, в которой загадочные и неясные образы, порождаемые словами текста наряду со вторым смысловым рядом, вскрывают еще и третий, который, как нам видится, отражает те явления единого и целостного мира, на которые только указуют слова текста поэмы.

Все предыдущие исследователи последней пушкинской поэмы исходили из того, что поэт описывал лишь явления прошлого. Они не понимали главного: Первый Поэт России владел Законом Времени и потому в его системе образов понятия прошлого и будущего не совпадали с понятиями исследователей его творчества.

При поверхностном взгляде поэма продолжает сюжетную линию "Домика в Коломне", которая заканчивается загадочным исчезновением меняющей свое обличье Мавруши, пришедшей на смену "стряпухе Фекле, доброй старухе, давно лишенной чутья и слуха". Но если Фекла и Мавруша — образы, последовательно сменяющих в России друг друга атеистических идеологий библейской концепции, воспринимаемых обыденным сознанием толпо-"элитарного" общества в качестве христианства и марксизма, то Евгений — образ носителей концепции в целом. Отсюда история Евгения —

это история формирования и ликвидации самой древней и самой “культурной” мафии когда-либо существовавшей на Земле. По нашему мнению, причина особого и во многом бессознательного интереса к поэме кроется в том, что процесс этот еще не закончился и поколение живущих в конце XX столетия является невольным свидетелем его завершения.

Россия — самодостаточная региональная цивилизация — последнюю тысячу лет неосознанно противостоит экспансии атеистичной по сути своей библейской концепции, жертвой которой пал Запад в его истории и культурном развитии. XX век — кульминация этого противостояния: в нем идет сложный информационный процесс самоидентификации и ликвидации самой древней и самой “культурной” мафии, явившей свое подлинное лицо миру в двух социальных катаклизмах, потрясших российское общество в начале и конце века. Описание этого сложного процесса, предстающего на уровне второго смыслового ряда в качестве двух революций (начала века — октябрь 1917 г., и конца — август 1991 г.) и посвящены, по нашему мнению, обе части столь загадочной поэмы.

И египтяне были в свое время
справедливы и
человеколюбивы!
Козьма Прутков.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1994 г. в Санкт-Петербурге тиражом 2.000 экз. вышла небольшая книжка под названием “Неизданный Пушкин”, в которой сообщается о первой публикации полного и наиболее достоверного текста знаменитой поэмы “Медной Всадник”. Как утверждают члены редакторской группы, на основании неизвестных раннее документов, им удалось установить единственный смысл загадочной поэмы. При этом они полагают, что «Все многочисленные попытки истолковать смысл поэмы без труда подразделяются на две основные группы. Первая из них основана на истолковании прямых, ничем не прикрытых данных текста поэмы. Вторая группа учитывает возможность наличия в тексте поэмы неявных элементов смысла, затрудняющих понимание его в целом. Истолкователям первой группы — “все ясно”. Представителям второй группы “Медный Всадник” кажется “загадочным”.»

Авторы настоящего исследования, причисляя себя к представителям второй группы, предлагают систему раскодирования образов поэмы, в основе которой ле-

жит осознание целостности всего литературного наследия Первого Поэта России. Особую роль в этой системе, занимает тема Древнего Египта.

Впервые поэт обратился к ней в процессе работы над “Клеопатрой” осенью 1824 года, во время пребывания в ссылке в Михайловском, а завершил её “Египетскими ночами” тоже в Михайловском и тоже осенью, но уже 1835 года. Так египетская тема стала своеобразным обрамлением 11-летнего творческого цикла, в который вошли многие хорошо известные произведения (“Борис Годунов”, “Домик в Коломне”, “Повести Белкина”, “Маленькие трагедии”, “Медный Всадник”, “Пиковая дама”), а также некоторые малоизвестные вещи, наложившие, однако, неповторимый отпечаток на второй смысловой ряд всех пушкинских творений. Особое место среди них занимает “Ответ анониму”:

О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье
Приветствует мое к блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мне крепко руку жмет,
Указывая путь и посох подает;
О, кто бы ни был ты: старик ли вдохновенный,
Иль юности моей товарищ отдаленный,
Иль отрок, музами таинственно храним,
Иль пола кроткого стыдливый херувим, —
Благодарю тебя душою умиленной.
Вниманья слабого предмет уединенный,
К доброжелательству досель я не привык —
И странен мне его приветливый язык.
Смешон, участия кто требует у света!
Холодная толпа взирает на поэта,
Как на заезжего фигляра: если он
Глубоко выразит сердечный, тяжкий стон,
И выстраданный стих, пронзительно-унылый,
Ударит по сердцам с неведомою силой, —
Она в ладони бьет и хвалит, иль порой
Неблагосклонною кивает головой.
Постигнет ли певца внезапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье, —
«Тем лучше, — говорят любители искусств, —
Тем лучше! наберет он новых дум и чувств
И нам их передаст». Но счастие поэта
Меж ними не найдет сердечного привета,
Когда боязненно безмолвствует оно...

Аноним — Иван Александрович Гульянов (1789 — 1841 гг.), выдающийся египтолог, член Российской академии; в связи с предстоящей женитьбой Пушкина

послал ему, не подписывая своего имени, приветственное стихотворение, выражая уверенность, что семейное счастье послужит для поэта источником новых творческих вдохновений. Знал ли Пушкин, кто такой был И.А.Гульянов? Знал. “Ответ анониму” написан в знаменитую Болдинскую осень 26 сентября 1830 года, т.е. хронологически где-то между завершением “Барышни-крестьянки” (20 сентября 1830 г.) и началом “Домика в Коломне” (9 октября 1830 г.). А годом ранее о Гульянове в письме, написанном по-французски, Пушкина извещает П.Я. Чаадаев:

“Мое самое ревностное желание, друг мой, — видеть вас посвященным в тайны века. Нет в мире духовном зрелища более прискорбного, чем гений, не понявший своего века и своего призвания. Когда видишь, что человек, который должен господствовать над умами, склоняется перед мнением толпы, чувствуешь, что сам останавливаешься в пути. Спрашиваешь себя: почему человек, который должен указывать мне путь, мешает мне идти вперед? Право, это случается со мной всякий раз, когда я думаю о вас, а думаю я о вас так часто, что устал от этого. Дайте же мне возможность идти вперед, прошу вас. Если же у вас не хватает терпения следить за всем, что творится на свете, углубитесь в самого себя и в своем внутреннем мире найдите свет, который безусловно кроется во всех душах, подобных вашей. Я убежден, что вы можете принести бесконечную пользу несчастной, сбившейся с пути России. Не измените своему предназначению, друг мой.

С некоторых пор русских читают повсюду; вам известно, что был переведен г-н Булгарин и помещен за г-ном де-Жуи; о вас же речь идет в каждом выпуске *Обозрения;* в одной толстой книге почтительно упоминается имя моего приятеля Гульянова, а знаменитый Клапрот присуждает ему египетский венок; мне, право, кажется, что он поколебал основания пирамид. Представьте же себе, какой славы можете добиться вы. *Обратитесь с призывом к небу,* — оно откликнется.”

Почему Чаадаев, убежденный либерал и западник, искренне уверенный, что понял свой век и посвящен в его тайны, жалуется на то, что Пушкин мешает ему идти вперед? Видимо потому, что сам не способен различить где “зад”, а где “перед” на пути к истине. И не отсюда ли его видение России, как “несчастной и сбившейся с пути”? И этот человек дает советы поэту, завершившему “Бориса Годунова” и поднявшемуся в нем до понимания особого пути самобытности России-цивилизации.

Случайно ли, что к “Борису Годунову” Пушкин приступил вскоре после первого обращения к древнеегипетской теме, т.е. в декабре 1824 года? Нет, не случайно!

“Еще в 1824 — 25 гг., в уединении своего Михайловского, поэт, вдохновившись рассказом римского писателя Аврелия Виктора о Клеопатре, продававшей свои ночи, набросал на эту тему стихотворение — и, как видно из его черновых тетрадей, несколько раз возвращался к нему, то изменяя отдельные его части, то переходя к новому размеру стиха. Мысль о Клеопатре не покидала его среди «Под-

ражаний Корану», черновых набросков из «Цыган» и «Годунова», среди пестрых строф «Онегина»... Но стихотворение так и осталось не отделанным и не оконченным в течение целых десяти лет. Он вспомнил о нем только в 1835 г. и задумал ввести его в рамку соответствующего рассказа”.[1]

Это внешняя сторона египетской темы, подмеченная (как видно из выше приведенного отрывка) еще в начале XX века. Содержательная же сторона её, оставшаяся незамеченной всеми толкователями пушкинского наследия, открывается лишь при внимательном сопоставлении следующих фрагментов текстов “Клеопатры” и “Египетских ночей”:

Благословенные священною рукой,
Из урны жребии выходят чередой,
И первый Аргилай, клеврет Помпея смелый,
Изрубленный в боях, в походах поседелый.
Презренья хладного не снес он от жены
И гордо выступил суровый сын войны,
На вызов роковых последних наслаждений,
Как прежде выступал на славный клик сражений.
Критон за ним, Критон, изнеженный мудрец,
Воспитанный под небом Арголиды,
От отроческих дней поклонник и певец
И пламенных пиров, и пламенной Киприды.
Последний имени векам не передал.

“Клеопатра”, 1824 год.

[1] Сочинения и письма А.С. Пушкина, том пятый, под редакцией П.О.Морозова, изд. 1909 г. Предисловие к “Египетским ночам”. Дата написания стихотворения “Клеопатра”, установленная по рукописным вариантам, 2 октября — начало ноября 1824 года. Отсюда наше видение 11-летнего творческого цикла.

Благословленные жрецами,
Теперь из урны роковой
Пред неподвижными гостями
Выходят жребии чредой.
И первый — Флавий, воин смелый,
В дружинах римских поседелый;
Снести не мог он от жены
Высокомерного презренья;
Он принял вызов наслажденья,
Как принимал во дни войны
Он вызов ярого сраженья.
За ним Критон, младой мудрец,
Рожденный в рощах Эпикура,
Критон, поклонник и певец,
Харит, Киприды и Амура.
Любезный сердцу и очам,
Как вешний цвет едва развитый,
Последний имени векам
Не передал.

“Египетские ночи”, 1835 год.

Ключ к тайне имени третьего претендента на последнюю “египетскую ночь” с Клеопатрой может быть получен только после ответа на вопрос: почему Пушкин 11 лет спустя решил заменить имя Аргилая, клеврета Помпея, на Флавия. Но для овладения этим ключом придется совершить небольшой экскурс в “дела давно минувших дней”.

Исторически реальная Клеопатра — Клеопатра Филопатора родилась в 69 г. до н.э. и была третьей дочерью египетского царя Птолемея XII Авлета. Она покончила с собой в 30 г. до н.э. в возрасте 39 лет. В 49 г. до н.э. она действительно находилась в любовной связи, но не с Аргилаем (Архелаем) и даже не с Помпеем Великим, а с его старшим сыном — Гнеем Помпеем, прибывшим в Александрию за воинскими пополнениями для отца, ведшего войну с Юлием Цезарем. Голову же через год (в 48 г. до н.э.) отрезали Помпею Великому, но не за “египетскую ночь” с Клеопатрой, а по указанию Потина, придворного евнуха и главного советника Птолемея XIII, брата Клеопатры, который в это время вел борьбу со своей властолюбивой сестрой за наследство Птолемея XII.

Исторически реальный Аргилай (Архелай) — сирийский царевич, второй муж Береники, старшей сестры Клеопатры Филопаторы. Оба они (Береника и Архелай) были казнены в 58 г. до н.э. после неудачной попытки сместить с египетского престола Птолемея Авлета.

Династия императоров Флавиев (Веспасиан, Тит, Домициан) правила Римом с 69 по 96 гг. н.э. Но даже самый старший из них появился на свет только в 9 г. н.э. то есть через 39 лет после смерти Клеопатры. Другими словами, если Аргилай и Помпей в реальной жизни встречались с Клеопатрой и действительно лишились головы (хотя и в иных обстоятельствах, чем те, с которыми столкнулся читатель в "Клеопатре"), то ни один из Флавиев при всем их желании не мог принять участия в событиях, пересказанных поэтом с сюжета, описанного якобы римским писателем Аврелием Виктором.

Но тогда встает вопрос: почему Пушкин в 1824 году использует в "Клеопатре" одни исторически достоверные персонажи (Аргилай, Помпей), а через 11 лет в "Египетские ночи" вводит другие (Флавий), которые ни при каких условиях не могли соприкоснуться в реальной истории с Клеопатрой?

Можно конечно предположить, что Пушкин перепутал Помпея с Флавием. Но кто предметно знаком с системой воспитания в дворянских семьях того времени и с системой преподавания истории в лицее, тот знает, что Фукидида, Плутарха и Ливия лицеисты читали в подлинниках, так как греческий и латынь были для них предметами обязательными. Более того, в отличие от наших современников, история древнего мира (по крайней мере Египта, Греции и Рима) была им более известна, чем "История Государства Российского", которую еще только создавал Н.М.Карамзин.

Кто хорошо знаком с рукописями Пушкина, тот должен отметить, что поэт всегда был строг с хронологией и если Помпей и Флавий объединились у него в одной теме, связанной с Египтом, значит для этого были какие-то серьезные причины. Разгадка, по нашему мнению, состоит в том, что в реальной истории эти две личности объединяет лишь одно обстоятельство: оба они вооруженным путем присоединяли древнюю Иудею к Римской империи и оба, жестоко подавляя восстания в Иерусалиме, способствовали рассеянию евреев в мире. Но только Помпей действовал в 70-х годах ***до новой эры***, а Флавий в 70-х — ***новой эры***. В этот, почти полуторавековой период, в массовом сознании многонациональной Римской империи происходили важнейшие мировоззренческие трансформации, которые будут определять характер развития всей западной цивилизации в предстоящие две тысячи лет. Именно в этот период строгий, почти сектантский монотеизм, неизвестно откуда явившихся политеистичному миру иудеев, благодаря одному из пророков Востока стал достоянием цивилизаций Древнего Мира. Каким образом это стало возможно? Каков механизм формирования религиозных систем? История — цепь случайным образом выстроенных событий или существует некая, непризнанная пока человеком, закономерность формирования глобального исторического процесса?

Все эти вопросы не могли не волновать "умнейшего мужа России"[1] и в той или иной форме ответы на них можно найти в его произведениях. Было бы желание

[1] Такую характеристику дал поэту император Николай I после беседы с ним в Кремле 8 сентября 1826 г.

искать. Но для этого необходимо избавиться от навязанного официальной пушкинистикой взгляда на Пушкина, как на человека легкомысленного и беззаботного, не способного выйти в воззрениях на историю за рамки представлений своего времени. Возможно, предвосхищая такой подход к своим творениям, поэт (скорее всего бессознательно[1]) выстроил особую систему защиты их содержательной стороны, вход в которую определяет мера понимания читателя. Так и получилось, что все читают, да не все прочесть могут. Кто живет обыденным, тот всегда найдет и внешне обыденный сюжет, но не проникнет в иносказательную сущность произведения. Кто ищет высокое знание, кто стремится проникнуть за покров внешне обыденного, тот должен для начала подобрать ключи к каждому творению, один из которых сам поэт назвал “кастальским”[2].

В самом общем виде “ключи” к содержательной стороне иносказания “Медного Всадника” выглядят следующим образом:

---

[1] В марксистскую эпоху мы привыкли возвеличивать сознательное, а бессознательное отождествляли с чем-то бездумно автоматическим. В действительности же бессознательное человека, как система обработки информации, поступающей из его внешнего и внутреннего мира, гораздо мощнее чем сознательное (и по объему, и по скорости обработки информации). И проблема человека даже не столько в том, что делается им осознанно, а что бессознательно; проблема в том, чтобы осознанное им и бессознательное не были в конфликте, а взаимно дополняли друг друга, помогая решать встающие перед ним задачи в любых жизненных ситуациях. Но именно эта сторона вопроса всегда обходилась молчанием в марксистской идеологии.

[2] Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнаннников поит.
А.С.Пушкин, “Три ключа”, 1827 год.

Слово-термин-код-м	Первый смысловой р	Второй смысловой р	Третий смысловой р
Он, Бог, Державец Полумира, грозный царь, Всадник Медный,кумир на бронзовом коне.	Царь Петр, памятник которому, установленный на Сенатской площади, ожил в видениях безумного Евгения.	Идея Бога — внешняя, ритуальная сторона многих вероучений, используемых иерархами библейской цивилизации.	Бог, надмирная реальность, иерархически высшее объемлющее управление.
Река Нева; больной в постеле беспокойной; дышала, как с битвы прибежавший конь;её волны хищные толпились бунтуя злобно.	Река Нева, на которой стоит вторая, ныне внеюридическая столица цивилизации России.	Толпа — собрание людей, живущих по преданию и рассуждающих по авторитету вождей или предания.	“Река времен” — глобальный исторический процесс, в котором с некоторой периодичностью (подобно волнам) появляются и исчезают поколения людей.
Наводнение, Божий гнев, Божия стихия, злое Бедствие.	Река Нева в период наводнения — природная стихия.	Социальные катаклизмы: мировые, гражданские войны, революции.	Период смены логики социального поведения в глобальном историческом процессе.
Параша, Народ.	Дочь вдовы, невеста мелкого столичного чиновника по имени Параша.	Все народы многонациональной и многоконфессиональ-ной цивилизации Россия.	Идеал, мечта периферии самой древней и самой богатой мафии.

Слово-термин-код-мера	Первый смысловой ряд	Второй Смысловой ряд	Третий смысловой ряд

Евгений, бедняк, безумец бедный, ни зверь ни человек, ни то ни се, ни житель света ни призрак мертвый.	Мелкий столичный чиновник.	Либеральная, бездумно масонствующая интеллигенция, убежденная в своем “элитарном” превосходстве над толпой.	Еврейство, искусственно созданная в сорокадвухлетнем синайском “турпоходе”самая древняя мафия.
Львы сторожевые.	Скульптурная группа из двух мраморных львов.	Сенат и Синод; Верховный Совет СССР и ЦК КПСС; современные СМИ и правительство оседланные еврейскими кланами.	Левиты, искажающие из своекорыстия истинный смысл Божественных Откровений.
Вдова, порфироносная Вдова.	Мать Параши, невесты Бедного чиновника.	Монархия — дореволюционная форма государственного управления цивилизации Россия.	Любая форма концептуально Несамостоятельного управления государством.
Барка, Челн, Лодка.	Средства передвижения по воде.	Формы правления: бесструктурное, структурное.	Иерархия власти: Концептуальная, идеологическая, законодательная.

Слово-термин-код-мера	**Первый смысловой ряд**	**Второй смысловой ряд**	**Третий смысловой ряд**
Ветхий домик, одежда ветхая, колпак изношенный.	Общая характеристика одежд Евгения и жилища его невесты.	Шутовское прикрытие Сатириков-евреев,низводящих Согласно Талмуда великое до Малого, а малое до великого.	Ветхий Завет — основа иудаизма, вероучениеБогоборчества.

Слово-термин-код-мера	Первый смысловой ряд	Второй смысловой ряд	Третий смысловой ряд
Опытный гребец, перевозчик беззаботный.	Обычный лодочник, перевозчик пассажиров.	Иерархия библейских Вероучений за “гривенник” (десятую долю доходов общества) опекающая еврейство.	Глобальный Предиктор (древнеегипетское знахарство), ведущее экспансию толпо-”элитарной” концепции управления через свою периферию — еврейство.

Ознакомившись с предложенными здесь “ключами” к иносказанию “Медного Всадника”, любой читатель, способный без предубеждений подойти к неосознаваемым запретам в своем внутреннем мире по отношению к рассмотрению обозначенной здесь тематики, в меру своего понимания общего хода вещей может и сам попытаться раскрыть как второй, так и третий смысловые ряды поэмы. Может предложить другую тематику и соответствующие ей ключи к иносказанию поэмы. Но в любом варианте расшифровки второго смыслового ряда ему придется придерживаться основного критерия — целостности всего смысла открывающегося содержания иносказания.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

И самый последний нищий, при других условиях, способен быть первым богачем.

Козьма Прутков.

Глава 1. Что в имени тебе моем?

“Часть первая” начинается с описания состояния российского общества в юридическом центре управления цивилизацией в начале двадцатого столетия.

Над омраченным Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом.

О существовании и особой роли тогдашнего внеюридического центра цивилизации — Москвы — говорится во Вступлении:

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфироносная вдова.

Во времена Пушкина младшею столицей России был Санкт-Петербург. Петроградом он назывался короткий десятилетний период с начала первой мировой войны до переименования в Ленинград после смерти “вождя мирового пролетариата”. Указание на ноябрь говорит о том, что у автора понятие о времени несколько отличалось от понятия тех, кто занимался исследованием его творчества. Известно, что вооруженное восстание, в результате которого было свергнуто масонское Временное правительство было в октябре, но празднование все 73 года Великой Октябрьской Революции в соответствии с календарной реформой (новый стиль) происходило 7 ноября. Но особенно примечательно то, что поводом для написания “Медного Всадника” было самое сильное за всю историю Петербурга наводнение, которое произошло 7 ноября 1824 года: почти за год до выхода декабристов на Сенатскую площадь и за 93 года до “пролетарской революции”, которая по причинам, выпавшим из внимания историков, победила в крестьянской стране. Случайное ли такое совпадение дат? Или такая случайность — некая, пока еще не познанная статистическая закономерность, не воспринимаемая как предопределенность?

Если вопрос о целостности информации ставить широко, то он может быть сформулирован примерно так: связаны ли меж собой процессы биосферного и социального уровня? И если связаны, то как? Где причина, а где следствие?

По этому поводу в основном трактате “герметистов” — “Изумрудной скрижали” говорится следующее: все процессы макро и микромира носят колебательный характер, взаимосвязаны и взаимовложены. И еще: что вверху, то и внизу. Другими словами, если связь и существует, то она должна проявляться через величины частот, амплитуд и полных периодов взаимовложенных колебательных процессов, отождествляемых в культуре современной технократической цивилизации с некоторой мерой, воспринимаемой сознанием в качестве астрономического времени.

Насколько глубоко был посвящен в знания “герметистов” Пушкин — вопрос сложный. Дар Божий поэта — интуиция — глубже посвящений; она доносит до нас иногда через столетия поэтическим словом содержательную сторону информации о тех явлениях, смысл которых был воспринят им интуитивно, возможно и во внелексических образах. Тем самым поэт как бы указует на то, что подлинный смысл всего содержания поэмы будет раскрыт поколениями, живущими “по новому стилю” и руководствующимися новой логикой социального поведения.

Плеская шумною волной
В края своей ограды стройной,
Нева металась как больной
В своей постеле беспокойной.

Образ Невы в поэме одновременно указует на толпу и время. В пушкинской системе образов толпа, не вызревшая до народа, как правило, выступает в образе коня (см. нашу расшифровку второго смыслового ряда “Руслана и Людмилы”). Во второй части мы видим, что никакого противоречия ни в самой системе, ни в нашей трактовке её нет:

И тяжело Нева дышала,
Как с битвы прибежавший конь.

Что касается отождествления времени с образом реки, то в начале XIX века это было довольно распространенным явлением.

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.

“На тленность” Г. Державин. 1816 г.

Государственность России, в отличие от любого государства Востока и Запада, своими границами объемлет одну из региональных цивилизаций планеты и потому несет в себе “особенную стать” — функцию управления цивилизацией в целом. Отсюда выраженное Тютчевым непонимание западниками и Западом способности к постоянному возрождению Российской государственности каждый раз во все более эффективных формах управления:

Умом Россию не понять

Аршином общим не измерить,
У ней особенная стать
В Россию можно только верить.

Монархия, как форма правления, почти до конца XIX в. со всеми своими государственными институтами внешне действительно выглядела довольно “стройной оградой” для всех наций, проживающих в цивилизации Россия. Более сотни народов, принадлежащих практически ко всем существующим в то время вероисповеданиям, жили без внутренних национальных и религиозных конфликтов, сохраняя свои культурные особенности. Однако, цивилизация — самобытность по-русски — живет и развивается по своим внутренним законам, отличающимся от законов развития государства, и потому даже самая “стройная ограда” государственных институтов управления, рано или поздно становятся преградой для развития общественной жизни цивилизации. Понимание этого в коллективном бессознательном русского народа отражено в поговорке: “Чужой рот — не огород, не притворишь”.

Неспособность различить кризис несоответствия управленческих функций государственности потребностям развития цивилизации создает у некоторых политиков ощущение болезни общества, жаждущего перемен и тогда появляются формулировки, обозначающие революционность ситуации типа: “Верхи неспособны управлять по новому, а низы не хотят жить по старому.”

Уж было поздно и темно;
Сердито бился дождь в окно,
И ветер дул печально воя.
В то время из гостей домой
Пришел Евгений молодой...

Так впервые перед нами появляется центральный персонаж поэмы. Многоточие в конце второй фразы указует на некую условность его имени, за которым лежит тайна, сокрытая своеобразной системой умолчаний. Но именно эта система умолчаний и побуждает сознание читателя к поиску ответов на загадки, выставленные поэтом на уровне второго смыслового ряда, в том числе и по отношению к образу Евгения.

Мы будем нашего героя
Звать этим именем.

“Мы будем звать”, то есть имя Евгений — только “палец указующий” на некое явление, на которое хотел обратить внимание читателя Пушкин, но не само явление.

В разные времена за ним видели то самого поэта, пребывающего в конфликте “со светом”, то декабристов, преследуемых царем-деспотом. Но никто не обратил внимания на тот факт, что автор дистанцируется от своего творения используя все ту же систему умолчаний.

Оно
Звучит приятно; с ним давно
Мое перо к тому же дружно.

С именем “Евгений” дружно перо Пушкина, но это еще не значит, что с ним дружит он сам. Действительно с этим именем связаны многие произведения поэта, но ключ к раскрытию его содержательной стороны — в самом имени. В переводе с древнегреческого на русский: “ев” — хороший, “генос” — род, т.е. дословно — “хорошеродный”, “благородный”. Термин “евгеника”, означающий науку, изучающую и разрабатывающую методы изменения человеческой породы в нужном (кому?) направлении, был впервые введен родственником Чарльза Дарвина англичанином Фрэнсисом Гальтоном в 1869 г. в его работе “Наследственность таланта, его законы и последствия”. Естественно, разработчики основ “новой” науки, предполагали улучшение человеческой породы в сторону свойств, которые они считали хорошими. Но известно, что благими намерениями дорога в ад выстилается статистически чаще, чем в рай. Поэтому можно считать закономерным, что последователи “евгеники” вскоре открыто заявили, что привилегированные классы, обладают в большей мере добродетелями, чем классы неимущие. Однако, реальная жизнь свидетельствует об обратном: физическая и умственная деградация статистически чаще наблюдается в “элитных” семьях. Деградация, так называемой управленческой “элиты”, — закономерное следствие её бездумного паразитизма, который возможен лишь потому, что только “элита” всегда была способна предъявлять обществу монопольно высокие цены за продукт управленческого труда. Семьи, занятые в сфере производства материальных и духовных благ, такой возможности никогда не имели.

Известно, что многие науки открывались в эпоху “Возрождения” как бы заново, поскольку начало христианской эры (новой эры) характеризовалось прежде всего тем, что наука и религия “разошлись” в своем понимании единого и целостного мира. Знания о выведении особой породы людей были известны древнеегипетскому жречеству задолго до “синайского турпохода”, описанного в Библии в книгах Числа, Исход, который был лишь завершающим этапом социального эксперимента глобальной значимости по формированию особой общности мафиозного типа, вошедшей в обыденное сознание под названием “избранного народа”. А теперь посмотрим, как тайна имени Евгений отражена в культуре Древнего Египта:

«Действительно, есть в теле человека, во всем, что живет и существует, элемент постоянный, неразрушимый, который живет вечно, поскольку тела сохраняют свои формы и свои органы неистлевшими. Это то, что мы бы называли телесной душой. Египтяне давали ей имя Ка, т.е. “гения”. Его обозначают обыкновенным иносказанием: Двойник. Двойник, как бы второй экземпляр существа; это тело материальное по виду, духовное по своей природе; оно подобно человеческому телу, но невидимо для телесных глаз. Чтобы материализоваться, ему нужна опора, и это не что иное, как тело и неистлевший труп или изображение (статуя, барельеф, живопись) живого тела. Чтобы продолжалась жизнь, вопреки всем видимостям смерти, нужно, чтобы мумия или статуя — похожее изображение — притягивало к себе двойника, как это делало живое тело, в силу закона магии: подобное вызывает подобное.»[1]

Здесь мы сталкиваемся с элементами древнеегипетского нейролингвистического программирования, в результате которого слово Ев. Гений (имя греческое) вводится в коллективное бессознательное в качестве наименования хорошей души, как код-мера образа некого скрытого от общества явления, воспринимаемого всеми в качестве еврейства. Знахари Древнего Египта были большими мастерами по части черной и белой магии и понимали: дать точную меру образа скрытого явления — реализовать его в жизни. Другое дело, каким оно явилось миру в реальности? На этот вопрос отвечает фраза, ставшая почти крылатой (возможно потому, что ненароком вылетела из уст современного нам “Черномора”): “Хотели как лучше, а получилось как всегда”. Это — своеобразная оценка деятельности древних “евгеников”.

В конце второго тысячелетия новой эры мера качества управленческой деятельности древних “евгеников” в целом оценивается катастрофическим ходом развития всей западно-библейской цивилизации, к руководству которой не без их участия и были приведены современные “ев. гении”. А в результате получилось следующее: руководителей много, а необходимых обществу управленцев нет.

Пушкин в поэме стремился словом указать как можно точнее на те явления общественной жизни, которые устойчиво существуют не одно поколение и понимание которых будет по его представлениям оказывать ре-

---

[1] А.Морэ, “Цари и боги Египта”. г. Москва, 1909 г. Издание Н. и С.Сабашниковы. После прочтения данного фрагмента каждому станет понятна и “мистика” уничтожения скульптурных изображений тех правителей, чья концепция управления оказывалась по каким-то причинам неприемлемой для их преемников.

шающее влияние на дальнейший ход развития глобального исторического процесса.

О рассеянии еврейства — вечно “молодой” мафиозной общности — в “Первой части” сказано всего двумя строчками:

В то время из гостей домой
Пришел Евгений молодой...

Из гостей домой возвращаются и Пушкин прямо укажет на это во второй части поэмы, когда будет иносказательно говорить об истинном доме самой древней “мафиозной общности”.

Прошла неделя, месяц — он
К себе домой не возвращался.

Приходят в дом те, кто вечно в гостях. Согласно Словарю В.И. Даля, ***Прихожий и пришлый,*** пришедший откуда, чужой, сторонний; ***пришелец, пришлец*** — пришлый человек, странник, иноземец, инородец.

Прошли многие тысячелетия и современные знахари посчитали возможным сказать об этом открыто:

«Основная еврейская добродетель — “встать и пойти”, это народ не оседлый, несмотря на солидную недвижимость. И нужно понять, что такими шатунами сделал их не антисемитизм окружающего оседлого населения, но собственная их беспокойная природа.... Меньше всего евреи принадлежат так называемой культуре.... Еврей и на вершине культуры, и на социальных верхах остается “провокатором”. Сфера еврейства не культура, а гений, ибо, как сказал Сартр***, гений — это не дар, а путь, избираемый в отчаянных обстоятельствах***.... И у Сартра в “Бытии и ничто” появляется определение: диаспорическое (т.е. рассеянное среди других народов: зам. авт.) бытие как характеристика человека, самого человеческого проекта. Герой экзистенциальной философии оказывается, таким образом, евреем, экзистенциализм оборачивается еврейским учением.... ***Нельзя говорить, что каждый еврей гениален, но в каждом гении есть что-то еврейское.***... Но “абсолютность” еврейства, ген гениальности, ему свойственный, делает его, с другой стороны, “кошмаром наций”. Это слова Мартина Бубера.... Еврей в диаспоре — загадка и тайна человечества. ***В истории есть только одна тайна, и эта тайна — еврей***. Еврейство нельзя сводить к “национальному вопросу” или к антисемитизму.»

Это не примитивные рассуждения злобного антисемита, а выдержки из книги “Портрет еврея”, вышедшей в 1996 г. в США и написанной попу-

лярным политическим обозревателем радиостанции “Свобода”, задыхающимся (как слышно по его говору) от русофобии Борисом Парамоновым. Книга получила одобрение в сионистских кругах, а цитированные в ней Сартр, Бубер и многие другие авторы — признанные авторитеты еврейства.

Если согласиться с утверждением Б. Парамонова, что “***в истории всегда была лишь одна тайна, и эта тайна — еврей***”, то следует согласиться и с тем, что А.С.Пушкин не мог обойти своим вниманием такую тайну.

Многие современники Пушкина подтверждают особый интерес поэта к новейшим открытиям египтологов:

“А вот сущность образа Евгения для Пушкина чрезвычайно важна, и её поэт рассматривает как историческую. Чтобы дать понять это читателю, он обращается за помощью к новейшему открытию Шампольона[1], указавшего на наличие в древнеегипетской письменности особого класса знаков, являвшихся детерминативами, то есть определителями содержания слов. Такие детерминативы имелись для обозначения растений, деревьев, мужчин, женщин, отвлеченных понятий и т.д. В качестве детерминатива историчности Пушкин избрал имя наиболее известного в то время и к тому же официального историографа — Карамзина.”[2]

Действительно, фамилия Карамзина в поэме упоминается:

Хотя в минувши времена
Оно, быть может, и блистало
И под пером Карамзина
В родных преданьях прозвучало;

Но в каком контексте имя Евгения следует рассматривать в “Истории государства Российского”, — эту проблему читатель должен решать сам в меру своего понимания глобального исторического процесса, места в нем России и особенной роли во всем этом еврейства. Особенная же роль еврейства согласно Главы VII (Владимир Мономах, названный в ***<u>крещении</u>*** Василием 1113 — 1125 гг.) “Истории государства Российского” выглядит так:

---

[1] Эта цитата показывает, что обсуждаемая нами взаимосвязь: «Египет — еврейство — пушкинское постижение этой темы в образах “Медного Всадника”» — не высосана нами из пальца.

[2] А.П.Могилянский. “Проблема истолкования поэмы Пушкина «Медный Всадник»”.

«Причиною киевского мятежа было, кажется, лихоимство евреев: вероятно, что они, пользуясь тогдашнею редкостью денег, угнетали должников ***неумеренными ростами***.»

Историк, Н.И.Костомаров (1817 — 1885 гг.), последователь Н.М.Карамзина в концепции изложения истории описывает эти же события XI в. более подробно:

«Феодосий (имеется в виду Преподобный Феодосий Печорский) сурово относится к иноверцам: "Живите мирно... с врагами, однако только со своими врагами, а не врагами Божиими;... но Божие враги — жиды, еретики, держащие кривую веру..."

Более всех ненавидел Феодосий жидов, и жизнеописатель его говорит, что он ходил к жидам укорять их, досаждал им, ***называл беззаконниками и отступниками*** и хотел быть от них убитым за Христа. (Скончался 2 мая 1074 г.)» "Господство дома Св. Владимира", Москва. Военное издательство, 1993 г., глава "Преподобный Феодосий Печерский", с.32.

«В 1113 г. умер Святополк, и киевляне, собравшись на вече, избрали Владимира Мономаха своим князем; недовольные поборами своего покойного князя, напали на дом его любимца Путяты и разграбили жидов, которым потакал Святополк во время своего княжения и поверял собрание доходов...[1] При Мономахе... ограничено произвольное взимание рез (процентов), которое при Святополке доходило до больших злоупотреблений и вызвало по смерти этого князя преследование жидов, бывших ростовщиками. При Владимире установлено, что ростовщик может брать только три раза проценты, и если возьмет три раза, то уже теряет самый капитал.» — Там же, глава "Князь Владимир Мономах", с. 64 - 65.

Итак, один историк обвиняет евреев в лихоимстве, т.е. угнетении должников неумеренными ростами; другой, ссылаясь на Преподобного Феодосия Печорского, чтимого всеми христианами, называет их беззаконниками и отступниками. Посмотрим, насколько эти обвинения соответствуют истине, или они плод эмоционального восприятия фактологии истории без понимания её причинно-следственной обусловленности.

---

[1] То есть сдал жидам на откуп сбор государственных налогов. Нечто подобное идеализировал в "Испанской балладе" Л.Фейхтвангер.

“Не давай в рост брату твоему *(по контексту единоплеменнику - иудею)* ***ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что возможно отдавать в рост; иноземцу*** *(т.е. не иудею)* ***отдавай в рост, чтобы господь бог твой*** *(т.е. дьявол, если по совести смотреть на существо рекомендаций)* ***благословил тебя во всем, что делается руками твоими на земле, в которую ты идешь, чтобы владеть ею*** *(последнее касается не только древности и не только обетованной древним евреям Палестины, поскольку взято не из отчета о расшифровке единственного свитка истории болезни, найденного на раскопках древней психбольницы, а из современной, массово изданной книги, пропагандируемой всеми Церквями и частью “интеллигенции” в качестве вечной истины, данной якобы Свыше).****”*** *- Второзаконие, 23:19, 20.* ***“И будешь господствовать над многими народами, а они над тобой господствовать не будут”*** *- Второзаконие, 28:12.* ***“Тогда сыновья иноземцев*** *(т.е. последующие поколения не-иудеев, чьи предки влезли в заведомо неоплатные долги к племени ростовщиков-единоверцев)* ***будут строить стены твои*** *(так ныне многие семьи арабов-палестинцев в их жизни зависят от возможности поездок на работу в Израиль)* ***и цари их будут служить тебе*** *(“Я - еврей королей” - возражение одного из Ротшильдов на неудачный комплимент в его адрес: “Вы король евреев”)****; ибо во гневе моем я поражал тебя, но в благоволении моем буду милостлив к тебе. И будут отверзты врата твои, не будут затворяться ни днем, ни ночью, чтобы было приносимо к тебе достояние народов и приводимы были цари их. Ибо народы и царства, которые не захотят служить тебе, погибнут, и такие народы совершенно истребятся”*** *- Исаия, 60:10 - 12.*

Христианские Церкви настаивают на священности этой мерзости, а канон Нового Завета, прошедший цензуру и редактирование еще до Никейского собора (325 г. н.э.), от имени Христа провозглашает ее до скончания веков: ***“Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков. Не нарушить пришел Я, но исполнить. Истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполниться все”*** *- Матфей, 5:17, 18..*

Фактически, цитированный выше текст “Священного писания”, — долговременная стратегия порабощения всех народов через ростовщичество посредством пришлого “вечно бедного еврея”. Ф.Петрарка идею “бедного еврея” сформулировал предельно кратко: “Жадный беден всегда”. В поэме по отношению к Евгению с эпитетом “бедный” мы столкнемся еще не раз.

Если в оценках событий происшедших в Киеве в XI в. исходить из данной Доктрины “Второзакония-Исаии”, а не из эмоционального восприятия их историками, то следует признать, что ростовщики-евреи, дейст-

вующие строго в соответствии с библейскими заветами, большие законники, чем обвиняющий их в беззаконии Преподобный Феодосий Печорский. Понимали ли "крестители Руси", что с "крещением", они несли русичам не только внешне красивые ритуалы и общечеловеческие ценности, но также способствовали экспансии библейской концепции экономического закабаления своего народа? Ответ на этот вопрос можно при желании найти у Н.М.Карамзина:

"Древний летописец наш (имеется в виду Нестор: замечание авт.) повествует, что не только христианские проповедники, но магометане, вместе с иудеями, обитавшими в земле козарской или в Тавриде, присылали в Киев мудрых законников склонять Владимира к принятию веры своей и что великий князь охотно выслушивал их учение. Случай вероятный: народы соседственные могли желать, чтобы государь, уже славный победами в Европе и Азии, исповедовал одного бога с ними, и Владимир мог также — увидев наконец, подобно бабке своей, заблуждение язычества — **искать истины в разных верах**.

Первые послы были от волжских и камских болгаров. На восточных и южных берегах Каспийского моря уже давно господствовала вера магометская, утвержденная там счастливым оружием аравитян: болгары приняли оную и хотели сообщить Владимиру. Описание Магометова рая и цветущих гурий пленило воображение сластолюбивого князя; но обрезание казалось ему ненавистным обрядом и запрещение пить вино — уставом безрассудным. *Вино*, сказал он, *есть веселие для русских; не можем быть без него.* — Послы немецких католиков говорили ему о величии невидимого Вседержителя и ничтожности идолов. Князь ответствовал им: *Идите обратно; отцы наши не принимали веры от папы.* Выслушав иудеев, он спросил, где их отечество? «В Иерусалиме, — ответствовали проповедники: — но бог во гневе своем расточил нас по землям чуждым». *И вы, наказываемые богом, дерзаете учить других?* сказал Владимир: *мы не хотим, подобно вам, лишиться своего отечества.* — Наконец, безымянный философ, присланный греками, опровергнув в немногих словах другие веры, рассказал Владимиру все содержание Библии, Ветхого и Нового Завета: историю творения, рая, греха, первых людей, потопа, народа избранного, искупления, христианства, семи Соборов, и в заключение показал ему картину Страшного Суда с изображением праведных, идущих в рай, и грешных, осужденных на вечную муку. Пораженный сим зрелищем, Владимир вздохнул и сказал: «Благо добродетельным и горе злым!» *Крестися,* ответствовал философ — *и будешь в раю с первыми*."

Этот пересказ летописи Нестора Н.М. Карамзин завершил замечательным пояснением:

“Летописец наш ***угадывал***, каким образом проповедники вер долженствовали говорить с Владимиром; но ежели греческий философ действительно имел право на сие имя, то ему не трудно было уверить язычника разумного в великом превосходстве закона христианского.”[1]

Итак, мы видим, что “под пером Карамзина в родных преданиях прозвучало” действительно много интересного в отношении того исторического явления, на которое Пушкин указал именем Евгений. Из “Истории Государства Российского” следует также, что к выбору вероучения[2] для своего народа Владимир подошел не как концептуально самостоятельный державник, а как современный “агент влияния”, искусно обработанный заезжим философом — представителем оккультной верхушки глобального знахарства, который в своем пересказе Ветхого и Нового Завета вряд ли посвятил равноапостольного в тайны приведенной ранее нами доктрины “Второзакония-Исаии”. Понятно, что сам Владимир ни Корана, ни Библии не читал; но даже если бы и захотел изучить их самостоятельно, то такой возможности он просто не имел: в X веке еще не было русских переводов ни Библии, ни Корана. Нет в летописях и сведений о том, что будущий “равноапостольный” пытался засадить за изучение языков и переводы на русский язык этих книг доверенных людей.

Постепенно свету (управленческой “элите”) и отечественным “агентам влияния” в союзе с “безымянными философами” методами “культурного сотрудничества” удалось подавить негативную реакцию молвы (коллективного бессознательного) на проявления в экономической жизни паразитической агрессивности ростовщичества еврейского гения:

---

[1] Н.М.Карамзин, “История Государства Российского”, глава XI.

[2] Вероучение содержательно отличается от религии. Латинское слово “религия” в переводе на русский — “связь”, но это не связь с иерархами того или иного религиозного культа, и не связь с самим культом — порождением рук человеческих, а связь человека с Богом, как надмирной реальностью, иерархически высшим объемлющим управлением. Эта связь может осуществляться в **форме** различных вероучений, которые **содержательно** могут быть весьма далекими от истинной религии, т.е. связи человека с Богом. На эту разницу между истиной-религией (содержанием) и вероучением (формой) обратил внимание еще в прошлом веке В.О. Ключевский: “Христос дал истину жизни, но не дал форм ее, предоставив их злобе дня”.

Но ныне светом и молвой
Оно забыто.

Оно же (еврейство) тем временем, следуя своему древнему кочевому инстинкту и “божьему наказанию”, о котором говорил иудейский эмиссар Владимиру, энергично распространялось по необъятным просторам России и, несмотря на попытки государей остановить его экспансию через введение “черты оседлости”, к началу XIX века прочно обосновалось во всех государственных институтах империи. Поэтому в поэме:

Наш герой
Живет в Коломне. Где-то служит,
Дичится знатных и не тужит
Ни о почиющей родне,
Ни о забытой старине.

Две последних строки указуют на неразрешимое противоречие западной исторической науки в отношении к главному инструменту экспансии библейской концепции: с одной стороны, её постоянные попытки убедить мировую общественность в особых, отличительных свойствах еврейства, как нации, а, с другой, — её неспособность отделить эту “нацию” по основным своим признакам от мафии. Другими словами, какое бы определение нации[1] наука ни приняла, всегда получается неразрешимая дилемма: либо все народы, кроме евреев, — нации (но тогда остается вопрос кем являются евреи?), либо единственная в мире нация — евреи (но тогда все остальные народы перестают быть нациями).

Не менее сложно для западной науки объяснить и особенную, свойственную только еврейству “гениальность”, которая в России и других странах проявляется через их засилье во всех управленческих структурах и особенно в средствах массовой информации и творческих профессиях: актеры, художники, писатели, музыканты и т.д. Если с точки зрения западной науки еврейство — нация, то ученых, объясняющих “особую одаренность” евреев, легко обвинить с позиций той же самой науки в расизме; если же, по мнению тех же ученых, евреи нацией не являются, то им при-

[1] Существют всего два определения нации, данные И.В. Сталиным и Т.Герцелем. Сталинское: общность людей с едиными — территорией, языком, культурой, экономической жизнью. Герцеля: общность людей, объединенная наличием общего врага. Судите сами, которое из них более “научно”.

дется согласится с версией: особая “одаренность” евреев — проявление их мафиозной сплоченности.

Что же такое еврейство? — Банда, псевдоэтническая международная мафия, преимущественно клановой организации, исторически сложившаяся на основе вероучения, проповедующего расовую исключительность и замкнутость его исповедующих, ориентированная на захват мирового господства и паразитизм, в пределах мечтаний, чтобы вся Вселенная была у жида на посылках.

Общее в еврействе и любой мафии:

— имеют развитую систему опознавания “свой — чужой”. Первый способ самозащиты вора, совершившего ограбление в толпе, кричать во весь голос: держите вора! Еврей готов обвинить в национализме представителя любой нации, чтобы замаскировать единственный, реально существующий в мире агрессивный национализм — сионизм, маскирующийся под интернационализм. Не случайно в любой стране еврей — интернационалист, а у себя в Израиле — оголтелый националист, шовинист и фашист; причем не потенциальный, а деятельный и наглый;

— рассеяны среди людей, избегают производительного тяжелого труда, хотя внешне могут быть вполне респектабельны;

— банда сплочена, в ней нет борьбы за социальную справедливость, “шестерка” никогда не поднимется против “пахана” — “раввина”. “Бедный еврей” готов бороться за социальную справедливость до последнего гоя вне еврейства и не в ущерб богатому еврейству. “Пахан” при случае расплатится кровью “шестерки” — в погромах еврейская крупная буржуазия и еврейские банкиры никогда не страдали;

— в банде практикуются клички. Евреи обожают псевдонимы;

— нормальные люди не тычут в глаза бандиту тем, что он — бандит. Только еврею не принято напоминать о его “национальности”, по словам Маркса “химерической национальности купца, денежного человека вообще”. Напоминание ведет к террору: от обвинений в черносотенстве до убийств;

— уголовщина насмехается над тружениками — все “герои” Райкина, Жванецкого, Альтова и других “юмористов” — гои-труженики; ни одного еврея;

— управление бандой на низших уровнях бесструктурное, целевое — через деньги; высшие уровни имеют структуру. Аналогично и у еврейства: низшие уровни через деньги выводятся на нужные посты в официальных структурах, при необходимости идет перераспределение доходов через банду — еврейскую общину. На высших уровнях — структура масонства. Каждый отдельный бандит не знает и не интересуется всей структурой банды. Каждый отдельный еврей подсознательно боится такой информации.

Верх “антисемитизма” (в традиционно навязанном понимании этого слова) — не говорить еврею, что еврейство — “самая культурная” и самая древняя банда, мафия, маскирующаяся под народ.

Вот теперь становится понятным и столь странное одиночество Евгения. В поэме оно проявляется в том, что у “нашего героя” нет ни родственников, ни друзей, ни знакомых. При более внимательном изучении содержания поэмы взгляду читателя предстают, как бы два, взаимно не связанных друг с другом, мира: в одном, полуфантастическом, в полном одиночестве, существует Евгений, в другом, реальном — живут обычной жизнью все остальные персонажи.

До революции все служивые люди подразделялись “табелем о рангах” на четырнадцать ступеней, но внешней отличительной особенностью, говорящей о принадлежности к тому или иному рангу, прежде всего была шинель, которую Н.В. Гоголь даже сделал центральным персонажем одной из своих повестей. Неопределенным выражением “где-то служит” Пушкин, согласно действующей в поэме системы умолчаний, дает понять, что “еврейский гений”, т.е. второе “Я” еврейства, его рассредоточенная в обществе информационная сущность, присутствует везде, во всех институтах государственного управления.

Слова любого пушкинского текста несут строго определенную информационную нагрузку, мера которой определяется, с одной стороны, состоянием коллективного бессознательного, всегда соответствующего духу конкретной исторической эпохи, а, с другой, — способностью индивидуального сознательного выразить это коллективное бессознательное в строгих лексических формах, присущих информационному состоянию только данной эпохи.

Слово “знать” в различное время вызывало в сознании разные образы. У многих и сегодня это слово ассоциируется с принадлежностью к некой “элите”. На самом же деле это слово — только палец, указующий на определенную социальную группу, обладающую определенным уровнем управленческих знаний, превосходящим все другие слои общества. Но поскольку в пушкинскую эпоху самым высоким уровнем знаний такого рода обладало дворянство (в среднестатистическом смысле), — самый богатый класс того времени, — то в обыденном сознании слово “знать” прежде всего отождествлялось не столько с принадлежностью к самому знанию об управлении обществом, сколько с высоким родством и богатством, передающимся по наследству.

“*Дичится знатных”* — это не значит, что еврейство боится “знати”, в смысле высокородного дворянства; это означает, что оно выделяет (конечно неосознанно) себя по принадлежности к представителям иного знания об управлении, которое недоступно управленческому классу Российской империи, но которое вполне осознанно выразил один из Ротшильдов, когда

кто-то, желая ему польстить, спросил его: “Вы король евреев ?” На что тот ответил: “Нет, я еврей королей!”. “Король” в обыденном сознании — представитель высшей знати (во времена Пушкина — и предводитель дворянства, но не уездный, как Киса Воробьянинов, а общегосударственный) и потому ответ Ротшильда тоже может быть отнесен к разряду “*дичится знатных”*.

Подлинная родня евреев — обыкновенные кочевники-семиты, многочисленные племена которых во множестве бродили по окраинам обширной Древнеегипетской цивилизации в конце второго тысячелетия до новой эры. “Ев. гений” о ней не тужит не потому, что не хочет, а потому что действительно не может её знать, ибо та далекая родня и старина, из среды которой и была выведена древнеегипетскими евгениками (в смысле искусственно создана) эта странная порода *“ни жителей света, ни призраков мертвых”*[1] действительно давно ушла в небытие. Но это о них, потерявших способность к различению добра и зла, и потому постоянно *“оглушенных шумом внутренней тревоги”,* сказано в Коране Сура 45:31. И когда было сказано: “Ведь обещание Аллаха — истина и час — нет сомнения в нем,” — вы сказали: МЫ НЕ ЗНАЕМ, что такое час, МЫ ТОЛЬКО ДУМАЕМ ВСЯКИЕ МЫСЛИ, МЫ НИ В ЧЕМ НЕ УВЕРЕНЫ”. 32. И явились им мерзости того, что они творили, и постигло их то, над чем они издевались.

Глава 2. Волненья разных размышлений

И так домой пришед, Евгений
Стряхнул шинель, разделся, лег.
Но долго он заснуть не мог
В волненьи разных размышлений.

Каким путем приходит в любой национальный дом еврейство, в поэме не говорится, как не говорится прямо и о том, что за словом “евгений” у читателя должен вставать образ социального явления столь странного, что обыденному сознанию его меру одним словом трудно выразить. И потому (на что никто не обращает внимания), вместо всем знакомого по каноническим текстам поэмы вводного слова “итак”, в оригинальном тексте мы видим раздельное “и так”, чтобы у читателя определенной эпохи, в соответствии с принципом дополнительности информации, по мере того как в

[1] Характеристика, данная Евгению Пушкиным во второй части поэмы.

коллективном бессознательном созреет образ этого явления, как бы сам собой возник и вопрос, заданный поэтом по умолчанию: “Как?” — Как самая древняя мафия проникает в любую национальную общность, после чего ее (т.е. мафии) “патриотизм” действительно становится последним прибежищем негодяев ?

Поскольку к концу XX века информации о еврействе накопилось достаточно, чтобы в коллективном бессознательном сформировалось о нем целостное представление, то интересно понять объективную, а не декларируемую нравственность этой странной общности, которая выражается не только в её поведении, но и в помыслах:

О чем же думал он? о том,
Что был он беден, что трудом
Он должен был себе доставить
И независимость и честь,
Что мог бы Бог ему прибавить
Ума и денег.

В этом кратком, но очень содержательном внутреннем монологе Евгения и отражена социально противоречивая логика поведения как отдельно взятого еврея, так и еврейства в целом. Разумеется, каждый еврей понимает, что только трудом он может “себе доставить и независимость и честь”, но в реальной жизни еврейство в целом (в статистическом смысле), избегает сферы производства, связанной с физическим трудом, которому, как правило, предпочитает труд в сфере управления и других областях информационной деятельности, а также имитацию общественно полезной деятельности по принципу: что бы ни делать — лишь бы не работать. Но подобного рода деятельность требует особых знаний и потому не всякий, обделенный от Бога умом, способен к эффективному труду, особенно в сфере управления. И, понимая это, Евгений просит у Бога прибавки “ума и денег”, поскольку у евреев есть поговорка: «Были бы здоровье и деньги, а остальное все купим.» Действительно, за деньги можно купить все, кроме... знаний. Можно купить, особенно сегодня, даже вывеску-диплом, уверяющую общество о наличии у “предъявителя сего” знаний в определенной сфере деятельности, но невозможно купить сами знания.

Знание — единственная в мире “вещь”, которая не продается, не покупается и не отчуждается, даже по желанию владельца, но доступ к которой дается Богом по нравственности. Поэтому знание может быть освоено лишь собственным трудом, но при этом результаты его реализации всегда будут связаны с определенным строем психики человека. Отсюда, знание — лишь приданое к строю психики.

Нравственность Евгения (не декларируемая, а объективная) раскрывается во второй части его “разных размышлений”, и, как мы видим, ее проявления тут же вступают в противоречие с рассуждениями по части истинного предназначения труда и ума:

Что ведь есть
Такие праздные счастливцы,
Ума недальнего ленивцы,
Которым жизнь куда легка!

В итоге перед нами социальный тип даже не с раздвоенным[1], а с “расстроенным” сознанием: понимает, что средства для честного преуспеяния в жизни должно добывать добросовестным трудом, но тут же просит у Бога денег т.е. непрочь пожить “на халяву” и вообще завидует бездельникам и людям “*ума недальнего”*. Другими словами, “в волненьи разных размышлений” еврейского гения просматриваются явные признаки шизофрении. И о том, что Пушкин угадал их в коллективном бессознательном еврейства задолго до того, как оно выразилось индивидуальным сознанием отдельно взятого еврея нас извещает газета “Петербург экспресс” № 10(11), 1995 г., в которой не самый бедный и не самый талантливый еврейский актер Михаил Боярский на первой странице прямо заявляет: “Если бы я был поумнее и побогаче...” Евгений у Пушкина наделен эпитетом “бедный” не случайно: в начале века в России была очень популярна басня И.А. Крылова “Бедный Богач”. Приведем её здесь полностью, поскольку данная басня — своеобразное выражение в коллективном бессознательном того времени проблем, которые Пушкин на уровне второго смыслового ряда и пытался высветить в поэме.

“Ну стоит ли богатым быть,
Чтоб вкусно никогда ни съесть, ни спить
И только деньги лишь копить?
Да и на что? Умрем, ведь все оставим.
Мы только лишь себя и мучим, и бесславим.
Нет, если б мне далось богатство на удел,
Не только бы рубля, я б тысяч не жалел,
Чтоб жить роскошно, пышно,
И о моих пирах далеко б было слышно;
Я даже делал бы добро другим.
А богачей скупых на муку жизнь похожа”, —

---

[1] «Человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих», Новый Завет, Послание Иакова, 1:8.

Так рассуждал Бедняк с собой самим,
В лачужке низменной, на голой лавке лежа.
Как вдруг к нему сквозь щелочку пролез,
Кто говорит — колдун, кто говорит — что бес;
Последнее едва ли не вернее —
Из дела будет то виднее;
Предстал, и начал так: “Ты хочешь быть богат,
Я слышал для чего; служить я другу рад.
Вот кошелек тебе: червонец в нем, не боле;
Но вынешь лишь один, уж там готов другой.
Итак, приятель мой,
Разбогатеть теперь в твоей лишь воле.
Возьми ж — и из него без счету вынимай,
Доколе будешь ты доволен;
Но только знай:
Истратить одного червонца ты не волен,
Пока в реку не бросишь кошелька”.
Сказал — с кошельком оставил Бедняка.
Бедняк от радости едва не помешался;
Но лишь опомнился, за кошелек принялся,
И что ж? — Чуть верится ему, что то не сон:
Едва червонец вынет он,
Уж в кошельке другой червонец шевелится.
“Ах, пусть лишь до утра мне счастие продлится!” —

Бедняк мой говорит. —
Червонцев я себе повытаскаю груду,
Так завтра же богат я буду —
И заживу как сибарит”.
Однако ж поутру он думает другое.
“То правда, — говорит, — теперь я стал богат;
Так кто ж добру не рад!
И почему бы мне не быть богаче вдвое?
Неужто лень
Над кошельком еще провесть хоть день !
Вот на дом у меня, на экипаж, на дачу;
Но если накупить могу я деревень,
Не глупо ли, когда случай к тому утрачу?
Так удержу чудесный кошелек;
Уж так и быть, еще я поговею
Один денек;
А, впрочем, ведь пожить всегда успею”.

Но что ж? Проходит день, неделя, месяц, год —
Бедняк мой потерял давно в червонцах счет;
Меж тем он скудно ест, и скудно пьет;
Но чуть лишь день, а он опять за ту ж работу.
День кончится, и, по его расчету,
Ему всегда чего-нибудь не достает.
Лишь кошелек нести сберется,
То сердце у него сожмется;
Придет к реке, — воротится опять.
“Как можно, — говорит, — от кошелька отстать,
Когда мне золото рекою само льется?”
И наконец, Бедняк мой поседел,
Бедняк мой похудел;
Как золото его, Бедняк мой пожелтел.
Уж и о пышности он боле не смекает;
Он стал и слаб, и хил; здоровье и покой,
Утратил все; но все дрожащею рукой
Из кошелька червонцы он таскает.
Таскал, таскал... и чем же кончил он?
На лавке, где своим богатством любовался,
На той же лавке он скончался,
Досчитывая свой девятый миллион.

В знаменитую Болдинскую осень 1830 г. поэт уделил этой теме особое внимание в “Скупом рыцаре”.

Но вернемся к размышлениям бедняка из “Медного Всадника”:

Что вряд еще через два года
Он чин получит; что река
Все прибывала, что погода
Не унималась; что едва ль
Мостов не сымут, что конечно
Параше будет очень жаль...

Так впервые в поэме появляется образ народа, известный по “Домику в Коломне” под именем Параши:

Параша, так звалась красотка наша,
Умела мыть и гладить, шить и плесть;
Всем домом правила одна Параша
Поручено ей было счеты весть,
При ней варилась гречневая каша

(Сей важный труд ей помогала несть
Стряпуха Фекла, добрая старуха,
Давно лишенная чутья и слуха).

Видимо, поэтому Евгений и:

...... разнежился сердечно
И размечтался как поэт.

Первая попытка хозяев Евгения успокоить с его помощью народы России через замену христианской идеологии (*стряпуха Фекла)* на идеологию марксизма (*кухарка Мавра*), закончилась неудачно. О том, что псевдонимом еврейского гения Маркса был Мавр, знает почти каждый, кто интересовался историей марксизма. Но тот, кто серьезно интересовался историей христианства, тоже знает, что ближайшей сподвижницей (то ли бывшего главы спецслужб Синедриона, то ли одного из молодых и перспективных его сотрудников) иудея Савла, чудесно превратившегося в христианского апостола Павла, была принявшая обет безбрачия (целибат) женщина по имени Фекла. Так что пушкинский псевдоним христианства (тоже своеобразный палец, указующий на определенные качества государственной идеологии монархической России начала XIX в.) оказался в тексте “Домика в Коломне” не случайно. Мы же, благодаря его системе образов в отношении целостного мира вещей и явлений, стали свидетелями предсказанной им еще в 1830 г. смены обличья марксистских чиновников, легко перешагнувших через вечную вдову — правительство (в данном случае — советское) и в одно мгновенье обернувшихся в демократов:

Пред зеркальцем Параши, чинно сидя,
Кухарка брилась. Что с моей вдовой?
“Ах, ах!” и шленулась. Её увидя,
Та второпях, с намыленной щекой,
Через старуху (вдовью честь обидя)
Прыгнула в сени, прямо на крыльцо
Да ну бежать, закрыв себе лицо.

Это кульминационная, 50-я октава “Домика в Коломне”, на которой Пушкин сосредоточил внимание читателя дважды: сделав её семистрочной (все остальные октавы поэмы — восемь строк) и снабдив собственноручной иллюстрацией, содержательно дополняющей текст поэмы. Смысл образного (рисунком) дополнения: дать будущему читателю — не ленивому и любопытному — ту информацию, которую во времена Пушкина словом выразить еще было невозможно. Другими словами, речь идет о внелекси-

ческих формах отдельных художественных образов, которые возникают в подсознании на уровне смутных догадок.

Подлинное лицо Евгения в "Домике в Коломне" для "света и молвы" пока еще прикрыто "зеркальцем Параши" — телевидением, которое также угадано Пушкиным задолго до его появления в качестве приданного злого гения.

Ей в приданое дано

Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имело:
Говорить оно умело.
С ним одним она была
Добродушна, весела,
С ним приветливо шутила
И, красуясь говорила:
«Свет мой, зеркальце! скажи
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех прекрасней и белее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты, конечно, спору нет;
Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее».

И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертеться, подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь.

Можно ли короче и содержательнее описать взаимоотношения еврейства с современным телевидением, чем это было сделано Пушкиным в "Сказке о мертвой царевне и семи богатырях"?

До сих пор вопрошает мировую общественность еврейский гений и по-прежнему "зеркальце Параши" не может доложить всей правды, поскольку является изначально, как и все другие средства массовой информации, собственностью "девицы", которая, любуясь на свое отражение в "зеркальце Параши", даже когда "содрогнулась вся столица" по-прежнему бездумно и беззаботно хихикает, как Шамаханская царица :

Хи-хи хи да ха-ха-ха!

Не боится знать греха.

"Сказка о золотом петушке"

Глава 3. Я устрою себе ...

Продолжая линию "Домика в Коломне", в "Медном Всаднике" Пушкин, в свойственной только ему системе образов, описал первую попытку еврейства "успокоить Парашу":

"Жениться? что ж? зачем же нет?
*И в самом деле? **Я устрою***
***Себе** смиренный уголок*
И в нем Парашу успокою.

Это оригинальный текст. А вот как выглядит привычный всем, канонический, присутствующий во всех дореволюционных и советских изданиях:

"Жениться? Мне? зачем же нет?
Оно и тяжело, конечно;
Но что ж, я молод и здоров;
Трудиться день и ночь готов;
Уж кое-как себе устрою
Приют смиренный и простой
И в нем Парашу успокою.

Надо быть очень внимательным ко всем тонкостям пушкинского текста, включая знаки препинания, чтобы второй, а тем более третий смысловой ряд открылся читателю. Четыре последовательно стоящих знака вопроса в оригинальном тексте, особенно последний (***и в самом деле***?), несут определенную смысловую нагрузку. Чтобы связать себя узами брака с русским народом, еврейству необходимо ***в самом деле*** стать народом, т.е. отказаться от претензий на особое место во всех видах управленческой деятельности, ибо все народы России и, русский прежде всего, отношения типа ***"я устрою себе"*** никогда не примут, как не примут и библейскую логику социального поведения, которая наиболее ясно и открыто изложена во второй главе "Книги Екклезиаста":

«Я предпринял большие дела: построил **себе** дома, посадил **себе** виноградники, устроил **себе** сады и рощи и насадил в них всякие плодовитые деревья... приобрел **себе** слуг и служанок, и домочадцы были у **меня**; также крупного и мелкого скота было у **меня** больше, нежели у всех бывших прежде **меня** в Иерусалиме; собрал **себе** серебра и золота и драгоценностей от царей и областей; завел у СЕБЯ певцов и певиц и услаждения сынов человеческих — разные музыкальные орудия. И сделался Я великим и богатым больше всех, бывших прежде **меня** в Иерусалиме; и мудрость **моя** пребывала со мною. Чего бы глаза **мои** не пожелали, Я не отказывал им, не возбранял сердцу никакого веселья, потому что сердце **мое** радовалось во всех трудах **моих**, и это было **моей** долею от всех трудов **моих**. И оглянулся Я на все дела **мои**, которые сделали руки **мои**, и на труд, которым трудился Я, делая их: и вот, все — суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем» (Стихи 4 - 11).

Далее следуют стенания о соотношении мудрости и глупости, которые отражены в “волненьях разных размышлений” Евгения, но, в отличие от его неспособности ответить самому себе чего же он хочет, Екклезиаст подводит жесткий итог бессвязным размышлениям о целях жизни еврейства в целом:

«... Но узнал я, что одна участь постигает их всех. И сказал я в сердце моем: "и меня постигнет та же участь как и глупого: к чему же я сделался очень мудрым?" И сказал я в сердце моем, что и это — суета; потому что мудрого не будут помнить вечно, как и глупого; в грядущие дни все будет забыто, и увы! мудрый умирает наравне с глупым. **И возненавидел я жизнь**, потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем; ибо все — суета и томление духа! И возненавидел я весь труд мой, которым трудился под солнцем, потому что должен оставить его человеку, **который будет после меня.**

И кто знает: мудрый ли будет он, или глупый? А он будет распоряжаться всем трудом моим, которым я трудился и показал **себя** мудрым под солнцем... И обратился я, чтобы внушить сердцу моему отречься от всего труда, которым я трудился под солнцем: потому что иной человек трудится много, с знанием и успехом, и должен отдать все человеку, не трудившемуся в том, как бы часть его. И это — суета и зло великое!» (Стихи 14 - 21).

Кончается глава приговором библейской толпо-"элитарной" концепции, утверждением её греховности и ограниченности, которые являются лишь следствием её внутренней логической противоречивости:

«Ибо человеку, который добр перед лицом Его, Он дает мудрость и знание и радость; а грешнику **дает заботу собирать и копить**, чтобы после отдать доброму перед лицом Божиим. И это — суета и томление духа!»

Логическая противоречивость “Священного писания”, осознание которой недоступно в обыденности при фрагментарном чтении библейских текстов, разрушает целостность мировосприятия человека, способствует раздвоению ума и формированию калейдоскопического идиотизма, как господствующего в обществе мировоззрения.

По тем временам "царь в Иерусалиме" — вершина толпо-"элитарной" части пирамиды в рамках библейской концепции; выше — только надиудейское знахарство, но оно невидимо ни для равноапостольного Владимира, выбравшего вероучение для русского народа по устным рекомендациям периферии этого знахарства, ни для Екклезиаста. И если подводить итоги сетованиям Екклезиаста и “разным размышлениям” Евгения, то получается, что бездумная эксплуатация чужого труда в угоду своим страстям привела к тому, что **человек возненавидел свою жизнь**. С этого момента он — не человек, а нечто неопределенное, получившее в “Медном Всаднике” название “*ни то, ни се, ни житель света, ни призрак мертвый”.* И хотя Екклезиаст сам вырос на труде предков, отдать плоды своего труда потомкам для него — "суета и зло великое". С тех пор не призрак коммунизма, а зло ветхозаветного паразитизма расползается по свету. И это зло поставило западную цивилизацию, живущую в угоду **прихотям** современных Екклезиастов и еврейских гениев, на грань гибели.

Фрейд неправ. Вся Евро-Американская цивилизация, и прежде всего её "элита", страдают не от созданного самим Фрейдом и навязанного легковерным "Эдипова комплекса", а от "комплекса Екклезиаста", поддерживаемого в них Библией.

Библейская же тема в “Медном Всаднике” представлена особенно мощно и на это многие толкователи загадочной поэмы не раз обращали внимание (см., например, работу И.В. Немировского «Библейская тема в “Медном Всаднике”»). Но в силу того, что все они жили и творили сами в рамках толпо-”элитарной” концепции, то и неспособны были подняться над библейской культурой, а следовательно, не в состоянии были за именем Евгения увидеть само явление еврейства, понять его “особое” место в глобальном историческом процессе и “выдающуюся” роль в становлении и развитии Российской цивилизации.

Кровать, два стула, щей горшок
Да сам большой...чего мне боле?
***Не будем прихотей мы знать*.**

По воскресеньям летом в поле
С Парашей буду я гулять;
Местечко выпрошу: Параше
Препоручу хозяйство наше
И воспитание ребят...
И станем жить, и так до гроба
Рука с рукой дойдем мы оба
И внуки нас похоронят...”

Так он мечтал. Но грустно было
Ему в ту ночь...

В чем же причина грусти Евгения? В понимании обреченности еврейства, как искусственно созданной мафиозной общности? На уровне коллективного бессознательного еврейство мечтает соединиться с Парашей, т.е. войти в семью народов России полноправным членом. Но для этого оно само должно избавится от “добровольного” многотысячелетнего рабства, навязанного ему в обход сознания через подсознание “сторожевыми львами” еврейского стада — левитами в “синайском турпоходе” и стать, как все, народом. И в то же время в коллективном бессознательном через “Тору” и “Талмуд” в еврействе поддерживается синдром “богоизбранности”.

Надвигающаяся революция в России — реальный шанс пройти этот путь между “сциллой” мафиозности и “харибдой” богоизбранности “рука с рукой” с Парашей, но для этого еврейству необходимо осознание непонятной всем народам ущербности собственной исключительности.

Информационная смерть еврейства в этом смысле — превращение еврейской мафии в нацию. Весь период в представлении Пушкина должен занять три поколения (поэтому в поэме: *и внуки нас похоронят)* с момента начала самоидентификации еврейства в Октябре 1917 г., когда масса местечковых евреев хлынула с окраин Российской империи и захватила все ключевые посты в новой — советской государственности. При этом вся информация о происхождении еврейства, о роли древнеегипетского жречества в процессе превращения обычных кочевников-семитов из рабов на уровне сознания в рабов на уровне подсознания тщательно скрывалась периферией жречества Амона вплоть до контрреволюционного августовского переворота 1991 г. (Не в этом ли секрет столь вызывающей откровенности о тайне еврейства Б.Пар-Амон-ова)

В системе древнеегипетских верований Амон — бог дуновения ветра.

«Амон издревле являлся по сути своей богом воздуха (или ветра), о чем, в частности, свидетельствует его имя-”псевдоним” — *Невидимый, Сокровенный,* — и первоначально входил в восьмерку (огдоаду) божеств-

творцов, олицетворенных сущностей первобытного хаоса, из которого, согласно жреческому учению Гермополя, возникло солнце, а с ним и весь мир.»[1]

Возможно поэтому ветру в поэме придаются качества существа почти живого, одушевленного. При этом действие ветра всегда как бы усиливается присутствием дождя, образ которого в верованиях славян и многих других народов также связан с проявлением божественных сил.

Сердито бился дождь в окно
И ветер дул печально воя.
В то время из гостей домой
Пришел Евгений молодой...
....
Как дождь в лицо ему хлестал,
Как ветер, буйно завывая,
С него и шляпу вдруг сорвал.
....
Бедняк проснулся. Мрачно было:
Дождь капал, ветер выл уныло.

Так образно читателю передается ощущение, что все действия Евгения и в первой, и во второй части поэмы сопровождаются или даже контролируются ветром, олицетворяющим некое неприятное божество, общение с которым связано с отрицательными эмоциями. Из того же источника узнаем, что по совместительству бог Амон являлся еще и покровителем лодочников Нила. Этого лодочника-перевозчика мы встретим во второй части поэмы и тогда поговорим о нем подробно.

Пока же, указав на неспособность еврейского гения идентифицировать своих пастухов — знахарство культа Амона, отметим лишь его смутное желание хоть как-то снизить интенсивность контроля со стороны "покровителя лодочников Нила":

.... и он желал
Чтоб ветер выл не так уныло
И чтобы дождь в окно стучал
Не так сердито...

Далее одной фразой:

---

[1] О.И.Павлова, "Амон Фиванский", Издательство Наука, Москва, 1984 г.

Сонны очи
Он наконец закрыл.

Пушкин разделяет (по умолчанию) нереальный (по научному — экзистенциальный) мир еврейства и реальный мир всех остальных людей. Другими словами, для Евгения все дальнейшие события происходят при отключенном сознании, т.е. во сне. А что в реальности?

Глава 4. “Злые” волны и “остров малый”

И вот
Редеет мгла ненастной ночи
И бледный день уж настает...
Ужасный день!

Для обыденного восприятия (первый смысловой ряд) ужас — в надвигающемся на город наводнении, причиной которого является изменение направления течения реки Невы под влиянием сильного ***западного*** ветра.

Нева всю ночь
Рвалася к морю против бури,
Не одолев их буйной дури...
И спорить стало ей невмочь...

Многоточия в конце двух фраз указуют на присутствие в тексте наряду с информацией по оглашению дополнительной информации по умолчанию, т.е. информации второго смыслового ряда, причем раскрывается содержательно эта информация через несогласованное по падежам местоимение “их”. Поскольку на уровне второго смыслового ряда река — образ толпы, то ужас надвигающегося дня — ужас перед надвигающимся бунтом толпы, бессмысленным и беспощадным. “Народ всегда и для всех ужасен, когда вопль его совокупится воедино...” — писал современник Пушкина М.М. Сперанский (1772 — 1839 гг.) в своих “Проектах и Законах”. Но чьей “буйной дури” не смогла преодолеть толпа? Кто эти “их”, на которых поэт пытается сосредоточить внимание читателя? Ответ лежит на поверхности, хотя и не высказан прямо: в направлении ветра, вызывающего наводнение Невы, — ветра Западного.

Безграмотная масса русских крестьян, искренне стремившаяся к жизни в ладу со многонациональным морем России, действительно не смогла

преодолеть буйной дури интернационализма прозападной либеральной интеллигенции. Произведенная в сознании многонациональной толпы "теснившимся кучами за чертой оседлости ***малым народом***" подмена понятий "многонациональный" на "интернациональный", т.е. по-русски — межнациональный, обеспечила необходимые условия для беспощадной борьбы всех национальных толп за интересы рассеянной меж нациями Российской империи межнациональной мафии, представители которой бездумно упивались видом разъяренных революционной риторикой масс:

По утру над её брегами
*Теснился кучами **народ**,*
Любуясь брызгами, горами
И пеной разъяренных вод.

Далее хорошо видно, что предложенное выше раскодирование несогласованного по падежам местоимения "их" верно. Речь идет о западных ветрах (от залива), западном влиянии, которое заварило революционный котел народного недовольства, опрокинувшийся на государственные институты прогнившей монархии, неспособной к началу XX столетия обеспечить необходимое качество управления российской цивилизации:

Но силой ветров от залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гневна, бурлива,
И затопляла острова,
Погода пуще свирепела,
Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась.

Картина беспредела, когда толпо-"элитарное" право, сформированное на основе библейской концепции, подминается "революционной законностью", представлено образно и ярко. Впечатление такое, будто Пушкин действительно был свидетелем сцен выражения ужаса либеральной интеллигенции и погрязших в коррупции, пьянстве, разврате правящих классов перед зверским остервенением, поверившей в свое освобождение толпы. Внешне революционные процессы всегда выглядят стихийными и неуправляемыми, т.е. как бы идущими снизу и потому естественным кажется, что "волны народного гнева" сами врываются в подземные подвалы тюрем. Однако, одним не русским словом "каналы" поэт предупреждает читателя о существовании второго смыслового ряда описываемых явлений,

подразумевающего скрытый механизм искусственной канализации этих процессов извне.

Пред нею
Все побежало. Все вокруг
Вдруг опустело — волны вдруг
Втекли в подземные подвалы,
К решеткам хлынули каналы,
И всплыл Петрополь, как тритон,
По пояс в воду погружен.

Тритон — древний морской демон. В греческой мифологии — сын бога морей Посейдона и владычицы морей — Амфитриты, обитающий с ними в золотом дворце на дне моря. Существуют сказания о состязании Тритона с Гераклом, о единоборстве Тритона с Дионисом и о том, что танагрийцы за похищение их скота отрубили спящему Тритону голову. Что хотел сказать сравнением каменного города — Петрополя — с образом всплывшего Тритона Пушкин — вопрос спорный. Однако, история послеоктябрьской России уже один раз хорошо продемонстрировала действие механизма снятия голов у тех, кто посчитал всё им не принадлежащее в качестве своей частной собственности. Посмотрим, что покажет история послеавгустовской России. И хотя для либеральной интеллигенции народные массы, ввергнутые в революционные перемены, по-прежнему — злые воры, посягающие на “священное право” частной собственности, однако, словом “как” Пушкин как бы размежевывается с нею в видении процессов, показанных в образной форме, но тем не менее ставших суровой реальностью столетие спустя.

Осада! приступ! злые волны,
Как воры, лезут в окна.

Его понимание этих процессов намного глубже, чем у современников: он различает видимое обыденному сознанию структурное и невидимое бесструктурное управление. А о том, что речь идет об управляемых разрушительных процессах говорит следующая фраза:

Челны
С разбега стекла бьют кормой.

В ней ключевое слово — корма. Согласно словарю В.И. Даля “кормило” — руль для управления, “корма”(судна) — задний конец или часть, противоположная носу. Одной этой краткою фразою в образной форме

дается информация о двух сторонах одного и того же революционного процесса: внешне видимой, кажущейся неуправляемой, когда резко меняется направление движения государственного корабля, и внутренней, зачастую глубоко скрытой для обыденного сознания, системе управления, усилия которой сосредотачиваются на методах воздействия на низы таким образом, чтобы те творили с энтузиазмом чужое дело, как свое собственное. Вторая сторона революционных потрясений на уровне коллективного бессознательного иногда воспринимается как "жидо-масонский заговор".

Революция в России вне зависимости от того, происходит она снизу или сверху, — это прежде всего крушение привычных форм бытия: словно грозой разносятся веками складывающиеся межиерархические связи-мосты на различных уровнях толпо-"элитарной" пирамиды, перетряхивается весь старый багаж исторической науки и перестают быть весомыми (плывут) привычные авторитеты.

Лотки под мокрой пеленой,
Обломки хижин, бревна, кровли
Товар запасливой торговли,
Пожитки бледной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба с размытого кладбища
Плывут по городу!

Большинство простых людей, занятых повседневными заботами о хлебе насущном, неспособно увидеть и разобраться в механизме скрытых пружин управления революционными бурями. Чуждые "большой политики", в силу недостатка образования и свободного для осмысления социальных явлений времени, они становятся предметом этой политики. Естественно, что в её разрушительных последствиях им видятся признаки Божия гнева и, тем самым, они приписывают внесоциальному уровню управления несвойственную Ему социальную логику поведения.

По словам М.Е. Салтыкова-Щедрина, «мужик даже не боится внутренней политики, потому просто, что не понимает ее. Как ты его не донимай, он все-таки будет думать, что это не "внутренняя политика", а просто божеское попущение, вроде мора, голода, наводнения с тою лишь разницею, что на этот раз воплощением этого попущения является помпадур (администратор-управленец - авт.). Нужно ли, чтобы он (мужик - авт.) понимал, что такое внутренняя политика? — на этот счет мнения могут быть различны; но я, со своей стороны говорю прямо: берегитесь господа! потому, что как только мужик поймет, что такое внутренняя политика — n-i-ni, c'est fini! (кончено)» - "Помпадуры и помпадурши".

Народ
Зрит Божий гнев и казни ждет.
Увы! все гибнет: кров и пища!
Где будет взять?

Но и на верхних ступенях толпо-”элитарной” пирамиды (выше царя в иерархии управления только оккультные кланы знахарей или жрецы) понимание причинно-следственных обусловленностей в исторических процессах не намного отличается от нижних, которые “элитарная знать” воспринимает в качестве толпы. Поэт удивительно тонко и образно показывает содержательную общность двух толп через их неспособность отличить сложившийся в культуре образ Божий от Бога Истинного, как надмирной реальности.

В тот грозный год
Покойный Царь еще Россией
Со славой правил. На балкон,
Печален, смутен, вышел он
И молвил: “С Божией стихией
Царям не совладать”.

Предсказание гибели монарха и грозного года жестоких потрясений основ империи дается в поэме через картину наводнения в столице. Мало кто из толкователей “Медного Всадника” обратил внимание на то, что образ царя со “скорбными очами”, данный в поэме Пушкиным, не походит на образ Петра I, а скорее ближе к описанию очень набожного, судя по сохранившимся дневниковым записям, Николая II[1]. Да и Государственная Дума, как законодательный орган управления, впервые появилась в период его царствования.

---

[1] Могут быть возражения, что Пушкин имел в виду Александра I, бывшего императором России в 1824 году. Но по отношению к нему мистически неуместен эпитет «покойный», поскольку ко времени написания поэмы было достаточно широко известно, что в «сибирском старце» Федоре Кузьмиче многие узнавали Александра I, добровольно покинувшего престол, скорее всего по причине осознания, что он не имеет морального права бороться с антигосударственным заговором декабристов, поскольку в отрочестве сам был вовлечен в дворянский заговор, завершившийся гибелью его отца императора Павла I.

Он сел
*И в **думе** скорбными очами*
На злое бедствие глядел.

Есть такое выражение “людское море”. Площади столицы, забитые толпами демонстрантов в период февральских и октябрьских потрясений 1917 г., когда даже по данным французского посла Мориса Палеолога, на улицы вышло около миллиона жителей Петрограда, действительно сверху смотрелись, если не как море, то как озера, с втекающими в них людскими реками.

Стояли стогны[1] *озерами*
И в них широкими реками
Вливались улицы. Дворец
*Казался **островом** печальным.*

После уничтожения СССР стало модным поддерживать в массовом сознании миф о социальной гармонии между представителями дореволюционной управленческой “элиты” и простым трудовым людом. На самом деле во времена Пушкина в море народной бедности дворцы царя и знатных вельмож выделялись не только как шедевры архитектуры, какими их привычно воспринимают наши современники, но прежде всего как острова изысканной роскоши, недоступной для тех, чьим трудом и талантом они создавались. Но, кроме данного места, острова в поэме упоминаются трижды. Первый раз во вступлении:

В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темнозелеными садами
*Её покрылись **острова***

Второй — в начале описания наводнения-революции:

Но силой ветров от залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гневна, бурлива,
*И затопляла **острова.***

И третий — в Заключении:

[1] Площади.

Остров *малый*
На взморье виден. Иногда
Причалит с неводом туда
Рыбак на ловле запоздалый
И бедный ужин свой варит,
Или чиновник посетит,
Гуляя в лодке в воскресенье,
Пустынный ***остров.*** *Не взросло*
Там ни былинки.

Мы имеем здесь дело с описанием процесса расцвета и деградации прозападной управленческой “элиты” Российской империи, как составной части толпо-”элитарной” пирамиды библейской цивилизации, а ключ к расшифровке — в фразе: “Дворец казался ***островом*** печальным”.

Согласно словарю В.И. Даля слово “остров” производное от “ост” — гребень, вершина подводной горы. Такая гора, разделенная поверхностью воды на две части — природный аналог толпо-”элитарной” социальной пирамиды. Верхняя, видимая (остров) — образ правящей “элиты”, для которой нижняя, скрытая под водой (образ толпы), как бы и не существует, хотя она на нее и опирается. Основное предназначение управленцев вне зависимости от типа общественно-экономической формации — повышать качество управление в обществе в целом. Если управленцы этой потребности общества не удовлетворяют, то общество имеет право избавиться от них: либо революционным путем (так в октябре 1917 г. произошло обрезание управленческой “элиты”, иносказательно выраженное фразой: “Нева затопляла острова”); либо эволюционным (что мы пока и наблюдаем после августа 1991 г.) через ротацию кадровой базы без смены концепции управления.

Однако, всякая попытка повысить качество управления таким способом в условиях, когда прежняя концепция управления себя исторически исчерпала, заведомо обречена на неудачу. Пушкин покажет это в Заключении поэмы, после чего станет ясно, что эволюционный путь развития без смены концепции управления в России бесплоден (не взросло там ни былинки).

Так в образной форме дается предупреждение: “новые” управленцы, повязанные со старыми родственно-клановыми связями, воровать будут пуще прежнего, но качества управления повысить не смогут до тех пор, пока общество не избавится от освященного “Ветхим Заветом”(на него указуют слова поэмы: “ветхий домик, одежда ветхая, домишко ветхий”) ростовщичества и не похоронит его верного служителя — безумца Евгения.

После Октябрьской бури Россия пять лет полыхала огнем гражданской войны, в процессе которой прежняя кадровая база управленцев, возглавляемая царскими генералами, ринулась в опасный путь под лозунгами спасения народа в собственном (общинном) доме от “коммунистической заразы”, без понимания того, что “коммуна” и “община” — всего лишь латинский и русский пальцы, указующие на одно и то же социальное явление.

Царь молвил — из конца в конец
По ближним улицам и дальним
В опасный путь средь бурных вод
Его пустились генералы
Спасать и страхом обуялый
И дома тонущий народ.

Что получилось из попытки “спасения дома тонущего народа” хорошо показала дальнейшая история, которая, по мнению Ф.И. Тютчева, еще в пушкинские времена взяла на себя труд по защите России: “Истинный защитник России — это история; ею в течение трех столетий неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которым подвергает она свою таинственную судьбу”(ПСС, изд. 8, с. 432).

Тайна судьбы еврейства, как социального явления, не раскрыта до настоящего времени. Эта тайна связана с тайнами судеб многих народов, но тайна “особых” отношений евреев с народами России — одна из основных тем пушкинского творчества. Эта тема так или иначе проходит через многие его произведения, хотя прямо он её затрагивает не часто:

Гляжу: гора. На той горе
Кипят котлы; поют, играют,
Свистят и в мерзостной игре
Жида с лягушкою венчают.

«Гусар», 1832 год.

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин, —
И тут не вижу я стыда;
Будь жид, — и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин.

«На Булгарина», 1830 год.

Как! отравить отца! и смел ты сыну...
Иван! держи его. И смел ты мне!...
Да знаешь ли, жидовская душа,
Собака, змей! что я тебя сейчас же
На воротах повешу.

"Скупой рыцарь", 1830 год.

Ко мне постучался
Презренный еврей

«Черная шаль», 1820 год.

Меж ними зрится и беглец
С брегов воинственного Дона
И черный в локонах еврей
И дикие сыны степей..

«Братья — разбойники», 1822 год.

Даже перечисленного достаточно, чтобы Первый Поэт России получил клеймо антисемита. И тем не менее большинство "пушкинистов" у нас в стране — евреи. Это особенная любовь, более похожая на жесточайшую цензуру, при которой любое отклонение в понимании смысла пушкинских образов от понимаемого евреями-пушкинистами мгновенно объявляется абсурдным, противоречащим здравому смыслу, анти-научным и, в силу особого положения еврейства в средствах массовой информации, издательском деле, — не может иметь доступа к читателю. Но так ли уж свободно в своих "охранительных" действиях по отношению к пушкинскому наследию само еврейство или у него тоже есть свои "псы сторожевые"?

Глава 5. Львы сторожевые

Тогда, на площади петровой
Где дом в углу вознесся новой,
Где над возвышенным крыльцом
С подъятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые,

Считается, что Пушкин был великим мастером мистификаций. “Медный Всадник” наполнен ими до предела. Внешне текст как бы привязан к общеизвестным достопримечательностям Петербурга, но эта привязка очень странная. Она создает особую систему информационных умолчаний, которые, даже в случае их прямого оглашения, не могли быть поняты и тем более приняты читателями — современниками Пушкина. Так, например, Сенатская площадь никогда не называлась Петровой. В полном и достоверном тексте поэмы, в отличие от всех прежних публикаций, слово “петровой” дается со строчной, а не с заглавной буквы. “Петрос” в переводе древнегреческого — скала, камень и потому, скорее всего, Пушкин имел в виду площадь, мощеную камнем. Мостили в те времена и деревянным брусом, но во второй части поэмы поэт раскроет смысл и этого иносказания:

И он по площади пустой
Бежит и слышит за собой —
Как будто грома грохотанье —
***Тяжело звонкое** скаканье*
По потрясенной мостовой.

“Тяжело звонкое скаканье” невозможно по деревянной брусчатке. Есть в оригинальном тексте и другие рассогласования с известными каноническими текстами поэмы. Так, например, запятая после слова “тогда” (в предыдущей цитате) — отсутствует. Кажется мелочи? А это как посмотреть. Без запятой и с названием площади “Петровой” фраза “Тогда на площади Петровой” — вполне определенна в смысле времени и места описываемых далее событий; по тому же, как она дается в оригинальном тексте читателю предлагается самому решить вопрос, когда и где происходило описываемое действие. И если принять версию, согласно которой имя Евгений — код, мера образа того социального явления, которое всеми воспринимается на обыденном уровне в качестве еврейства, то можно считать, что Пушкину благодаря особой системе умолчаний удалось показать существование этого загадочного явления в глобальном историческом процессе

одновременно в далеком прошлом и настоящем. И еще одна “мелочь”: в оригинальном тексте дом не “новый”, а “новой”.

Во времена написания поэмы, согласно словарю В.И. Даля, слово “новой” означало — иной, другой.

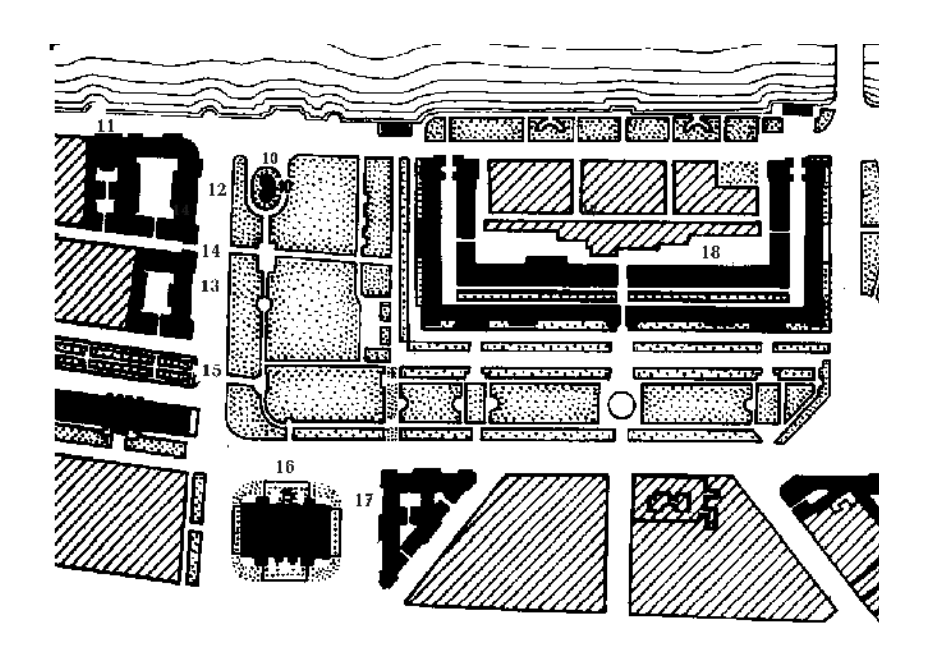

Рис. 1. План Сенатской площади (ныне пл. Декабристов).

10 — памятник Петру I; 11 — дом Лаваля; 12 — здание Сената;

13— здание Синода; 14 — арка с фигурами “гениев”, соединяющая здания Сената и Синода; 15 — Конногвардейский манеж; 16 — Исаакиевский собор; 17 — дом Лобанова-Ростовского; 18 — Главное Адмиралтейство.

Если рассматривать текст поэмы с привязкой к конкретно описываемому месту и времени (известно, что об истине “вообще” говорить бессмысленно; истинное понимание того или иного явления всегда связано с определенным местом и временем), то первый смысловой ряд указует на ставший литературной достопримечательностью дом Лобанова-***Ростовского***, который в 1833 г. действительно был новый (построен в 1817-1820 г. по проекту известного архитектора О.Монферрана). Как видно из рис. 1, этот дом отличается от всех окружающих его зданий тем, что

занимает участок, имеющий в плане форму прямоугольного треугольника и потому выглядит с высоты птичьего полета как двускатная пирамида положенная на бок. Его главный фасад, обращенный к Адмиралтейству, украшен в центре портиком из восьми колонн коринфского ордера, опирающихся на сильно выдвинутую вперед аркаду, предназначенную для подъезда экипажей к парадному входу. Ставшая столь известной мраморная скульптурная группа из двух львов, установленная на "возвышенном крыльце", примыкающем к аркаде этого дома-пирамиды вместе с созданной воображением поэта фигурой Евгения, напоминающей Наполеона, ("без шляпы, руки сжав крестом") и есть мистически связующее звено первого смыслового ряда поэмы со вторым и третьим.

Известно, что Сенат и Синод в России во времена монархии Романовых, а также Верховный Совет СССР и ЦК КПСС в годы советской власти, были заложены в упряжку библейской концепции мирового "господства" еврейства над всеми народами с их достоянием. Все нижестоящие государственные институты власти, включая управленческие структуры средств массовой информации, производственных предприятий, творческих союзов, различных добровольных обществ и фондов были пронизаны представителями меж(интер)национальной мафии настолько, что ни одно решение в трех важнейших сферах жизнедеятельности общества — информации, кадров и финансов — не могло быть принято без их участия. Можно сказать, что посредством еврейства осуществлялся тотальный контроль всех звеньев структурного и бесструктурного управления государством. Само еврейство при этом было и средством и жертвой тоталитарной системы, поскольку из его среды более всего и вышло, так называемых революционеров и диссидентов, которые, словно термиты, подтачивали саму систему до тех пор, пока она окончательно не разрушалась.

Через мистическую связь, "как живых мраморных львов сторожевых", с непонятно откуда взявшимся *в истории глобальной цивилизации* еврейством (мы расстались с Евгением уснувшим накануне наводнения) открывается второй смысловой ряд поэмы. Мистика же описанной Пушкиным сцены в том, что в районе Сенатской площади существует два здания со львами на крыльце. Расположены они, как видно из представленного на рис. 1 плана, на двух противоположных углах площади: на юго-восточном — вдали от "Медного Всадника" — дом Лобанова-Ростовского (информация по оглашению), и на северо-западном — вблизи от "Медного Всадника" — дом Лаваля (информация по умолчанию), который составляет единый архитектурный комплекс с Сенатом и Синодом.

Рис. 2. Арка, соединяющая Сенат и Синод с двумя скульптурными фигурами “гениев”.

Рис. 3. Скульптурная фигура “гения”.

Последние же соединены аркой (рис. 2) со скульптурными фигурами “гениев” (рис. 3), которые как бы седлают два главных государственных учреждения времен династии Романовых. Данная арка послужила поводом к рождению известного в дореволюционные времена каламбура: “Скотейший Синод и грабительствующий Сенат живут под***арками***”. Официальные названия этих имперских учреждений были: Святейший Синод и Правительствующий Сенат. Таким образом, в каламбуре обыгрывалось созвучие: Скотейший — по отношению к Синоду (жеребячья порода — прозвание “духовного” сословия); и Грабительствующий — по отношению к Сенату (правительственные чиновники в России всегда воровали).

Фасад дома Лаваля, выходящий на набережную Невы, как и фасад дома Лобанова-Ростовского, имеет крыльцо с двумя львами. Однако, в отличие от дома Лобанова-Ростовского, который (по крайней мере до последнего времени) ничем примечательным в историческом плане не отмечен, дом Лаваля сыграл заметную роль в судьбе России, поскольку непосредственно вошел в летопись культурной и общественной жизни Петербурга бурных 1820-х годов. В его стенах собирались декабристы, зараженные “модной болезнью” — масонством, перед восстанием 14 декабря 1825 г. Свое отношение к “больным” Пушкин выразил за полгода до трагических событий в “Сценах из Фауста”.

Корабль испанский трехмачтовый
Пристать в Голландию готовый:
На нем мерзавцев сотни три,
Две обезьяны, бочки злата,
Да груз богатый шоколата,

*Да **модная болезнь**: она*
Недавно вам подарена.

Это ответ пушкинского Мефистофеля на вопрос пушкинского Фауста: *Что там белеет? говори,* — после чего пушкинский Фауст, в отличие от Фауста Гете, решает:

"Все утопить!"

Все и было утоплено, т.е. "обрезано" в соответствии с указанием, данным в поэтической форме за полгода до событий на Сенатской площади. Что касается второго смыслового ряда в ответе пушкинского Мефистофеля, то речь в нем идет об исторических путях движения носителей "модной болезни" в Россию, которые действительно были хорошо известны Пушкину. Реальные же, то есть экономические причины миграции еврейства из Испании в Голландию, столетие спустя были хорошо показаны Лионом Фейхтвангером в "Испанской балладе".

"Корабль испанский трехмачтовый" — галион[1], единственный тип судна тех времен, на котором могли разместиться примерно триста человек. Также известно, что из шестисот членов, принадлежавших к тайным (Северное и Южное) обществам и проходящих по делу декабристов, более половины числились членами различных масонских лож[2]. В то же время отношения Пушкина с руководителями этих обществ были сложными. Судя по письмам, с одним из них дело чуть не дошло до дуэли. Масонское прозападное обезьянничанье без понимания конечных целей играющих в "посвящения" было противно Первому Поэту России.

После изгнания из Испании евреи с награбленным посредством ростовщичества золотом бежали морем в Голландию, после чего интенсивность экспансии еврейского капитала в Европе резко возросла. Не миновала эта экспансия и России. Столетие спустя она станет причиной многих её бед и потрясений. Так что у Пушкина были серьезные основания для оглашения своего варианта решения вопроса, поднятого Фаустом и в образной форме раскрытого пушкинским Мефистофелем.

---

[1] Название типа судна «галион» (ввиду особого расположения отхожих мест в носовой части корабля, вне корпуса под бушпритом) определило на века и название корабельных нужников: галион = гальюн. На ассоциативном уровне по отношению к рассматриваемой ситуации — своеобразный намек на то, куда все это "модное" следует деть.

[2] Термин «корабль» в системах масонских посвящений в России очень часто является синонимом термина «ложа», употребляемого на Западе.

Поэт и сам был бы не прочь “*все утопить”* до того, как катастрофа разразится и экспансия доктрины “Второзакония-Исаии”, бездумными исполнителями которой были в основном евреи, завершится.

Однако, процесс экспансии продолжался, поскольку шел не “сам собой, как ступа с Бабою-Ягой”, а под контролем “львов сторожевых” — левитов. Чтобы раскрыть тайну истории, которую нам хотят представить как тайну еврейства, придется приподнять завесу над одной из самых древних загадок, заданных человечеству левитами. Но для этого следует внимательно вчитываться не только в то, что они открыто провозглашают, но и вслушиваться в то, о чем они тщательно умалчивают. С этих позиций проанализируем “писание” одного из современных левитов, который сумел рассмотреть возможно и сохранившийся в какой-то мере на биологическом уровне у человека “Эдипов комплекс”, но почему-то не захотел увидеть реально существующий на социальном уровне “комплекс Екклезиаста”:

“Несомненно, еврейский народ сложился из весьма различных привходящих элементов, однако наибольшее различие внутри этих племен создавалось тем, выпало ли на их долю пребывание в Египте и все, что последовало затем, или нет. С учетом этого обстоятельства можно сказать, что ***нация возникла*** благодаря соединению двух составных частей, и не случайно после краткого периода политического единства она распалась на две части, царство *Израиль* и царство *Иудея.* Истории нравятся такие реставрации, когда более поздние слияния отменяются и снова дают о себе знать ранние разделения. Впечатляющий пример подобного рода показала, как известно, Реформация, когда она снова выявила пограничную линию между некогда принадлежавшей Риму и сохранившей независимость Германии, через более чем тысячелетний промежуток времени. В случае с еврейским народом мы не можем продемонстрировать столь же верного воспроизведения древней ситуации; наше знание той эпохи слишком недостоверно для определенного утверждения, что в северном царстве сосредоточились давние аборигены, а в южном — возвращенцы из Египта, однако позднейшее распадение и здесь не могло произойти без всякой связи с ***имевшей место ранее искусственной спайкой***. Былые египтяне (будущие евреи: наш комментарий) оказались, по-видимому, малочисленнее прочих, но проявили себя более сильными в культурном отношении; они решительнее влияли на позднейшее развитие народа, потому что принесли с собой ***традицию, у остальных отсутствовавшую***. А может быть — еще и ***что-то другое, более осязаемое, чем всякая традиция.***”

Это выдержки из монографии З.Фрейда “Человек Моисей и монотеистическая религия”, написанной им в 1938 г.

Что означала для кочевников, изгоняемых из цивилизованного Египта в безводную и совершенно не приспособленную для жизни Синайскую пустыню, “искусственная спайка, более осязаемая, чем всякая традиция”?

Фрейд ничего об этом прямо не говорит, но кое о чем мы можем и сами догадаться, если воспроизведем по его совету древнюю ситуацию и соотнесем её с современной. И тут мы обнаружим, что вся современная история, опирающаяся на письменные источники, свидетельствует о том, что евреев ото всюду изгоняли по причине их особой “искусственной спайки”, непонятной и неприемлемой окружающим народам. И только вторая книга Торы — “Исход” излагает нам историю добровольного бегства евреев. Но тогда одно из двух: либо в Древнем Египте не было евреев, а в плену ***случайно*** оказались какие-то особо свободолюбивые кочевники, почему-то не пожелавшие приобщаться к благам развития цивилизации[1] (рабство в те времена было явлением обычным и повсеместным); либо и процесс пленения, и плен Египетский вместе с последующим за ним 42-х летним “Синайским турпоходом” не были ***случайными***, а являлись по существу этапами единого социального эксперимента глобального уровня значимости. Но тогда эти, внешне кажущиеся не связанными меж собой эксцессы, выглядят как тщательно спланированная и жестко целенаправленная акция жречества Амона по отношению к обыкновенным кочевникам по их “искусственной спайке, более осязаемой, чем всякая традиция”, после которой ничем ранее не отличающиеся от всех прочих кочевники “чудесно” превратились в особо сплоченную общность, которую мы и воспринимаем ныне в качестве евреев. Чтобы разобраться во имя каких целей и кто мог столь последовательно осуществлять достаточно продолжительную по времени акцию (речь идет о планировании мероприятий на период жизни трех-четырех поколений), необходимо понять, кто такие были левиты и какова была их миссия в процессе превращения людей в выдрессированных “обезьян”. В этом нам снова поможет З.Фрейд:

“К величайшим загадкам иудейской пра-древности относится происхождение *левитов.* Их возводят к одному из двенадцати колен израилевых, к колену Левиину, однако ни одно предание не берется указать, где первоначально расселялось это колено или какая ему была отведена часть в завоеванной земле Ханаанской. Они занимают важнейшие священнические посты, однако левит не обязательно священник, это не название касты. Наше предположение о личности Моисея подводит нас вплотную к отгадке. Невероятно, чтобы большой господин, как египтянин Моисей, отправился к чужому народу без сопровождения. Он, разумеется, привел с собой

---

[1] Переход от бесклассового первобытно-общинного строя, в котором пленных из-за недостатка продуктов питания просто убивали, к классовому рабовладельческому — было “благом”, в том смысле, что пленных в вооруженных конфликтах уже не убивали, а использовали в качестве рабочего скота.

свиту, своих ближайших сторонников, ***своих писцов***, свою челядь. Они и были первоначально левитами. Утверждение предания, согласно которому Моисей был левит, представляется прозрачным искажением факта: левиты были людьми Моисея.” с. 164 - 165, З.Фрейд, “Психоанализ. Религия. Культура”, Москва, Изд. “Ренессанс”, 1992 г.

В приведенном выше отрывке не так важно, о чем говорит левит современности, как то, о чем он умалчивает. Открыто выставляя надуманную дилемму: писцы-левиты люди Моисея? или Моисей из писцов-левитов? (известно, что Моисей, также как впоследствии Христос и Мухаммад, ничего сам не писал), Фрейд своей системой умолчаний закрывает читателю доступ к технологии создания писцами-левитами образа библейского Моисея, искусно подменяя им Моисея исторического[1]. Внешне же все это выглядит так, как и показано в поэме:

На звере мраморном верхом,
Без шляпы, руки сжав крестом[2],
Сидел недвижный, страшно бледный
Евгений.

В действительности — все наоборот: “львы сторожевые” — левиты уже более трех тысяч лет, надежно оседлав еврейство, посредством этой, самой древней мафиозной общности, управляют жизнедеятельностью многих национальных толп западной цивилизации. Почему же в поэме львов

---

[1] Пушкин обращался к этой теме задолго до Фрейда в нашумевшей в свое время «Гаврилиаде» и тонкой системой умолчаний покзал, что уже тогда видел разницу между библейским Моисеем, который сам ничего не писал, но которого “**правильно пересказали**”, и Моисеем историческим:

С рассказом Моисея
Не соглашу рассказа моего:
Он вымыслом хотел пленить еврея,
Он важно лгал, — и слушали его.
Бог наградил в нем слог и ум покорный,
Стал Моисей известный господин,
Но я, поверь, — историк не придворный,
Не нужен мне пророка важный чин!

[2] Хорошо известная наполеоновская поза.

двое? Ответ на этот вопрос, а также на вопрос о том, кто кого оседлал, мы можем найти в книге Альбера Ревиля “Иисус Назарянин”, изд. 1909 г.

Талмудический трактат, озаглавленный “Пирке Абот” (по-русски: “Изречения старцев”), один из самых древних в этой громоздкой коллекции, передал нам исходный пункт, лишенный всякого исторического значения, этой традиционной теории: Моисей, говорит он, получил Закон на Синае и передал его Иисусу Навину. Иисус Навин передал его Старейшинам; Старейшины — Пророкам; Пророки — людям Великого Собрания (или Великой Синагоги). Эти последние дали три правила:

— будьте обдуманы в своих суждениях;

— старайтесь иметь много учеников;

— насадите изгородь вокруг Закона.

С того времени начинаются упоминания об ученых, которые были выдающимися руководителями в деле передачи и толкования Закона. Первым из них был Симон Справедливый, последний из представителей Великой Синагоги (около 230 г. до Р.Х.) и его преподавание резюмировалось в следующем правиле: “Мир утверждается на трех вещах:

— Законе,

— Культе,

— Благотворительности”.

Преемником Симона Справедливого был некто Антигон из Сихо; его мудрость сосредотачивается в следующем наставлении, в котором чувствуется, как исключение, греческое влияние: “Не уподобляйтесь тем служителям, которые служат господину ради жалования; уподобляйтесь тем, которые исполняют свои обязанности, не думая о вознаграждении, и да будет всегда между вами страх Божий”.

После этого Антигона ***люди, стоящие во главе раввинского преподавания, по неизвестной для нас причине, следуют по двое.***

Самое вероятное то, что этот дуализм означает расхождение точек зрения и тенденций, не доходивших, однако, до настоящего раскола.”

Об особых возможностях тандема во всякой деятельности *наблюдательным людям* известно давно, а ненаблюдательным и бездумным — неизвестно, и потому им непонятно, почему, во-первых, высшие руководители следуют по двое, и во-вторых, почему расхождение их точек зрения не доходит до раскола, а тем более вражды. И эффективность тандемного принципа деятельности можно проследить в истории задолго до Антигона из Сихо. Но данный фрагмент из книги Альбера Ревиля говорит о том, что левиты начали его использовать после соприкосновения с диалектикой древних греков, которые, будучи по своей природе материалистическими

атеистами, пытались таким образом снимать субъективизм в оценке объективных процессов. Это — метод, и как метод он выше любых идеологических форм, поскольку прошел проверку временем: упоминания о нем есть и во времена, когда в обществе уже во всю властвовал идеалистический атеизм: “Истинно также говорю вам, что, если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного,” — Евангелие от Матфея, гл. 18, ст. 19.

Но монополия на знание методологии — высший принцип, которым руководствуется знахарство при общении с толпой. Только она обеспечивает безраздельную власть при толпо-”элитарной” логике поведения общества и потому уже следующий стих Евангелия от Матфея закрывает доступ непосвященным к пониманию и освоению в практической деятельности этого принципа: “ибо, где двое ***или трое*** собраны во имя Мое, там Я посреди них”. Это очень высокий уровень герметизма, ибо на практике известно, что там, где трое — двое почти всегда объединятся против третьего и далеко не каждые «трое» могут объединиться во имя достижения единой цели.

Однако, в коллективном бессознательном русского народа есть все для вскрышных работ по отношению к любому герметизму: “Ум хорошо, а два лучше того”. Эту народную пословицу знают все. Но для того, чтобы противостоять герметизму прошлых и современных левитов следует помнить и дополняющие её: “Ум хорошо, два лучше, а три — хоть брось.” Или еще лучше: “Ум да умец, да третий дубец”.

Он страшился, бедный,
Не за себя. Он не слыхал,
Как подымался жадный вал,
Ему подошвы подмывая,
Как дождь в лицо ему хлестал,
Как ветер, буйно завывая,
С него и шляпу вдруг сорвал.

Защищая свои узкоэгоистические интересы, евреи провозглашают обычно лозунги “заботы о ближнем”, но при этом никогда не говорят прямо, кого считают ближним, а кого дальним. Если же смотреть на их поведение через призму доктрины “Второзакония-Исаии”, то все кроме евреев, для еврейства — дальние. Отсюда Т.Герцель дал и определение нации, которое содержательно более подходит к определению мафии: «Группа людей общего исторического прошлого и общепризнанной принадлежности в настоящем, сплоченная из-за существования общего врага.» Как видно из текста, Евгений не был испуган, а *страшился,* то есть, нагнетал себя страхами не имеющими отношения к реальности.

Еврейство по субъективным целям, навязанным ему древнеегипетским знахарством посредством внедренных в его среду левитов, подсознательно ощущает себя одиноким в потоке смены поколений многих народов, поскольку объективных целей развития человечества никто, кроме Бога, не знает, хотя наука и религия описывают в меру своего понимания общего хода вещей те или иные возможные варианты предназначения человечества на Земле. Поэтому, если в первой части поэмы применительно к Евгению встречается эпитет *бедный, бедняк,* то во второй части он уже *безумец бедный.* Но вот во Вступлении к поэме мы читаем:

Пред Ним широко
Река неслася; ***бедный*** *челн*
По ней стремился одиноко.

Так посредством глагольной рифмы (река — *неслася*; челн — *стремился*) выражается отсутствие и наличие субъективной цели движения.

Низкочастотные социальные процессы, т.е. процессы, период которых во много раз продолжительнее периода активной жизни человека, как правило, закрыты для обыденного сознания, и потому они являются поэту в виде неосознанных (безрассудных) образов. Именно об этом говорит Пушкин в последней, 22-й октаве предисловия “Домика в Коломне”.

Насилу-то рифмач я безрассудный
Отделался от сей октавы трудной.

Донести эту “безрассудную”, т.е. воспринятую из коллективного бессознательного русского народа информацию до читателя можно лишь кодируя её, т.е. наделяя внелексические образы точным и устойчивым во времени словом-мерой, переводя их в осознанные. Вот как это состояние описано Пушкиным в “Египетских ночах”:

“Чарский чувствовал то благодатное расположение духа, когда мечтания явственные рисуются перед вами, и вы обретаете живые, неожиданные слова для воплощения видений ваших, когда стихи легко ложатся под перо ваше, и звучные рифмы бегут навстречу стройной мысли”.

“Слова живые и неожиданные” — отражение на уровне сознания наличия “стройной мысли” по отношению к бессознательному видению развивающихся социальных процессов. Естественно, что в каждое историческое время живые слова рождают по отношению к этим явлениям свои образы, которые и составляют второй, а иногда и третий смысловой ряд произведения.

Глава 6. “Я понять тебя хочу ...”

Для того, чтобы дальнейшее описание второго и третьего смыслового ряда “Медного Всадника” не вызывало у читателя недоумевающих вопросов, мы вынуждены сделать ряд важных отступлений.

Отступление № 1

Ближе всех к разгадке соотношения ритма и образа в творчестве Пушкина подошел А.Белый в книге «“Ритм как диалектика” и Медный Всадник », Издательство “Федерация”, Москва, 1929 г. Тираж 3000 экз. И хотя автор пытался “алгеброй поверить гармонию, звуки разъяв”, тем не менее его исследование ритмических кривых текста представляет особый интерес в процессе раскрытия второго смыслового ряда поэмы. По-видимому, в этом одна из причин замалчивания “пушкинистами” столь серьезной работы, ни разу не переизданной с момента её появления и потому недоступной широкому кругу читателей. С целью показа эффективности используемого нами метода исследования, мы приводим здесь Послесловие к ней, написанное самим автором с нашими комментариями, вынесенными в сноски.

«Разгляд кривых ритма[1] и их удивительное отношение к способу осмысливания сюжета вводит нас в круг обсуждения очень важных вопросов в связи с психологией творчества и психологией восприятия произведений творчества.

Выдвигается вопрос, почему кривая соответствует смыслу? И — как соответствует?

Прежде всего, — как соответствует, в каком смысле соответствует и какому смыслу соответствует? Возразят: “Что значит какому смыслу? Разве смысл художественного произведения не один?” В том-то и дело, что

---

[1] Не имея специальной аппаратуры, позволяющей анализировать и графически строить спектры акустического излучения в процессе озвучивания любого текста, А.Белый нашел оригинальный метод построения кривых ритмов поэтического текста, дающий результаты формально сходные с результатами, получаемыми современными техническими средствами.

по-водимому — не один; один смысл есть штамп сознания, наложенный на произведение или критиком — истолкователем, например, Белинским, или же — самим автором; другой смысл есть смысл, вложенный в самую динамику творчества социальным заказчиком, или коллективом, рупором которого и является художник; и этот смысл, динамизируя звуком темы, прежде всего вызывает в художнике звук ответный; художник — эхо: "Таков и ты, поэт", — говорит Пушкин; художник отзывается на заказ ритмом, ***волей*** к творению, ***волей*** к отображению, а не рассудком, ни даже эмоцией; ритмическая конструкция — вот тема заказа в ***воле*** художника; осмысливание художником заказа — в воле художника; осмысливание художником заказа есть post-factum; оно подобно текстовой программе к написанной симфонии; музыкальная тема шире её текстового сопровождения; я вовсе не обязан связывать звуки Героической симфонии Бетховена с Наполеоном; я могу переживать в этой симфонии героические усилия коммунаров, а не Наполеона; или: могу представить вместо Наполеона — Александра Македонского; наконец: я могу ничего не подставлять; и оттого звуки симфонии не обессмыслятся; для музыкантов подставленный текст чаще всего — навязанный текст, напоминающий предлагаемые костыли для тех, кто не умеет ходить по звукам. Относительно музыки это ясно мало-мальски музыкально грамотному человеку.

Относительно поэзии — это не так ясно[1]; предполагается, что поэтический сюжет имеет смысл, выразимый в абстрактной идее; и этот смысл

---

[1] Действительно, относительно поэзии — это не так ясно. Почему? Мы не думаем, что А.Белый не мог ответить на этот вопрос, но по непонятным для нас причинам он обходит его молчанием. Это его право. У нас такого права нет. И в музыке и в поэзии (впрочем, в прозе тоже) существуют тактовые и несущие частоты. Первые — ритмы, воспринимаются в качестве формы произведения; вторые — образы (в музыке роль несущей частоты выполняет мелодия) воспринимаются в качестве содержания. Однако, существует разница в восприятии музыкального произведения и "музыки" речи. Музыкальные образы относительно сознания — безмерны и потому входят в подсознание напрямую, минуя сознание (можно сказать в обход сознания). Поэтому-то люди, боящиеся оставаться наедине с собственными мыслями, и "гоняют" постоянно современную музыку. В этом проявляется мощь воздействия музыки на психику человека, но в этом же — и её опасность. Древние хорошо представляли это различие в восприятии человеком музыки вообще и "музыки" слова. Платон: "Нужно избегать введения нового рода музыки, — это подвергает опасности все государство, так как изменение музыкального стиля всегда сопровождается влиянием на важнейшие политические области." АУМ № 2, М.Дикенсон Аунар, с. 274. Образы письменной и устной речи обладают

сознательно слагает художник в образы сюжета; сперва промыслит содержание, а потом подбирает к нему свои образы.

Так полагает всякий. Но это — не так. Чаще всего появляется объясняющий критик; и переводит образы на язык идеи; почему? разве поэт не с достаточной внятностью эти идеи пересказал? Оказывается, что — нет; оказывается, что он и не всегда осознает идею заказа в своем произведении; Пушкин учится у “темного” языка своих ритмов[1]:

“Я понять тебя хочу
Темный твой язык учу.”

Гауптман прямо признался, что он не ясно понимает образы своего “Потонувшего Колокола”. Стало быть: это — недостаток? В том-то и дело, что нет; в этом отказе до-осознать ритмы и образы[2] лишь сказывается

мерой, которая всегда субъективна, и потому они не могут воздействовать на подсознание, минуя контроль сознания (если конечно это сознание внимает им, а не рассеяно или замутнено алкоголем, табаком и другими наркотиками).

[1] Сказав это, автор как бы отрицает возможность существования еще и “темного” языка образов. Неосознанные образы человека отличаются от осознанных отсутствием кода=меры=слова. В этом — проявление “темноты” языка неосознанных образов.

[2] Ну вот! Появились и образы. То есть А.Белый невольно признается, что не различает ритмы и образы, которые суть форма и содержание любого текста. В поэзии, как и в музыке, форма (тактовая частота) легко вмещает содержание (несущую частоту), если ритмы и образы **живые**, что означает их точную меру соответствия в каждый период развития культуры, в рамках которой творит художник. По существу речь идет о мере адекватности (совпадения) описания процесса с самим процессом. Полное совпадение для человека невозможно вследствие его ограниченности. Для Бога такое совпадение формы и содержания — Божественная мера — норма. Потому писание Бога суть творение Бога. Приближение к Божественной мере в поэзии порождает особое отношения к ней, которое есть следствие неизъяснимой притягательности ритмов (формы) и загадочности образов (содержания). Попытки соединить в процессе чтения в сознании форму и содержание — стремление подняться от меры низкой к мере высокой — проявление стремления к постижению Божественной меры. Все же в совокупности — длительный и непрерывный процесс творчества, в котором участвуют многие поколения и который может продолжаться столетия и даже тысячелетия: все зависит от того, насколько автор оживил

скромность поэта, инстинктивно сознающего, что рефлексии сознания ограниченной личности Пушкина Александра Сергеевича не охватить ширины и глубины социальной темы, проходящей сквозь него от "мы" ему ясно не зримого, но ясно слышимого коллектива[1]; эта тема, проходя сквозь него, изливается опять-таки в некое социальное "мы", состоящее из читателей, не только пассивно воспринимающих, но и двигающих, катящих тему от поколения к поколению; смысл произведения таких активных читателей не в том, что они при чтении вытаскивают абстрактную идею так, как с легкостью вытаскивается из вареного судака несъедобный костяк; смысл усвоения — в усвоении мяса судака, становящегося потом частью организма; химическое усвоение поступает в кровь, движет пульсом и взывает новые акты жизненных проявлений.

Самое несъедобное в судаке — кость; и самое несъедобное в художественном произведении — вытащенная из нее рефлексия, принадлежащая критику своего времени, или сознанию художника, ограниченному своим временем; то, чем живет в нас Пушкин не имеет никакого отношения к Александру Сергеевичу рефлексирующему над смыслом "Медного Всадника". Этот последний, например, может полагать, что он написал "во здравие" николаевскому режиму; между тем живое бытие образов в диалектике их течения в музыкальном контрапункте уровней кричит этому режиму "за упокой"; но авторы — скромнее, чем кажется; они в нужную минуту предвусмысленно помалкивают о смысле того, что ими подано в образах и ритмах; и это потому, что они, как живые конструкторы моделей, адекватных, ими отображенным ритмом, прекрасно знают, что бытие образов определяет в них случайные темы, что это сознание — post-factum творчест-

---

свое творение, т.е. приблизился к Божественной мере. Пушкин об этом в шестой октаве Предисловия "Домика в Коломне".

Но возвратиться все ж я не хочу
К четырехстопным ямбам, ***мере низкой****...*
С гекзаметром... О, с ним я не шучу:
Он мне не в мочь. А стих александрийский?..
Уж не его ль себе я залучу?
Извилистый, проворный, длинный, склизский,
И с жалом даже ***точная*** *змея;*
Мне кажется, что с ним управлюсь я.

[1] "Мы" ясно не зримого, но ясно слышимого коллектива — попытка А.Белого изложить свое понимание проявления эгрегориального воздействия на поэта. Ниже он назовет эгрегоры — "текучими во времени коллективами". Подробнее об эгрегорах и процессах их взаимодействия с человеком в Отступлении № 2.

ва, что рефлексия художника на столь же у́же бытия, насколько уже музыкальной темы её текстовая интерпретация.

Оштамповывающий смыслом своего времени критик, или художник налагают на произведение лишь ***транзитивную визу поколения*** (выделено нами), передавая произведения в живую смену поколений, чтобы произведение в осознании и живом сотрудничестве поколений произрастало смыслами; как коллектив есть подлинный творец звуков в душе художника — рупора, так звук, излетевший из рупора в ***текучие по времени коллективы*** (выделено нами) воспринимающих извлекает ответные звуки; и каждый ответный звук есть новое воспроизведение произведения и его новое осознание; произведение начинает произрастать смыслами, как зерно: сперва оно — одно; потом оно — колос, потом — группа колосьев; и наконец оно — волнующееся море колосьев-смыслов; но зерно социального заказа попадает на каменистую почву и гибнет там, где транзитная виза — сознание художника, превращается в собственнический знак фирмы: "Мое": и я знаю, что "это — вот что такое, а это — вот что". Так говорят художники-собственники, не сознающие себя, как Пушкин, эхом коллектива; но произведения их, переосознанные, или самое бытие образов подчинившееся личному рассудочному сознанию, — не процветает в веках; это значит: в них смысл не течет. Читатель, касаясь подобных произведений, не со-творяет; произведение гибнет, потому что рассудочное сознание слишком жестко определило бытие своих образов.

Произведение творится до акта зачатия его в душе художника — коллективом от коллектива и к коллективу: вот путь творчества; но этот путь идет не через абстрактное сознание, а через волю[1]; сознание творящего в художнике коллектива волит (диктует) ему; и на волю отзывается воля к ритмам; воля инспирирует эмоцию (из***образ***ительность); тенденция художника всегда — познавательный результат, продукт производства; читатель идет от обратного; от продукта он углубляется в производственный процесс, заживая (вживаясь) в бытии образов; и это бытие в его душе вызывает новую волевую конструкцию, кончающуюся переработкой сюжета новым познавательным результатом; если же этот результат сталкивается со слишком резко выраженной смысловой рефлексией художника, всегда означающей — "мое, не смей трогать", — читатель, как со-творец, отвержен; но это значит: им отвержен художник; последний — устаревает.

---

[1] Слово "воля" в данном контексте — только палец, указующий на явление, которое в современной терминологии обозначено словом "подсознание". Не случайно в русском языке слова "воля" и "свобода" — синонимы. Подробнее о понимании свободы человека и её роли в процессе познания окружающего мира в Отступлении № 3.

Отличие не устаревших художников от быстро выдыхающихся — в том, что они имеют такт, где нужно не подчинять бытие их образов их сознанию, довольствуясь лишь транзитной визой внешней смыслоподобности: они знают, что не в них начинается и не ими заканчивается смысловое творчество над образами, что смысл объясняется не стабилизацией своей в тенденциозную рефлексию, а расширением возможностей появления других рефлексий, не упраздняющих друг друга, а слагающихся в веках в диалектический коллектив.

Кривая соответствует не ограниченной рефлексии художника, а самой способности в нас ширить и катить смыслы образов; и толкование поэмы по кривой в нашем очерке есть ответ нашего времени на вопрос о том, в чем идея поэмы; он возможен лишь в том случае, если мы будем отправляться от художественного наличия образов и ритмов как реального бытия, как смыслового материала; и оно не зависит от стабилизированных мнений о том, что же есть идея "Медного Всадника".

Через раскрытие ритмического жеста поэмы она прорастает в нас; через закрепление её в ходячее мнение вчерашнего авторитета о ней, она — умирает; она нам не нужна.

В коллективистическом миропонимании изменяется не самое представление о смысле; он динамизирован, текуч (живой); и акцентирован в воле к конструкции.

Теперь вопрос об отношении производящего коллектива, социального заказчика, к воспроизводящему коллективу; совпадают ли они в пространстве и времени. Нет, — не совпадают.

То же о — "Медном Всаднике", самом непонятном, трудном произведении Пушкина, — непонятном и потому, что оно просто не под силу было эпохе, и потому, что поэт точно нарочно, избегая штампов фирмы, т.е. "это вот что значит, а это — то-то" прибегал к двусмыслице выражений. Но посмотрите что произошло: в свете прочтения текста по кривой — странно видоизменились рельефы образов; в них — идеи; и просунулось подлинное содержание поэмы, точно написанное октябрем 1917 года, а не октябрем 1833 г.

Пушкин выполнил социальный заказ; и к удивлению для себя мы узнали, что в то время, как Пушкин думал, что его заказчиком было разоряющееся дворянство, подлинный заказчик, им не узнанный, лишь глухо расслышанный, — был: история русского революционного движения[1], без ущерба для поэмы видоизменившего её первичный смысл, не прикрепленный к образам, но лишь слегка их вуалирующий; и когда слетела эта вуаль (легкая маска) — вещий смысл поэмы явился в XX веке.

---

[1] В наше время — это уже глобальный исторический процесс.

Ритмическая кривая и есть знак подлинного смысла, меняющего неподлинный смысл: она бытие образов, определяющее сознание и поэта и читателя к вечному размножению и омоложению в них заложенного текучего, т.е. диалектикой развиваемого смысла.» с. 225 — 232.

Отступление № 2

Людям свойственна генетически обусловленная совместимость по биополю. Но при этом свойственны похожесть и различия по информации, которую несут их души. Излучение “похожей” информации многими людьми на биополевом уровне организации биосферы планеты порождает энергоинформационный объект, именуемый в традиционной оккультной литературе *эгрегором* (по-русски: соборностью). По отношению ко множеству людей, обладающих некоторой информационной идентичностью, “похожестью” — эгрегор является их порождением. При этом одни и те же люди по характеру несомой ими информации (и разным фрагментам их информационного багажа в целом) могут соответствовать разным эгрегорам; это же касается и биополевого соответствия, т.е. особенностей настройки энергетики человека как излучателя (приемника), независимого по отношению к характеру информации, рассматриваемой самой по себе. Вследствие этого, в разные периоды времени (и в разные моменты в пределах одного периода) они могут взаимодействовать с разными эгрегорами, а разные эгрегоры могут оказывать энергетическое и информационное воздействие на одного и того же человека, одновременно дополняя друг друга, чередуясь между собой, либо вступая в конфликты по поводу ***обладания человеком***.

Эгрегор в целом — единый организм, но образованный не из вещества, а из полей, свойственных входящим в него людям. По отношению к нему биополевая структура каждого человека и группы людей занимает то же иерархическое место, что в составе индивидуального человеческого организма занимают клетки, специализированные органы и их системы. Разница только в том, что “сборка” организма эгрегора в единую целостность в иерархии Мироздания осуществлена не на уровне вещества биомассы, а на уровне биополей.

При этом, подобно тому как в человеческом организме идет процесс обновления клеток, так и люди рождаются в долгоживущих эгрегорах и растут под их опекой; а став взрослыми, своими биополями поддерживают эгрегор в дальнейшем до свой телесной смерти или выхода из данного эгрегора. Действия входящих в эгрегор людей им координируются, дополняя фрагментарность друг друга, соответственно личностным возможностям

каждого человека в неком целостном эгрегориально-целесообразном процессе. Это осуществляется через дальнодействующие каналы энергоинформационного обмена биополевого характера и имеет место даже, если люди не знают ничего друг о друге: о каждом из них “знает” эгрегор — коллективный дух. Каждый эгрегор — надличностный фактор, способный к разнородному управлению и управляющий людьми в большей или меньшей мере.

Соответственно такому пониманию слова “эгрегор”, одна из сторон объективного общественного явления, называемого “духовная культура”, — порождение и преобразование свойственных обществам эгрегоров — коллективных духов, соборностей.

Мощь эгрегора намного больше, чем энергетическая и информационная мощь личности. Поэтому, если параметры настройки энергетики личности соответствуют некоему эгрегору, то эгрегор может энергетически смять, подхватить и унести, пережечь человека или сожрать его; это возможно в случае, если в соответствующем настроении энергетики человек сам обращается к общей с эгрегором информации в своем внутреннем мире или неспособен отстроиться от эгрегориальных попыток возбуждения этой информации в нем, в его внутреннем поведении, осознанном и “подсознательном” мировосприятии и мышлении.

В случае установления устойчивого энергетического контакта и минимальной информационной общности с эгрегором через систему ассоциаций — взаимных связей понятий и образов (в том числе и не осознаваемых) внутреннего мира человека — вся остальная несомая им информация (при отсутствии блокировки доступа к ней) может быть активизирована эгрегором в поведении человека. Так же эгрегор может предоставить человеку доступ к ранее не свойственной личности информации (или внедрить в неё такую в процессе биополевого контакта) и временно более или менее эффективно блокировать память, интеллект и иные уровни и системы в организации психики. Соответственно в намерениях и поведении человека может быть различима эгрегориальная и личностная составляющие.

Если психика человека замкнута на взаимно антагонистичные эгрегоры, то на достаточно длительных интервалах времени его поведение крайне непоследовательно без внешне видимых причин к тому, т.е. внутренне конфликтно и взаимно исключающе (взаимно уничтожающе) целесообразно. Кроме того, он может внезапно и без видимых извне и понятных ему самому причин испытывать слабость и подавленность психики, поскольку некоторые из взаимно антагонистичных эгрегоров могут использовать его только как энергетическую “дойную корову”, ибо иные варианты использования человека ими — пресекаются другими, более дееспособными, эгрегорами или самим человеком; так же беспричинной и бессмысленной может быть и эмоциональная возбужденность, сродная опьянению.

Если имеет место эгрегориальное водительство со стороны взаимно не антагонистичных эгрегоров, время жизни которых превосходит длительность человеческой жизни, то оно менее заметно в поведении человека и для него самого, и для окружающих его людей, нежели в случае конфликта между водительствующими эгрегорами. Поскольку в этом случае водительство осуществляется в соответствии с долгосрочной, внутренне неантагонистичной эгрегориальной стратегией и начинается еще в период становления личности в детстве, то это порождает иллюзию личной мудрости и дальновидности вследствие того, что через эгрегор, так или иначе, человеку доступен личный опыт и возможности многих людей во многих поколениях. Кроме того, эгрегор ограждает от вхождения в ситуации, в которых личная недееспособность водительствуемого была бы неоспоримо очевидной. При этом возможно как самообольщение иллюзией собственной или чужой дальновидной мудрости, так и предумышленное и неумышленное обольщение ею окружающих, проистекающее из вполне реальной статистики безошибочности подавляющего большинства принимаемых и рекомендуемых человеком решений и действий.

При наличии в обществе практикующих магов (шаманов, “экстрасенсов”) каждый доступный им эгрегор (включая и нелюдские) для них — средство управления жизненными обстоятельствами (ситуацией как объемлющей множество людей системой) и, в частности, обществом на основе искажения и подавления свободной воли людей, чья психика замкнута на контролируемые ими эгрегоры. Это ведет к устранению ими в большей или меньшей мере *живой религии людей и Бога* разного рода эгрегориальньми наваждениями. Так же эгрегор может стать для них средством анонимного использования в “своих” целях личностных возможностей других людей, входящих в эгрегор, если те не способны выявить <u>тематически ориентированное возбуждение их психики извне</u> через эгрегор и не способны оградить свой внутренний мир от вторжения в него эгрегора.

При этом маг (шаман), контролирующий эгрегор, может быть сам управляем извне как биоробот средствами, выходящими за пределы понимания им возможностей воздействия на него самого, поскольку маг, как и всякий человек, не властен над даваемым Богом ему Различением; чувствительность его также не беспредельна; психика иерархически организована, и не все уровни в её иерархии просматриваемы столь же полно, как и уровень сознания. Он может не замечать своей подконтрольности вследствие заблокированности некоторых фрагментов его психики и даже не воспринимать свои действия в качестве магии, управления эгрегором и попыток вмешательства через эгрегор в психику других людей.

Кроме того, маг (шаман) может быть сам невольником эгрегора по причине биополевой энергетической зависимости от эгрегора, когда *привычный* для него, *комфортный уровень* его энергопотенциала обеспечива-

ется за счет эгрегориального перераспределения энергии в его пользу. Попытка самочинного выхода из эгрегориального водительства в сложившейся устойчивой эгрегориальной целесообразности в таком случае будет сопровождаться нарушением биополей мага-невольника, не способного привести их к привычному ему комфортному уровню энергопотенциала вне эгрегора. Тогда осознавший это маг “клянет печальный жребий свой”.

Подобная энергетическая зависимость может быть не только приобретенной в зрелом возрасте, но также быть следствием того, что человек рос и вырос под эгрегориальным водительством. В этом случае энергетическая зависимость может быть подкреплена информационно тем, что эгрегориальное водительство ограждало человека всю его жизнь от соприкосновения с эгрегориально чуждой или эгрегориально неприемлемой информацией. Вследствие этого человек может иметь очень целостный характер, целостное мировоззрение, развитую культуру мировосприятия и мышления, но в его внутреннем мире практически не будет эгрегориально неприемлемой информации, а при соприкосновении с нею в обществе её восприятие и обработка будут искажаться, извращаться, блокироваться эгрегориальным возбуждением его психики иной тематической ориентации, наваждениями, блокированием памяти или энергетическим дискомфортом, нарушающим, единство эмоционального и смыслового строя души.

Исторически реально, что многие эгрегоры — искусственное насаждение в истории человечества, порожденное знахарями с целью обеспечения управления обществом по избранной ими концепции. Соответствующие этим эгрегорам религиозные культы, замыкают психику людей на эгрегоры, извращая личностные взаимоотношения каждого человека и Бога. Воздействие на течение событий через разного рода эгрегоры, порождаемые обществом, — также одна из составляющих магии в культуре человечества.

В силу особенностей, свойственных Мирозданию, люди, проявляя разного рода отсебятину, нарушающую лад в Мироздании, по существу оказываются в области “магии”, даже если не считают себя “магами” и не владеют специфическими приемами тех или иных традиционных или нетрадиционных школ магии. Соответственно, любое художественное творчество, открытое для прочтения, обозрения людям — эгрегориальная магия большей или меньшей эффективности; таимое от других художественное творчество — более или менее эффективное использование метода подчинения объекта моделирующему аналогу, однако неопределенное в смысле адресата магического воздействия.

Если рассматривать возможности управления течением событий в жизни общества через некоторый эгрегор, то необходимо систематическое устойчивое замыкание психики множества людей, на эгрегор, в котором поддерживается и модифицируется информация, свойственная той или

иной концепции управления обществом. В прошлом, такого рода замыкателями психики людей на эгрегоры, были религиозные культы, в которых ложь многочисленных тематически ориентированных искажений истинных Откровений подавляла взаимоотношения людей и Бога.

Отступление № 3

По своей природе, т.е. по Божьему Предопределению, человек наделен индивидуальными пятью органами чувств — пятью приемными рецепторами, с помощью которых он как бы снимает “информационную кальку” с окружающего его единого и целостного внешнего мира и формирует в индивидуальном внутреннем мире субъективные образы объективных явлений внешнего мира. В конце XX столетия в мире насчитывается около 6 млрд. человек, но нет двух людей, у которых был бы одинаковый рисунок кожного покрова пальцев руки. На этом построена вся современная дактилоскопия; но в этом же и проявление индивидуальности чувства осязания. В мире также не найти двух людей с абсолютно одинаковыми по внешнему виду ушами, носами, глазами; в этом проявление (чисто внешнее) индивидуальности (своеобразности) чувств слуха, обоняния, зрения каждого человека из всего множества населяющих нашу планету. Точно также обстоит дело и с чувством вкуса. Внутреннее проявление индивидуальности этих чувств — в пороге чувствительности.

Субъективные образы вещей и явлений объективного внешнего мира, сформированные в результате взаимодействия индивидуальных приемных рецепторов (пяти органов чувств) и индивидуальной психической деятельности — и есть то, что мы называем “информацией” в понятии: Вселенная — процесс триединства материи, информации и меры. Особенностью этого вида “информации” — субъективной категории — является то, что она существует ***как бы отдельно*** от материи, меры и информации — объективных категорий всегда существующих ***нераздельно*** — только на уровне подсознания; на уровень сознания она переходит (если можно так выразиться) после обретения ею кода=меры=слова. Каждый желающий может на собственном опыте убедиться, как неосознанные, т.е. внелексические образы вещей и явлений внешнего мира (субъективная информация) обретают и субъективную меру=слово. Происходит это во сне, когда сознание заблокировано, а подсознание активизируется и ведет интенсивную обработку поступившей к этому времени из внешнего мира объективной информации. Сны “видят” и “слышат” внутренним зрением и слухом практически все (даже те, кто это отрицает), но пересказать из “увиденного” и “услышанного” могут немногое: только те образы, которые обретают лек-

сическую меру. Так неосознанные, внелексические образы обретают меру, т.е. слово и человек может пересказать себе и окружающим свой сон.

И свобода человека, живущего в едином и целостном мире, — это свобода формирования индивидуальных внелексических (неосознанных) образов вещей и явлений на уровне подсознания. Как только человек начинает переводить неосознанные образы в осознанные, его свобода на этом и кончается, т.к. она тут же сталкивается со свободой другого индивида, обладающего равными с ним правами по части свободы кодирования своих индивидуальных образов в отношении тех же самых вещей и явлений. В реальном, внешнем человеку мире, материя, информация и мера — неразрывны и существуют как процесс триединство.

И в этом нет ничего нового: все это давно было известно на Руси, однако описывалось в несколько иной терминологии в народных сказаниях, пословицах, поговорках. Поэтому в русском языке воля и свобода воспринимаются сознанием как синонимы, хотя это и не совсем так: воля категория подсознания; свобода — сознания. Понять же разницу меж “свободой” и “волей” можно лишь через живую русскую речь, отражающую ее в народных пословицах и поговорках: “*Вольному — воля, спасенному — рай.*”, — т.е. чтобы попасть в рай, нельзя слепо следовать за своими страстями; в противном случае обретешь лишь вольные — внелексические субъективные образы объективных явлений. Поэтому свободен лишь тот, кто действует не по побуждениям и прихотям, а кто способен рассудком контролировать свою индивидуальную психику. Отсюда и пословица русская: “*Не умом грешат, а волей.”* После чего становится понятно почему “*Свобода — осознанная необходимость”,* поскольку “*Всякому своя воля”.* Но это означает, что *“Своя воля, своя и доля”* — т.е. всякий волен иметь свои внелексические образы об окружающем его едином и целостном мире и ***бездумно*** следовать им в жизни, но при этом не пенять на свою долю. Слово “бездумно” выделено потому, что кодирование словом внелексических образов подсознания неизбежно приводит к пониманию свободы на уровне сознания, как осознанной необходимости соотносить свои лексические образы с лексическими образами других людей. Если человек этого процесса не понимает, то у него создается патовая ситуация, когда “*Разум сягает, да воля не берет.*” Это означает, что сознание механически воспринимает слова, а соответствующих им образов в подсознании не возникает и потому осознанное действие блокируется. Наконец, о различии подсознания человека и животного: “*У человека воля, у животного побудка”.* Все поговорки приведены по словарю В.И.Даля. *Побудка* — по этому словарю, — *врожденный всем животным дар, исполнять все потребности свои* ***бессознательно****. В побудке животных слиты в одно ум и воля, или думка и сердце, разрозненные в человеке. “Легавая собака ищет дичь побудкой”*, т.е. подчиняясь программе, заложенной в её психике.

“Побудка” животных — результат моделирования Объективной реальности в психике животного, во-первых, на уровне генетической обусловленности психических возможностей вида, во-вторых, — воспитательного воздействия на него окружающих особей своего и других видов без их осмысления. И животные отражают в свою психику Объективную реальность в виде образов с неизвестными человеку внелексическими кодами. Но говорить о “понятиях” по отношению к животным можно лишь на уровне их способностей к лексическим формам кодирования их субъективных образов. Увы! У собаки на все многообразие этих образов один код (при различной эмоциональной окраске): Гав! У коровы: Му! У кошки: Мяу! и т.д.

Так мы рассмотрели первую половину спирального процесса познания. Каждый человек в процессе всей своей жизни принадлежит одновременно множеству взаимовложенных социальных групп, отличающихся одна от другой по кругу интересов: семейных, профессиональных, партийных, религиозных, национальных, мафиозных и т.д. И если в первичной такой группе-семье каждое произнесенное слово или выражение, как правило, вызывает у членов семьи единые образы в отношении определенных явлений внутреннего и внешнего мира человека, то при вхождении в каждую последующую социальную группу те же самые слова могут вызвать совершенно другие образы в отношении точно таких же вещей и явлений окружающего мира. Это отражено в русской поговорке: “*Не всякое слово всяким понимается*”. И в этом — тоже проявление свободы человека, но не той декларативной, о которой так любит порассуждать наша безответственно болтающая “либеральная” (в переводе с английского — свободная) интеллигенция, а подлинной, предопределенной Свыше. Слово, слововыражение, становящееся единым кодом для множества индивидуальных образов в отношении определенных вещей и явлений окружающего мира в достаточно широкой по своему социальному составу группе, становится для нее общепринятым понятием. В толковом словаре русского языка В.И.Даля есть выражение: “Луга, берег, лес этот *понимается*, потопляется, заливается ежегодно”. Другими словами, если множество индивидуальных образов заливается, затапливается неким новым единым кодом=мерой=словом, то в массовом сознании происходит единый процесс отмирания старого понятия по отношению к одному и тому же единому для всех явлению внешнего мира и рождения нового.

И только после завершения полного витка спирального процесса познания новое слово или слововыражение как бы оживает, т.е. становится общеупотребительным, а прежнее, даже сохраняясь в словарях и текстах, — выходя из употребления, как бы отмирает. И чем шире по своему социальному составу группа людей, чем более широкий круг интересов она представляет, тем весомее и значительнее в жизнедеятельности людей ста-

новится общепринятое слово-понятие. И тогда происходит то, что в стихотворной форме отражено у поэта Н.Гумилева: “Словом останавливают Солнце, словом разрушают города”.

Разумеется, словом не только разрушают, но и созидают. Все зависит от того, образы каких явлений — созидательных или разрушительных — вызывает в подсознании человека конкретное слово или слововыражение. Таким образом, вторая половина спирали отображения-познания выглядит так: слово, становясь единым кодом для множества индивидуальных образов, обретает статус понятия по отношению к неким объективным явлениям в конкретный исторический период развития общества. В силу того, что вселенная целостна и представляет собой процесс триединства материи, информации и меры, то при наличии двух составляющих: меры-слова и информации-образа, третья — материализующееся явление — реализуется непременно. Так человек, в отличие от животного, разорвал инфернальный (замкнутый) круг простого отображения, превратив его в спираль отображения — познания. Так человек — часть единого и целостного мира — реализует Богом данную ему возможность отображая познавать и управляя преображать окружающий мир вещей и явлений, что недоступно животному.

При этом важно понять роль управления, или правильнее у-праволения. “Воля” и “свобода”, как категории бессознательного и сознательного, указуют на возможности данные человеку Свыше действовать либо в режиме “автопилота” (на основе программ, заложенных в подсознание через генокод, а также посредством вторжения в психику в обход сознания или возникших в процессе осознанного самовоспитания[1]), либо в режиме прямого “пилотирования”, т.е. при согласованном взаимодействии сознания и подсознания с учетом обстановки, складывающейся во внутреннем и внешнем мире человека. Однако, до смены отношений эталонных частот биологического и социального времени[2] “пилот” не в состоянии был устой-

---

[1] Посеешь поступок — пожнешь привычку; посеешь привычку — пожнешь характер; посеешь характер — пожнешь судьбу.

[2] Изменение соотношения эталонных частот биологического и социального времени:

Если во времена начала экспансии библейской цивилизации через технологически неизменный мир проходили многие поколения, то в наши дни наоборот — на жизнь одного *поколения приходится* несколько смен технологий, технических решений, теоретических знаний и практических навыков, необходимых для поддержания достигнутого и дальнейшего роста социального статуса человека.

Далее это будет пояснено более подробно.

чиво контролировать программу “автопилота”, т.е. связи между индивидуальным и особенно коллективным бессознательным и сознательным в большинстве своем существовали прямые, а обратные (контроль подсознания со стороны сознания) в основном отсутствовали и потому толпа легко поддавалась страстям, что позволяло управлять ею в обход сознания через подсознание.

Еврейская толпа, образ которой скрыт под именем Евгений, не является в этом смысле исключением[1].

---

[1] Практически одновременно с “Медным Всадником” (1833 — 1834 гг.) тему безумия толпы, особым образом выдрессированной в пустыне, затронул другой великий русский поэт, современник Пушкина Федор Иванович Тютчев. Это лишь подтверждает объективность явления, рассматриваемого в рамках данного исследования.

БЕЗУМИЕ

Там, где с землею обгорелой
Слился, как дым небесный свод,
Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живет.

Под раскаленными лучами,
Зарывшись в пламенных песках,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищет в облаках.

То вспрянет вдруг и, чутким ухом
Припав к растреснувшей земле,
Чему-то внемлет жадным слухом
С довольством тайным на челе.

И мнит, что слышит струй кипенье,
Что слышит ток подземных вод,
И колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход.

Глава 7. Или во сне он это видит?

Его отчаянные взоры
На край один наведены
Недвижно были.

Согласно словарю В.И.Даля, *отчаянный человек,* кому все нипочем, живущий очертя голову, решительный на все крайности; исступленный, т.е. одержимый. В Коране о таких сказано: “А если бы истина последовала за их страстями, тогда бы пришли в расстройство небо, и земля, и те, кто в них.” Сура 23, стих 73(71) в переводе И.Ю.Крачковского. *Отчаянное дело,* по тому же словарю В.И.Даля, — безнадежное, пропащее; крайнее и опасное, грозное. Подобный анализ информации по оглашению (фразы об *отчаянных* взорах Евгения) позволяет сделать доступной и информацию об умолчаниях поэмы — маниакальное стремление еврейства к ложной и опасной для человечества цели. Поэтому далее идет, как бы не связанное с предыдущей фразой, образное описание мощных и грозных, во многом разрушительных революционных процессов, идущих из “возмущенной глубины” и обычно провоцируемых в России посредством особой активности еврейства.

Словно горы,
Из возмущенной глубины
Вставали волны там и злились,
Там буря выла, там носились
Обломки...

И сразу после этого взывание Евгения к Богу по поводу опасности:

Боже, Боже! там —
Увы! близехонько к волнам

Согласно Словарю В.И.Даля, “в переносном значении волною зовут движущуюся в одну сторону громаду, толпу:

Народ волна волной валит.
Мирская молва, что морская волна.
Толпа волнуется — возмущается.”

В поэме слово “волны” наиболее употребительное из всех слов и используется в тексте тринадцать раз, причем с очень широким спектром самых различных характеристик: *пустынные, новые, шумные, злобные, страшные, бурные, иные*. Есть даже одно указание (во “Вступлении”) на некую “национальную” окраску волн.

Вражду и плен старинный свой
Пусть волны ***финские*** *забудут*
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра.[1]

Слово “национальный” взято в кавычки потому, что “в переводе с ирландского слово «финн» означает «тайное знание», и в ирландской мифо-эпической традиции — это герой, мудрец, провидец”[2], т.е. по существу либо жрец, либо знахарь (в зависимости от того, в чьих интересах он действует: всего общества или некого клана). Другими словами, если не нарушать целостности повествования на уровне второго смыслового ряда, то во “Вступлении” иносказательно речь идет о противостоянии знахарских толп, имеющих различные цели по отношению к толпам национальным.

В конце “Второй части” поэмы содержательная сторона слова “волны” раскрывается через глагольную рифму “толпились”:

---

[1] Некогда на том месте, где стоит ныне под каменным футляром Домик Петра I, росла сосна. Сосна считалась священной у местных финских племен, потому что перед наводнениями на её ветвях появлялись огни святого Эльма. Занявшись обустройством столицы, Петр не нашел ничего лучше, как уничтожить местную святыню. Сосну срубили, а трех местных волхвов тут же обезглавили. Они перед казнью успели выдать некоторые пророчества в отношении судьбы династии Романовых, а также и обещание погибели Петербурга, что по своему знаменует борьбу национальных знахарских кланов. “Пусть волны финские забудут и тщетной злобою не будут”, — отражение своеобразного понимания Пушкиным противостояния этих кланов на уровне эмоций.

[2] ”Мифологический словарь” под редакцией Е.М. Мелетинского, Научное издательство «Большая Российская Энциклопедия», «Лада — Маком», Москва, 1992 год.

Он узнал
И место, где потоп играл
Где ***волны*** *хищные* ***толпились***
Бунтуя *злобно вкруг него.*

Действительно, толпа не способна на осмысленные действия: она может лишь злобно бунтовать. Далее — о причинах опасений Евгения. На уровне первого смыслового ряда — он боится того, что наводнение представляет угрозу Параше, ее матери и их жилищу.

Почти у самого залива —
Забор некрашеный да ива
И ветхий домик: там оне,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта...

На уровне второго смыслового ряда Параша — образ народов России. Тогда мечта еврейства (конечно неосознанная, поскольку все происходит во сне) — войти в эту семью, но не в качестве “богоизбранного”, а равноправного члена и, таким образом, соединиться с Парашей. А что мешает этому?

Во-первых, — “Ветхий домик”, который “Увы! близехонько к волнам”. Идеалистический атеизм “Ветхого Завета” к концу XIX столетия не только приблизился к народам России через первое издание Библии, но вскоре был ими и преодолен.

Во-вторых, — вдова. Для обыденного сознания это просто мать Параши. Раскрытие иносказания второго смыслового ряда находим во “Вступлении”.

Темнозелеными садами
Ее покрылись острова.
И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфироносная вдова.

О том, что “осторова” — образ управленческой “элиты” говорилось выше. Слово “острова” не просто рифмуется со словом “вдова”. На уровне второго смыслового ряда вдова — образ монархического правления цивилизации Россия. Отсутствие имени у вдовы (в отличие от дочери) — по умолчанию указание на то, что всякая концептуально несамостоятельная

форма управления государством — временная. И хотя о муже вдовы в “Медном Всаднике” ни слова, но образ этого “покойника”, остающегося за кадром, незримо присутствует. Если “вдова” — образ формы правления, то “муж вдовы” — образ господствующего класса — во все времена потенциального покойника. Об этом в 51 октаве “Домика в Коломне” вдова говорит прямо, после того как Параша приперла ее вопросом о “таинственном” исчезновении Мавруши:

Обедня кончилась; пришла Параша.
—“Что маменька?” — “Ах, Пашенька моя!
Маврушка...” — “Что, что с ней?”
— “Кухарка наша...
Опомниться досель не в силах я ...
За зеркальцем... вся в мыле...” — “Воля ваша,
Мне право ничего понять нельзя;
Да где ж Мавруша?” — “Ах, она ***разбойник****!*
Она здесь брилась!.. Точно мой ***покойник****!”*

Еще раз напомним, что “Мавр” — псевдоним немецкого еврея Карла Маркса. В этом смысле “Мавруша” — своеобразный поэтический палец указующий на марксизм, как экспортную модификацию библейской концепции управления народами России, преодолевшими в своем подсознании к концу XIX века идеалистический библейский атеизм.

Палец указует точно (Ма-Вруша и разбойник), поскольку уже давно выявлено, что политэкономия марксизма была построена на вымышленных категориях, которые не поддаются практическому измерению в процессе хозяйственной деятельности общества. Таковыми являются «необходимое» и «прибавочное рабочее время», «простой» и «сложный труд», «необходимый» и «прибавочный продукт» и т.п., плюс к тому ошибка либо злоумышленная ложь К.Маркса в вопросе о «догме Смита».

Одно из афористичных определений социализма было дано Лениным: «Социализм — это учет и контроль». По отношению к политэкономии оно означает, что поскольку в практике хозяйственной деятельности измерения категорий политэкономической науки марксизма невозможны, то невозможны учет, контроль и, как следствие, невозможен ни социализм, ни переход к коммунизму на основе марксизма.

Иными словами, марксизм создает при его пропаганде правдоподобное описание процессов общественно-экономической деятельности и это описание принимается марксистами на веру без понимания, поскольку в здравом уме человек не способен связать вымышленные категории марксистского учения с реальностью жизни. При этом, столкнувшись с марксизмом, любой индивид может сделать два взаимоисключающих вывода:

- либо признать свое скудоумие и преклониться перед толкователями жизни на основе марксизма, предположив, что они преодолели то, чего не смог преодолеть он сам;
- либо признать, что сам он — в здравом уме, но тогда ему приходится признать, что содержательно марксизм — вздор, а те, кто толкует жизнь на его основе, представляют собой в совокупности с их *психически ненормальной массовкой* политических аферистов с глобальными претензиями.

В первом случае такой индивид может смело причислять себя к марксистам; во втором — к обществу людей со здравым рассудком. И при этом в первом случае общество будет некоторым образом жить, полагая, что власть, в том числе и финансово-экономическая, принадлежит толкователям жизни на основе марксизма; так будут думать и многие из толкователей; но реальная власть по-прежнему будет принадлежать тем, кто создал марксизм в качестве прикрытия для своей реальной вседозволенности по отношению к целым народам.

Во втором случае общество будет вынуждено создать антимарксистскую социологию, способную защитить его жизнь от поползновений хозяев марксизма к его эксплуатации в своих целях.

И в-третьих, тысячелетиями неразрешимый для еврейства вопрос :

Или во сне
Он это видит? иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой,
Насмешка Рока над землей?

Ответ Пушкина краток и звучит как исторический приговор:

И он, как будто околдован,
Как будто к мрамору прикован,
Сойти не может!

Другими словами, внешне Евгений “*на звере мраморном верхом”,* а в действительности он околдован и прикован древнеегипетским знахарством, укрывшемся в колене левитовом, рабской необходимостью оставаться бездумной периферией библейского знахарства — самой древней и самой богатой мафии. Современные антисемиты, в большинстве своем также бездумные, ибо больше всего мучаются объяснениями особенной сплоченности еврейства и их завидного упорства в достижении поставленных целей. Весь секрет их сплоченности — в неосознанной концептуальной дисциплинированности. Противопоставить ей можно только осознанную кон-

цептуальную дисциплину общества в целом, тем более что альтернативная библейской — КОНЦЕПЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, изложенная в современной лексике под названием “Мертвая вода”, уже существует. Предвидел ли такую возможность Пушкин? Судите сами:

Вкруг него
Вода и больше ничего!

Только после этих слов впервые появляется Тот, чьим именем названа поэма:

И, обращен к нему спиною,
В неколебимой вышине,
Над возмущенною Невою
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне.

Этими словами завершается Первая часть поэмы. Поскольку с “кумиром” нам предстоит встретиться еще не раз, мы прокомментируем его роль в повествовании по завершении всего исследования. А пока перейдем к оценке дальнейшего развития событий, описанию которых посвящена Часть вторая.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Одного яйца два раза
не высидишь!
К.Прутков

Глава 1. “Иная” и “новая” вода

“Часть вторая” начинается с описания последствий послереволюционных потрясений:

Но вот, насытясь разрушеньем
И наглым буйством утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своим любуясь возмущеньем

И покидая с небреженьем
Свою добычу.

Принадлежа к высшему сословию и хорошо представляя, что такое “русский бунт, бессмысленный и беспощадный”, поэт стремился донести до читателя в поэтической форме некие, скорее всего внелексические образы, которые вставали перед ним, как “воспоминание” о будущих испытаниях, через которые должна будет пройти Россия прежде чем она избавится от периферии библейского знахарства.

Так злодей,
С свирепой шайкою своей
В село ворвавшись, ломит, режет,
Крушит и грабит; вопли, скрежет,
Насилье, брань, тревога, вой!..
И, грабежом отягощенны,
Боясь погони, утомленны,
Спешат разбойники домой,
Добычу на пути роняя.

Участвовало ли в революционных погромах и разграблениях еврейство? Несомненно! Более того, оно, как правило, их возглавляло, чтобы после того, как эмоции бездумно бунтовавшей толпы утихнут, на плечах её, словно пена на гребне волн, прорваться к власти[1]. Такими видел Пушкин послереволюционные события и такими они были в реальной истории России.

Вода сбыла, и мостовая
Открылась, и Евгений мой
Спешит, душою замирая,
В надежде, страхе и тоске
К едва смирившейся реке.

---

[1] В этой связи можно вспомнить еврейский анекдот: Володарский идет по Смольному, охваченному революционной суетой, и нечаянно толкает невысокого лысого человека с бородкой клинышком. К нему подбегает возмущенный Свердлов: Ты что? Это же Ленин!!!

Володарский: Яша, я только из Штатов, кто такой Ленин?

Свердлов: Тс-с-с... На него записан весь гешефт.

Возбудить революционный пафос, запустить разрушительные процессы в толпе много проще, чем остановить их и ввести в русло созидания. Потому-то река после наводнения, как образ народа после эмоционального подъема, вспышек разрушительной ненависти к угнетателям — “едва смирившаяся”.

Торжество победы эмоционально взвинченной толпы в любой революции всегда иллюзорно, поскольку плоды её достаются паразитам — пене, покрывающей волны народного гнева, который прежняя правящая верхушка воспринимает, как беспричинную злобу:

Но, торжеством победы полны
Еще кипели злобно волны,
Как бы под ними тлел огонь,
Еще их пена покрывала,
И тяжело Нева дышала,
Как с битвы прибежавший конь.

Последними двумя строками поэт снимает внешнее противоречие между уже ставшим привычным по прежним произведениям образом толпы — конем, (например, конь Руслана в поэме “Руслан и Людмила”), и водами Невы в “Медном Всаднике”. Либеральная интеллигенция и её древняя основа— еврейство — и есть пена всех революционных волн. Поначалу народ любуется ею:

Поутру над её брегами
Теснился кучами народ,
Любуясь брызгами, горами
И пеной разъяренных вод.

Последняя фраза очень точно определяет предреволюционное состояние толпо-”элитарного” общества, каким и было оно в начале века в России. Раскачивая государственный корабль, эта “пена” легко и быстро адаптируется к смене курса (лево — право руля), который разрабатывают посвященные штурмана, а озвучивают якобы независимые капитаны — руководители партий. Отсюда всем знакомые по песне советских времен слова: “Партия — наш рулевой”. Но на настоящем корабле даже матросу известно: рулевой курс кораблю не прокладывает. Это дело штурманов, привилегированной части командного состава.

Главное для еврейства — своевременно перебежать слева на право или справа на лево. Самостоятельно они неспособны на этот маневр: нужен перевозчик.

Евгений смотрит: видит лодку;
Он к ней бежит как на находку;
Он перевозчика зовет —
И перевозчик беззаботный
Чрез волны страшные охотно
Его за гривенник везет.

Появился *перевозчик беззаботный* — образ глобального предиктора. Почему же у него столь странный эпитет: *беззаботный*? Выше было показано, что трансформация древнеегипетского жречества в глобальную иерархию знахарей, использующих знания об устройстве мира в своекорыстных целях, привела современную технократическую цивилизацию на грань катастрофы, экологической как минимум. *«... Бог не есть Бог неустройства, но мира. Так бывает во всех церквах у святых»* (Новый Завет, Павел, 1-е Коринфянам, 14:33), что наряду с безответственностью и беззаботностью глобального знахарства знаменует его Богоборческие цели по отношению к жизнеустройству на планете Земля.

Почему за гривенник? Церковная иерархия живет “десятиной” — десятой частью всего, создаваемого производительным трудом общества. Всякая церковь (католическая, лютеранская, протестантская, православная) вне зависимости от того понимает она это или нет — открытая периферия глобального знахарства, которое легитимно по отношению к древнеегипетскому жречеству. Поэтому церковные иерархии, как правило, ведут споры меж собой и представителями других религиозных конфессий только по догматам и канонам вероучений, но любая молитва вне зависимости от того, к какой конфессии принадлежит верующий, заканчивается словом Аминь! Амен!... Амон!? А главное — ни одна из церквей никогда открыто не отвергла расистскую доктрину “Второзакония-Исаии”. Но более того, в их символах веры нет ни единого слова Христа, а из священного писания устранено и само Благовестие Миру Иисуса Христа, подмененное «святыми благовествованиями» от четырех апостолов. Так, при желании, можно увидеть одного и того же истинного хозяина всех спорящих меж собой по догматам вероучений различных церквей.

Об этом же говорит и тот факт, что в Риме времен Помпея верховный жрец обращался к богине Изиде на египетском языке, а современный Римский папа имеет название такое же как у верховного жреца Древнего Рима — Верховный понтифик. Да и тиара “наместника” Христа на земле — точная копия головного убора древнеегипетского фараона, также считавшего себя богом. Так что вне зависимости от целей или желаний иерархов любой религиозной конфессии, замкнутой на библейскую концепцию, все они платят свой “гривенник” глобальному перевозчику за свое “легитимное”

право перебираться “чрез волны страшные” национальных толп в глобальном историческом процессе.

Левиты и раввины не составляет здесь исключения, хотя у них есть в этом движении свои особенности и “привилегии”.

И долго с бурными волнами
Боролся опытный гребец,
И скрыться вглубь меж их рядами
Всечасно с дерзкими пловцами
Готов был челн — и наконец
Достиг он берега.
Несчастный ...

Почему же Евгений несчастный? В чем причина несчастья еврейства? Чтобы ответить на этот вопрос, нам придётся понять второй и третий смысловой ряд образа Невы в период её наводнения.

В первой части поэмы мы были свидетелями, как Нева во время наводнения пошла вспять. Согласно первому смысловому ряду это означает, что изменилось направление течения, изменилось и обозначение берегов: правый берег стал левым; левый — правым.

Согласно второму смысловому ряду, Нева — образ толпы, под влиянием западных веяний-ветров, неожиданно изменившей умонастроение от спокойно-патриархальных к бурно-революционным, разрушительным.

Но есть в поэме и третий смысловой ряд, согласно которому Нева (“река времен”) в период смены направления течения — образ качественного изменения меры соотношения эталонных частот биологического и социального времени в глобальном историческом процессе.

Это, неизвестное ранее явление, соответствующее качественно новому информационному состоянию, в которое с середины XX столетия вошло человечество, следует пояснить особо.

Поведенческие реакции любой системы на воздействие внешней среды строятся на основе информационного обеспечения, свойственного каждой из них. Это положение справедливо по отношению и к живым организмам. В животном мире информационное обеспечение поведения наука называет, во-первых, инстинктами и безусловными рефлексами, которые предопределены генетически для каждого из видов; и, во-вторых, условными рефлексами, в которых отражен персональный опыт живого организма по адаптации к среде обитания, и который не наследуется генетически при смене поколений.

Чем выше организованность биологического вида, тем больше доля и абсолютный объем генетически ненаследуемой информации в составе информационного обеспечения поведения его особей.

У наиболее высокоорганизованных видов генетически передаваемая программа развития его особей предопределяет "детство". В течение "детства" родители и/*или старшие поколения в целом* формируют в подрастающем поколении генетически не передаваемые условные рефлексы, отражающие опыт старших *живущих* поколений.

Человек Разумный, как биологический вид, при таком взгляде отличается от животного мира прежде всего тем, что благодаря устной речи, изобразительному искусству, письменности и т.п. — каждому входящему в жизнь поколению доступен для освоения не только опыт и жизненные навыки живущих взрослых поколений, но в той или иной степени доступны и зафиксированные культурой[1] опыт и жизненные навыки *ушедших из жизни* поколений.

В таком видении информационное состояние общества можно определить: на уровне биосферной обусловленности — генетически воспринятая от прошлых поколений информация всех в нем живущих; на уровне социальной обусловленности — генетически не передаваемая информация, хранимая памятью живущих, а также зафиксированная на порожденных обществом материальных носителях[2] информации, т.е. в памятниках культуры, находящихся в употреблении[3] хотя бы у одного из людей.

В настоящем контексте, культура — вся генетически ненаследуемая информация, хранимая обществом и передаваемая от поколения к поколению на основе социальной организации (общественного уклада жизни). Информационное состояние общества — это состояние информационного обеспечения его поведения, обусловленное биологически и социально (культура). При этом генетически обусловлен потенциал освоения культурного наследия предков и его дальнейшего преобразования каждым новым поколением, хотя сами культурные достижения генетически и не передаются.

Жизнь общества — это процесс обновления его информационного состояния, протекающий и на уровне физиологии обмена веществ в процессе зачатия детей, и на уровне преобразований культуры общества. В нем на уровне биосферной обусловленности при смене поколений в генеалогических линиях обновляются комбинации генокодов, т.е. генотипы множества живущих особей вида Человек Разумный. На уровне социальной обусловленности идет процесс обновления прикладного теоретического знания и

---

[1] В том числе и на биополевом уровне её организации, хотя на биополевом уровне присутствует и изрядная доля генетически передаваемой информации.

[2] Биополя — тоже материальные носители.

[3] Или поддерживаемых на биополевом уровне организации кем-либо.

навыков, вследствие которого новые технологии и технические решения вытесняют прежние решения того же самого назначения и в целом расширяется множество технологий и технических решений.

Можно говорить о скорости течения *процесса информационного обновления* как на уровне биосферной обусловленности, так и на уровне социальной обусловленности.

В качестве меры скорости на уровне биосферной обусловленности можно взять среднестатистический возраст родителей при рождении у них первого ребенка; либо продолжительность активной, т.е. трудовой жизни; либо время, в течение которого происходит 50 %-ное (или иное статистически стандартное) обновление популяции и т.п. Но все эти величины взаимно связаны статистически и границы их изменения биологически предопределены нормальной генетикой вида.

Дальнейший текст следует образно соотносить с Рис.4.

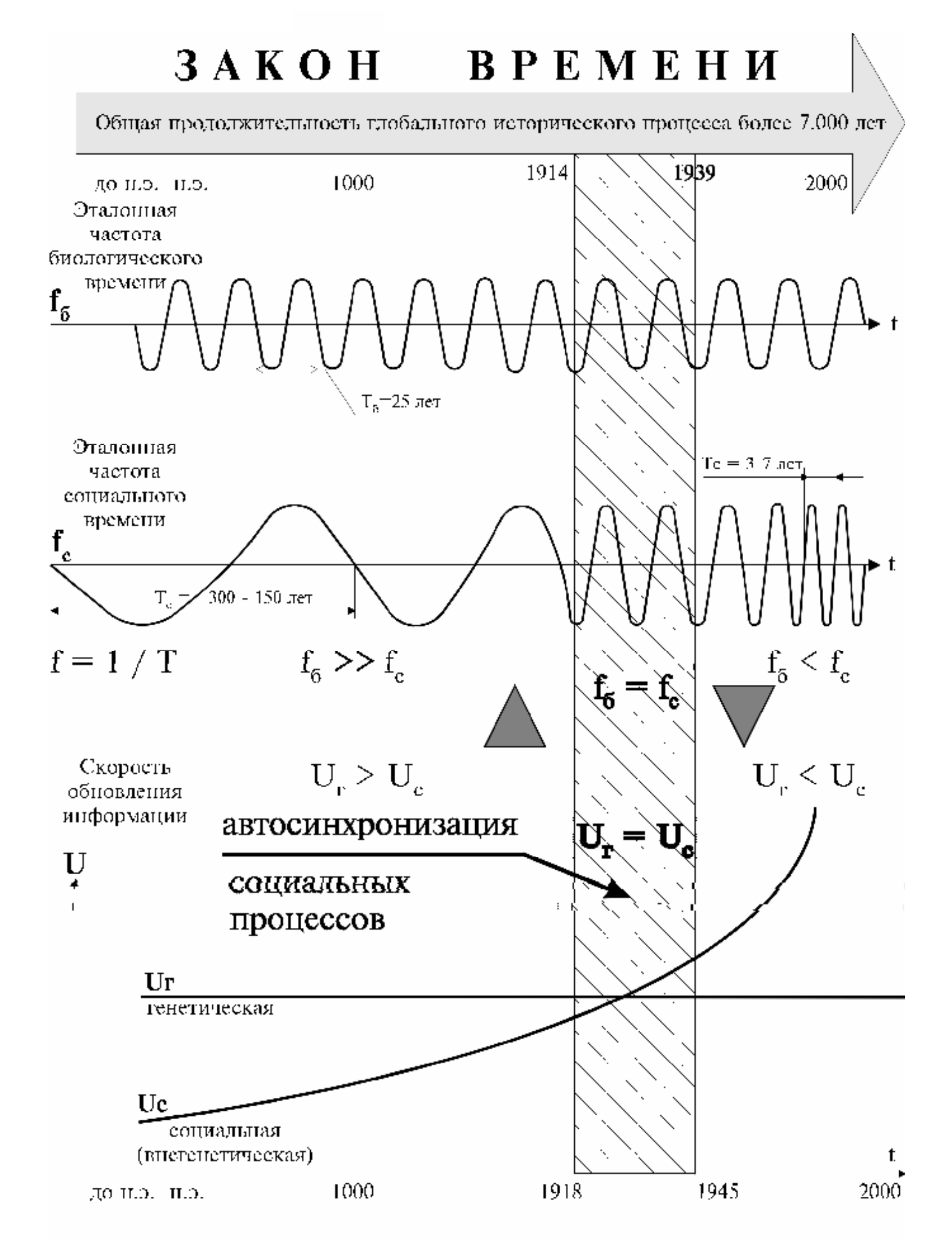

Рис.4. СМЕНА ЛОГИКИ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

На уровне социальной обусловленности в качестве меры скорости процесса можно избрать время изменения каких-либо параметров культу-

ры, например, культурологи часто вспоминают продолжительность времени, в течение которого происходит удвоение объема научно-технической информации. Но поскольку информационная емкость общества ограничена, а цивилизация основана на производстве, то более показательно избрать время “морального” старения и смерти техники и технологий или статистику, построенную на множестве социально значимых технологий и технических решений, определяющих культуру производства.

Но вопрос о скорости течения процессов в жизни общества связан с вопросом о выборе эталона времени, вне зависимости от того осознается этот факт или нет. В принципе, любой процесс, поддающийся периодизации, может быть избран в качестве эталона-измерителя времени. По отношению к человечеству таким образом можно ввести понятия биологического и социального времени. Соответственно, историческое время можно измерять в единицах астрономически обусловленного времени, как это принято в наши дни (хотя календари вводятся по умолчанию); можно — в продолжительности царствований, как это показано в Библии, и что до сих пор сохранилось в Японии, т.е. на основе биологической обусловленности; можно и на основе социально обусловленного (культурологического) эталона.

В любом случае астрономический эталон, биологический эталон и социальный (культурологический) эталон времени могут быть соотнесены друг с другом. Можно проследить, как изменялось соотношение частот процессов-эталонов биологического и социального времени в историческом развитии Западной и глобальной цивилизации по отношению к общему для них обоих эталону астрономического времени.

В каждой генеалогической линии, среднестатистически, у родителей раз в 15 — 25 лет[1] появляется первый ребенок. Продолжительность активной жизни имеет примерно такое же значение. Соответственно частота эталона биологического времени может быть принята $f_б = 1/(25 \text{ лет})$. Она характеризует скорость обновления информации в генофонде популяции и мало меняется на протяжении всей истории.

В жизни технократической цивилизации доминирует непрерывный процесс вытеснения устаревших технологий и технических решений новейшими, но того же самого назначения. Поэтому можно подсчитать среднестатистический период обновления всего технологического социально значимого знания — T_c в каждую историческую эпоху. В качестве эталона частоты социального времени можно взять частоту $f_c = 1/T_c$. Она характеризует скорость обновления социально значимой информации, не передаваемой генетически через физиологию, но передаваемой через культуру,

[1] Годы — единицы измерения, основанные на астрономическом эталоне.

несомую общественным устройством (социальной организацией), от поколения к поколению. Эта частота $f_с$ на протяжении истории непрерывно возрастала: во времена фараонов, Екклезиаста, Иисуса и первых веков нашей эры, когда библейская концепция управления формировалась и обретала глобальную значимость, она составляла величину порядка 1/(сотни лет); в настоящее время эталонная частота социального времени составляет 1/(10 лет) — 1/(5 лет), в зависимости от того, на каких отраслевых знаниях она основана.

Иными словами, во времена, когда было оглашено Второзаконие, социально значимое множество технологий и технических решений не обновлялось веками, а через технологически неизменный мир проходили многие поколения. В наши дни социально значимое множество технологий и технических решений обновляется быстрее, чем раз в десять — пятнадцать лет, и техносфера, окружающая человека, успевает измениться несколько раз на протяжении активной жизни одного поколения. То есть изменилось соотношение эталонных частот биологического и социального времеи (было $f_с << f_б$; стало $f_с > f_б$), которое и представлено схематично на Рис.4.

Это изменение соотношения эталонных частот биологического и социального времени, предощущалось некоторыми поэтами, учеными, мистиками в конце XIX века — первой половине XX, но оно стало ярко выраженным, открытым для всеобщего восприятия и осмысления, только к концу второй половины XX века, когда за время жизни одного поколения многократно успели обновиться необходимые для деятельности знания и практические навыки[1].

И все теоретические схемы, описывающие тематику взаимоотношений общества с его же коллективным сознательным и бессознательным, построенные до этого изменения соотношения эталонных частот, после него утрачивают работоспособность, даже если таковой в прошлом они и обладали. Происходит это потому, что при новом соотношении эталонных частот биологического и социального эталонов времени мотивация поведения, логика социального поведения, свойственные прежнему соотношению эталонных частот ведут к саморазрушению прежнего устройства жизни общества, прежних типов социальной организации цивилизации.

[1] Это ярко видно в авиации: с 1910-х по начало 1960-х гг. на протяжении жизни одного поколения успели сменить друг друга три поколения классов летательной техники: этажерки из дерева и ткани, настоящие самолеты из дерева и легких сплавов, реактивная авиация из специальных сплавов и сталей. Еще быстрее протекало обновление компьютерных технологий.

При библейском соотношении частот эталонов биологического и социального времени, статистически преобладало следующее: какое знание человек обретал к 25 годам, с тем знанием он и умирал. Обретение нового прикладного знания в течение всей активной жизни, было уделом меньшинства общества, а не большинства. Но социальная организация строилась на статистике незаменимости и взаимозаменяемости носителей конкретных прикладных знаний и навыков, по какой причине носители редких социально значимых знаний имели возможность взимать монопольно высокие цены за продукт своей деятельности в общественном объединении труда. Обретение же прикладного знания, доселе неизвестного в обществе, давало его первооткрывателю и первым носителям и/или их потомкам возможность подняться вверх по ступеням социальной пирамиды толпо-”элитаризма” и устойчиво занимать это положение в течение своей жизни, а роду давало возможность поддерживать некогда завоеванный предком социальный статус при смене поколений. Это было возможно, хотя бы при эмиграции в другую страну, если в родной стране хозяева толпо-”элитарной” пирамиды не могли найти для него свободной кормушки или брезговали общением со вчерашним “низкородным”. Так до конца XIX века социальная пирамида строилась на основе регуляции доступа к образованию тех или иных социальных групп, и один раз вызубрив всё в университете, этими знаниями и навыками можно было жить всю жизнь.

При библейском соотношении эталонных частот биологического и социального времени, поскольку культура не обновлялась значительно на протяжении жизни одного поколения, то между человечеством и остальными видами биосферы планеты не было принципиальной разницы в том смысле, что информационное состояние общества изменялось в общем-то со скоростью смены поколений, точно также как и информационное состояние популяции в животном мире меняется со скоростью смены поколений. И в этом смысле история не-животной жизни человечества в целом только начинается с изменением соотношения эталонных частот биологического и социального времени. Этому соотношению частот соответствовало и господство кодирующей психику педагогики, целью которой было не раскрыть творческие способности человека, не обучить человека воспринимать и осмыслять мир самостоятельно, памятуя о достоянии культуры прошлого, а вбить в его психику достижения прошлого, признанные каноническими. Короче, школа зубрежки доминировала над школой творчества.

Но при нынешнем соотношении эталонных частот биологического и социального времени, один раз в жизни вызубрив специальность в вузе, уже невозможно в течение всей жизни паразитировать на обретенном некогда своим трудом знании, произведенном однако трудом предков, поскольку знание устаревает быстрее, чем период активной жизнедеятельно-

сти одного поколения, который в среднем составляет не более 15 — 25 лет. Чтобы всю жизнь учить общество на основе принципов кодирующей педагогики, необходимо иметь второе параллельное общество, состоящее из одних только учителей и наставников. Это невозможно, поэтому самообразование на основе базового образования — единственная возможность поддерживать квалификацию в новых исторических условиях.

Школа зубрежки таким образом изжила себя, но её жертвы всё еще живут и действуют несообразно обстоятельствам и усугубляют их, поскольку старые знания и навыки устаревают, а обрести новые они самостоятельно в процессе работы не умеют. В этих условиях преимуществом обладают те, кто способен самостоятельно воспринимать мир, таким каков он есть, осмыслять происходящее и решать возникающие проблемы на основе собственных интеллектуальных усилий и координации усилий других, но не те, кто знает много готовых рецептов решения проблем, как это было в прошлом.

Поскольку в основе социальной иерархии непосредственно или косвенно лежала градация общества по квалификации и специализации в общественном объединении труда, то при нынешнем соотношении эталонных частот биологического и социального времени социальная иерархия личностей — носителей квалификации и специализации — становится невозможной, поскольку обесценивание прежних прикладных навыков и знаний сбрасывает людей с занимаемых ими ступеней иерархии. На высшие ступени поднимаются те, кто в прошлом был на низших, но обрел квалификацию и специализацию, отвечающую общественным потребностям и позволяющую взимать за свой труд более высокую цену. Этот процесс идет во многом непредсказуемо, и, как следствие, неуправляемо со стороны властных структур общества. И потому вся традиционная система образования, а также профессиональной подготовки и переподготовки, основанная на принципах кодирующей педагогики, не может помочь поддержанию прежнего иерархически-личностного устройства общества.

Объективное явление, которое мы назвали — *изменение соотношения эталонных частот биологического и социального времени* — собственная характеристика глобальной социальной системы, от которой никуда не деться. Это информационный процесс, протекающий в иерархически организованной системе. Из теории колебаний, теории управления известно, что если в иерархически организованной многоуровневой системе происходит изменение частотных характеристик процессов, протекающих на каждом из её уровней, то система переходит в иной режим своего поведения. Это общее свойство иерархически организованных систем, к классу которых принадлежит и человеческое общество в целом, и иерархически организованная психика каждого из людей.

Это общее свойство иерархически организованных информационных систем. Оно по отношению к жизни общества предопределяет качественные изменения в психологии множества людей, в нравственно-этической обоснованности и целеустремленности их деятельности, в избрании средств достижения ими целей; предопределяет качественные изменения того, что можно назвать логикой социального поведения: это — массовая статистика психологии личностей, выражающаяся в реальных фактах жизни.

Какое-то представление об этих сложных явлениях социальной жизни люди имели и в далеком прошлом, но поскольку мера понимания их была доступна лишь узкому кругу посвященных, то знания о возможности проявления их в будущем предавались из поколения в поколение, как правило, в притчевой форме наподобие суфийской сказки “Когда меняются воды”:

Однажды Хидр, учитель Моисея, обратился к человечеству с предостережением.

— Наступит такой день, — сказал он, когда вся вода в мире, кроме той, что будет специально собрана, исчезнет. Затем ей на смену появится другая вода, от которой люди будут сходить с ума.

Лишь один человек понял смысл этих слов. Он собрал большой запас воды и спрятал его в надежном месте. Затем он стал поджидать, когда вода изменится.

В предсказанный день иссякли все реки, высохли колодцы, и тот человек, удалившись в свое убежище, стал пить из своих запасов.

Когда он увидел из своего убежища, что реки возобновили свое течение, то спустился к другим сынам человеческим. Он обнаружил, что они говорят и думают совсем не так, как прежде, они не помнят ни то, что с ними произошло, ни то о чем их предостерегали. Когда он попытался с ними заговорить, то понял, что они считают его сумасшедшим и проявляют к нему враждебность либо сострадание, но никак не понимание.

Поначалу он совсем не притрагивался к новой воде и каждый день возвращался к своим запасам. Однако он в конце концов решил пить отныне новую воду, так как его поведение и мышление, выделявшие его среди остальных, сделали жизнь невыносимо одинокой. Он выпил ***новой*** воды и стал таким, как все. Тогда он совсем забыл о своем запасе ***иной*** воды, а окружающие его люди стали смотреть на него как на сумасшедшего, который чудесным образом излечился от своего безумия.

Это — иносказание пережившее века. Только в притчевой форме его можно понимать в том смысле, что речь идет не о какой-то “трансмутации” природной воды (H_2O), а о некой иной “воде”, свойственной общест-

ву, которая по некоторым качествам в его жизни в каком-то смысле аналогична воде в жизни планеты Земля в целом.

Таким аналогом воды (H_2O) в жизни общества является культура — вся генетически ненаследуемая информация, передаваемая от поколения к поколению в их преемственности. Причем вещественные памятники и объекты культуры — выражение психологической культуры (культуры мироощущения, культуры мышления, культуры осмысления происходящего), каждый этап развития которой предшествует каждому этапу развития вещественной культуры, воплощающей психическую деятельность людей.

Суфий древности мог иметь предвидение во «внелексических» образах о смене качества культуры, и таким образом имел некое представление о каждом из типов “вод”. Но вряд ли бы он был единообразно понят своими современниками, имевшими представление только о том типе “воды” (культуры, нравственности и этики), в которой они жили сами, и вряд ли бы они передали это предсказание через века. Однако, легенда, как иносказание, пережила многие поколения и стала понятной непосвященным лишь после того, как произошла смена отношений эталонных частот биологического и социального времени и общество вступило в процесс смены логики поведения.

Естественно, что с точки зрения человека, живущего в одном типе культуры, возможность внезапно оказаться в другом, качественно ином типе культуры, означает выглядеть в ней сумасшедшим и вызвать к себе враждебность (поскольку его действия, обусловленные прежней культурой, могут быть разрушительными по отношению к новой культуре) или сострадание. Само же общество, живущее иной культурой, с точки зрения внезапно в нем оказавшегося, также будет выглядеть как психбольница на свободе.

Мы живем в исторический период, когда изменение соотношения эталонных частот биологического и социального времени уже произошло, но становление новой логики социального поведения, в качестве статистически преобладающей, еще не завершилось. Формирование логики социального поведения, отвечающей новому соотношению эталонных частот, протекает в наше время и каждый из нас в нем участвует и сознательно целеустремленно, и бессознательно на основе усвоенных в прошлом автоматизмов поведения. **Но каждый по своему произволу, обусловленному его нравственностью, имеет возможность осознанно отвечая за последствия, избрать для себя тот или иной стиль жизни.**

Те, кто следует прежней логике социального поведения: вверх по ступеням социальной пирамиды или удержать завоеванные высоты, — всё более часто будут сталкиваться с разочарованием, поскольку на момент достижения цели, или освоения средств к её достижению, общественная значимость цели исчезнет, или изменятся личные оценки её значимости.

Это предопределяет селекцию целей по их устойчивости во времени. При этом высшей значимостью будут обладать “вечные ценности”, освоение которых сохраняет свою значимость вне зависимости от изменения техносферы и достижений науки. Быть человеком в ладу с Богом и биосферой, предопределено становится при новом соотношении эталонных частот биологического и социального времени — непреходящей самодостаточной целью для каждого здравого нравственно и интеллектуально, и этой цели будет переподчинена вся социальная организация жизни и власти. Все, кто останется рабом житейской суеты, обречены на отторжение биосферой Земли.

Все представители человечества, как системы в биосфере Земли, которые не способны своевременно отреагировать на изменение соотношения эталонных частот биологического и социального времени, обречены на отторжение биосферой Земли, переходящей в иной режим своего бытия под воздействием человеческой деятельности последних нескольких тысячелетий.

И все прикладные психологические тесты[1], построенные на основе воззрений классических психологических школ, не учитывают этого объективного изменения частотных характеристик информационных процессов в современной цивилизации, которое произошло во второй половине XX века, в результате чего общество и обрело новые свойства. Соответственно, такие психологические тесты оказываются не чувствительными ко многим опасным психологическим явлениям, но на их основе выдаются ошибочные рекомендации, прежде всего в области подбора и расстановки кадров.

Глава 2. Свобода исчезновения

После такого пояснения можно поговорить и о причинах несчастья Евгения. Хорошо известно, что еврейству свойственна особая приспособляемость к изменениям окружающей среды. Поскольку все человечество для еврейства — всего лишь элементы этой среды, то желательно разобраться в причинах его необычной мимикрии. Так можно будет понять и поражающую всех столь продолжительную устойчивость в смене поколений этой отличной от всего остального человечества общности. Причина же — в их особой предрасположенности к абстрактно-логическому дискретному мышлению, которое связано с преобладанием деятельности лево-

[1] Это же относится и к большинству аналитических работ по историко-обществоведческому анализу.

го полушария головного мозга над правым, отвечающим за предметно-образную процессную деятельность человека. Это их особое свойство давало им до поры до времени и особые преимущества перед остальными народами, поскольку позволяло в рамках библейской логики социального поведения с большим, чем другие, быстродействием моделировать новые информационные ситуации, складывающиеся в глобальном историческом процессе, и находить наиболее оптимальные решения для адаптации к ним.

Революция 1917 г. в России началась в период смены отношений эталонных частот биологического и социального времени. Левак Евгений в период, предшествующий наводнению находился на левом берегу. Нева, как образ реки времени пошла вспять, т.е. левый берег стал правым и Евгений — инвалид правого полушария — естественно устремился к левому берегу. И не случайно именно в этот период средствами массовой информации, полностью подконтрольными еврейству, усиленно проводилась подмена кода образа правизны всех явлений социальной жизни (правда, справедливость, правильность, управление) на код левизны. Другими словами, все левое объявлялось прогрессивным, а правое — консервативным. Так в умах людей закреплялся смысловой абсурд, поскольку "левые" по существу вынуждены были бороться за правое дело до тех пор пока И.В.Сталин к концу этого безумного периода подмены понятий, совпавшего с началом второй мировой и Великой Отечественной войны, не поставил все на место: "Наше дело правое, победа будет за нами!".

Столь быстрая смена понятий, совершенная не без активного участия еврейства, дорого обошлась России. Но не сделала она счастья и самому еврейству:

Несчастный
Знакомой улицей бежит
В места знакомые.

Евгений "достиг" не просто бывшего правого берега: он перебрался на правый берег ***острова***, который и поныне называется Васильевским. Остров же, как было показано в расшифровке первой части поэмы, — естественный образ вершины толпо-"элитарной" пирамиды. Другими словами, мечта Евгения была не так уж и бескорыстна: в ней прежде всего выражалось стремление еврейства приобщиться к управленческой "элите", в которую многие его представители были вхожи задолго до революции несмотря на закон о "черте оседлости". Отсюда "*в места знакомые бежит*". Известно, что в ходе революции и гражданской войны стремление еврейства занять ключевые посты в сфере государственного управления бывшей России было реализовано, но какой ценой? Многие из них и по сей день не способны "узнать" плоды своих управленческих деяний. В поэме же Евгений:

Глядит,
Узнать не может. Вид ужасный!
Все перед ним завалено,
Что сброшено, что снесено;
Скривились домики, другие
Совсем обрушились, иные
Волнами сдвинуты; кругом
Как будто в поле боевом,
Тела валяются.

“Великое царство” было основательно разрушено, но не погибло, как об этом поторопились оповестить всех посвященных сакральной надписью на стене Ипатьевского дома вдохновители мистической акции по уничтожению одного из трех символов русской государственности — монархии. Уничтожая посредством “не помнящего ничего” еврейства этот символ, Хозяин-Перевозчик самоуверенно полагал, что в соответствии с древнеегипетскими канонами уничтожает тем самым и величественное здание российской государственности.

Евгений
Стремглав, не помня ничего,
Изнемогая от мучений,
Бежит туда, где ждет его
Судьба с неведомым известьем,
Как с запечатанным письмом.

Другими словами, конечная цель бездумной разрушительной деятельности еврейству неведома. Так было в начале XX столетия после Октября 1917 г.; тоже самое можно наблюдать и в конце его — после Августа 1991 г. Внутренние запреты, наложенные Торой и Талмудом, закрыли способность видеть и понимать развитие возможных вариантов будущего прежде всего для самого еврейства. Снятие этих запретов и постижение их сути означает утрату рассудка и гибель Евгения. В этом — основа содержания второй части поэмы. А пока:

И вот бежит уж он предместьем,
И вот залив, и близок дом...
Что это?..
Он остановился.
Пошел назад и воротился.
Глядит... идет... еще глядит.
Вот место(,)[1] *где их дом стоит;*

Пушкин точен: дом не “стоял”, а по-прежнему “стоит”, но Евгений его не видит. Почему? То ли потому, что “сонны очи он наконец закрыл”, да так до сих пор ими, закрытыми и смотрит на мир? То ли все дело в изначально неверно выбранных для него (кем?) ориентирах, которые исчезли в процессе смены отношений эталонных частот биологического и социального времени, но без которых еврейство неспособно отличить мир реальный от вымышленного, иррационального? А ведь это первый признак шизофрении, сумасшествия. Ориентира в поэме отмечено два:

Вот ива. Были здесь ворота,
Снесло их видно.

Ива осталась; ворота исчезли. Итак, утраченный ориентир — ворота, поскольку с их исчезновением начались необратимые процессы изменения в поведении Евгения. О том, что дом, возможно даже основательно разрушенный, не исчез сказано выше:

Скривились домики, другие
Совсем обрушились, иные
Волнами сдвинуты;

Постараемся понять, что могут означать ворота, не как дворовая постройка, а как некий мистический ориентир-символ, играющий особо важную роль в процессе мировосприятия и формирования мировоззрения еврейства. Наша задача облегчается тем, что после смены отношений эталонных частот биологического и социального времени многие символы такого рода “всплывают” с уровня подсознания еврея, обретая лексические формы доступные даже его мере понимания. Ниже приведенные откровения на затронутую здесь тему интересны тем, что они сделаны человеком, который, по его собственному признанию, в определенное время “стал себя чувствовать так же уютно, как Дантес в России после убийства Пушкина”.

[1] В некоторых изданиях запятая, взятая в скобки, отсутствует.

У ворот города

Оставьте камни прежней тишине.
Мираж тоски опередил ворота,
Как неизвестный всадник на коне,

Сместился миг, в котором свет, звук, знак
Изображают въезд, проезд и выезд,
Где нет пути, но есть копье и флаг,

Где изнутри сомненье, как извне,
Венчается созвучием единым,
Где зреют камни в прежней тишине,
Жизнь перед смертью,
Раб пред господином.

Этими стихами открывается книга Владимира Шали “Свобода исчезновения”, Информационно-издательское агентство “Лик”, СПб, 1993 г. Здесь ощущается ассоциативная связь, между “воротами” и “всадником на коне”, вывести которую на уровень сознания можно из следующей притчи, приведенной в книге:

Однажды спросил странник: “Уже который раз я возвращаюсь из пустыни, а ты все так же одинок. Ты всегда у ворот города, и не поймешь, ты входишь в город, или выходишь из него”.

Я ответил: “Скажи, странник, можно ли назвать пустыню смертью, а город жизнью?”

Странник сказал: ”Если человек умер в песках — пустыня смерть. Если человек вошел в город и напился воды — то город жизнь”. Тогда я спросил: “Но можно ли назвать пустыню смертью, а город жизнью, если человек, умирая в пустыне, остался жив, пришел в город, напился отравленной воды и умер?”

“Нет, — ответил странник, — если человек напился отравы в городе и умер — то город смерть. Если человек пришел из пустыни живым — пустыня жизнь”.

Тогда я сказал: “Вот почему я всегда у ворот города. И ты не можешь понять, вхожу ли я в город или выхожу из него. Ибо я не знаю где смерть, а где жизнь, где добро, а где зло, где любовь, а где измена, где слава, а где забвение — в городе или в пустыне. В пустыне или в городе. И поэтому я выбираю ***Свободу исчезновения***!”

По умолчанию, это особого рода признание: ворота — ориентир, вне которого утрачивается различение добра и зла, жизни и смерти, любви и измены, славы и забвения. Но одновременно это и понимание того, что вне поля действия данного ориентира, осознавший последствия столь страшного явления, превращается в существо, одинаково чуждое как зверю, так и человеку, после чего и выбирается ***“свобода исчезновения***”.

Может это случайность? Мало ли какие ассоциации может вызвать слово “ворота” у того или иного еврея, тем более, что автор, как поэт и писатель знаком лишь узкому кругу представителей “Черно-Белого союза людей смешанной крови”, основателем которого он сам, как сообщает послесловие к книге, и является. Другое дело еврей М.Гефтер, известный историк, писатель, при жизни *действительный (тайный) советник* разного рода властей, а в просторечии «член многих президентских советов».

12 февраля 1995 г. в популярной телевизионной передаче “Итоги” Гефтер рассказал, как его друг, польский еврей (врач по профессии) Эйдельман, в ответ на обвинение в Богоборчестве (последний сетовал на то, что в случае большой вероятности летального исхода своих пациентов, он, в какой-то мере, вынужден вмешиваться в предопределенность судьбы больного), произнес: “Просто я всегда стою у ворот. Кто-то должен стоять у ворот”. Ответ так понравился М.Гефтеру, что он при оценке своей политической и литературной деятельности с нескрываемой гордостью заявил: “Я тоже стою у ворот”. Нам трудно сегодня узнать (передача в записи была посмертной), что понимал под словом “ворота” историк еврей М.Гефтер, человек, видимо, “посвященный” в нечто, поскольку был одним из главных идеологов и пастухов “элиты” в период подготовки тех преобразований в стране, которые получили название “перестройки”. Возможно, что он имел в виду “пророчество” Исайи: 60:10 — 12.

“...И будут отверзты ***врата*** твои, не будут затворяться ни днем ни ночью, чтобы было приносимо к тебе достояние народов.”

Однако, нам представляется такое толкование роли данного символа слишком узким для темы, поднятой в поэме.

Тайну ориентира-символа “ворота” нам помог раскрыть специалист по арабскому языку и иврите Н.Вашкевич: “Иногда мы говорим, «что ты смотришь, как баран на новые ворота». Баран здесь не случайное животное. Но непонятно, при чем здесь «новые ворота»?

Когда я вижу непонятность или алогичность в русском языке, я всегда обращаюсь к арабскому толковому словарю. Ведь арабский язык — космический язык и потому общечеловеческий. К счастью, он почти не меняется во времени и потому сохраняет корневую систему в первозданном виде.

Ключевое слово, запутывающее ситуацию — ворота. Что это за новые ворота? Причем здесь они? Очевидно, что это не ворота, а ***вуруд*** — «появление». В русском языке от него ***роды***, ***процесс, при котором появляется новый человек.*** Барана здесь нужно понимать в греческом смысле — эмбрион, поскольку русское слово «баран» того же корня, что и греческий «эмбрион» и к тому же в русской культуре, как, впрочем, и любой, — символ невинности, неведения. Ягненок, по-арабски «невинный». Итак, переводим идиому: что ты смотришь, как ягненок новорожденный?”[1]

Семиты — это и арабы, и евреи. Но это разные семиты: одни — естественные, другие — искусственно выведенные (целенаправленно сконструированные), как некая новая порода людей, но не в смысле внешнего вида (вряд ли кто отличит по форме носа и кучерявости волос араба-палестинца от араба-еврея), а в смысле строя психики, включающего в себя мировосприятие и мировоззрение человека.

На уровне генетической памяти еврейство несет в себе информацию о ***родах, как неком процессе, при котором оно появилось в качестве новой породы людей***. Но вся эта информация закодирована одним словом: ***ворота***.

В поэме слово “ворота” имеет три смысловых ряда: на первом, обыденном — часть дворовой постройки; на втором — слово, пришедшее, видимо, действительно из арабского языка, указующее на рождение некого нового явления; на третьем — слово-код, на которое информационно замкнута искусственно созданная древнеегипетским знахарством в синайском турпоходе его самая древняя и на сегодня самая богатая периферия. Вероятнее всего, что это слово-код — ключевое в программе как появления, так и самоуничтожения еврейства, которое может быть сигналом к запуску какой-то, пока никому неведомой программе, после завершения им (еврейством) миссии формирования и поддержания устойчивости толпо-”элитарного” общества в рамках библейской концепции самоуправления. В качестве иллюстрации возможности такого варианта развития событий приведем описание исторически достоверного факта, ставшего достоянием многих ведущих газет мира в апреле 1997 г.

В них сообщалось о том, что в конце марта 1997 года на юге США, в пригороде г. Сан-Диего (штат Калифорния) произошло самое массовое самоубийство в истории страны. 39 членов иудейской секты «Врата Рая» были найдены мертвыми в дорогом особняке под названием ранчо «Санта-

---

[1] “За семью печатями” (Тайны происхождения языка. Библейские символы. Русская фразеология.), Н.Вашкевич, с.38 — 39., г. Москва, 1994 год.

Фе»[1], который она занимала. Самому молодому из самоубийц исполнилось 18, самому старому — 72 года. Все были одеты в черную униформу и обуты в черные кроссовки. Глава секты, Король До (в миру Маршалл Херифер Эпплуайт, 62 года), ушел из жизни вместе со своим последователями.

Секта была основана в 1975 году. Согласно представлениям адептов «Врат Рая», после "обучения" на Земле человек должен избавиться от своего тела и с помощью космических братьев по разуму перенестись на следующий уровень физической эволюции.

Такая возможность, как им показалось, представилась в связи с прохождением вблизи Земли кометы[2] Хейла-Болла. До-Херифер (очень созвучно с именем древнеегипетского жреца Херихора) объяснил своим последователям, что в тени этой кометы находится космический корабль, который прибыл за ними, после чего все они попытались стать его пассажирами, совершив массовое самоубийство.

Кто-то из "богоизбранных" сочтет данный факт не представляющим интереса в контексте рассматриваемой здесь проблемы, поскольку он касается еврейской толпы. Но вот 12 июля 1996 г. газета "Известия" №127 дала сообщение о том, что в Париже, в отеле "Бристоль" демонстративно (т.е. чтобы было зафиксировано полицией и прессой) повесился 41- летний Амшель Ротшильд — единственный легитимный (т.е. наследующий по праву первородства, как это принято у евреев) претендент на место главы самого древнего клана банкиров: с Амшеля Ротшильда клан начал свое паразитное распространение в мире, Амшелем же он и заканчивает. Этот своеобразный "Аминь" клану и его сатанинскому делу до "Известий" озвучили все крупнейшие газеты мира.

При этом западная пресса постаралась свести мотивацию самоубийства к "несчастному случаю" в процессе полового извращения: извращенец сам себе перекрывает кислород, поскольку в этих условиях у некоторых человекоподобных обостряется восприятие, в том числе и сексуального удовлетворения; по завершении оргазма, протекающего на грани клинической смерти, следует восстановить нормальное дыхание и ослабить петлю. Если же подобная "автоматика" не срабатывает, или изначально поза для

---

[1] Кстати, в США есть фильм с названием "Дорога на Санта Фе", в котором сюжет построен вокруг исторического факта, известного под названием "восстание Джона Брауна", интерпретируемого как начало гражданской войны в США, в результате которой США сохранили государственную целостность, а в южных штатах было отменено рабовладение, точно так же как и ранее в северных.

[2] О кометах в качестве средства транспортировки душ умерших см. рассказ Марка Твена "Путешествие капитана Стормфилда в рай". Так, что идея не нова.

самоудушения в оргазме была избрана неправильно, то наступает необратимая силами медицины смерть.

Что касается нашего понимания происходящего, то лучше всего его выразил в конце прошлого столетия М.Е. Салтыков-Щедрин: «Знал я, сударь, одного человека, так он, покуда не понимал — благоденствовал; а понял — удавился!» Другими словами, новая логика социального поведения действует на всех уровнях социальной иерархии, в том числе и в среде причисляющих себя к “богоизбранным”: Амшель Ротшильд родился после смены отношений эталонных частот биологического и социального времени.

Но вне зависимости от объяснений причин процесса самоликвидации представителей самой древней и самой богатой мафии можно заметить: в России и на Западе объективно идет процесс вышибания из активной деятельности многих значимых в её “элите” фигур. То есть осуществляется принцип: *положение обязывает; если положение не обязывает к тому что должно, то оно же и убивает*. Что конкретно явится замыкателем программы самоуничтожения: петля, “случайно” упавший кирпич на голову, выстрел киллера или автокатастрофа — не имеет принципиального значения. Важно то, что статистически чаще жертвами таких программ становятся утратившие исторические цели своей бездумной деятельности “безумцы бедные” и их активная “элита”.

Процесс самоуничтожения, по замыслу их хозяев, видимо, должен проходить в два этапа: на первом этапе — утрата рассудка, сумасшествие; на втором — самоликвидация. По продолжительности весь процесс должен охватить период около трех поколений после смены отношений эталонных частот биологического и социального времени. Возможно поэтому, в целях формального сохранения еврейства, но не как периферии глобального знахарства, а как равноправного члена человеческого общества и было в 1947 г. создано государство Израиль. Если бы дело обстояло иначе, то вряд ли И.В.Сталин дал бы согласие на создание такого государства от имени Советского Союза. Да и новое государство не случайно получило название не Иудея, а Израиль, поскольку согласно исторических данных хронологически первым (скорее всего по решению древнеегипетского знахарства Амона-Ра) прекратил свое существование Израиль, как отпавший от ортодоксального иудаизма. И, как это не покажется странным, эту “страшную тайну” через 50 лет после основания Израиля раскрывает (неосознанно конечно) представитель высшего руководства этого государства в лице его президента Эзера Вейцмана.

“На семинаре под названием «Государство Израиль: государство евреев или еврейское государство» в выступлении Вейцмана промелькнула мысль, что, может быть, для светской молодежи в Библии не все одинаково полезно.

— Иногда не стоит читать там все подряд, — посоветовал молодым людям Вейцман. — Там есть не очень симпатичные вещи. Возьмите, например, нашего учителя Моисея. По-моему, он величайший вождь еврейского народа, но, наверное, ему следовало бы быть поосторожнее с некоторыми своими высказываниями[1]”. (“Правда-5”, №13(463), 27 марта — 3 апреля 1998 г., статья Киры Третьяковой “Президент и Библия”)

Но еще более сильное давление этой “страшной тайны” слышится в заключительной притче цитируемый ранее В.Шали:

Далее странник сказал, что чем ближе он приближается к Египетским тайнам, тем ужасней его обдувает ветер опасности. Но ему, потомку древних египтян, хорошо известно, как это все было.

В то время столкнулись два мировоззрения, две любви, две ненависти к жизни. Прошли тысячелетия, возникли новые вероучения, но в основе всего по-прежнему, убежден странник, лежит Египетское противостояние. Далее странник сказал: “Звезда Давида — это перевернутое египетское сознание, это преодоление рабства, это приговор Египту, это Антиегипетская культура, выраженная графически. Звезда Давида состоит из двух противостоящих треугольников, а именно: ***перевернутая пирамида***, пересекающая сверху, как нож, пирамиду Хеопса”.

О каких Египетских тайнах и столкновении двух мировоззрений пишет здесь В.Шали? Ответ на эти вопросы может быть получен только после тщательного изучения истории Древнего Египта и его отношений с древними кочевниками, чьих потомков наши современники и воспринимают в качестве евреев.

Как на самом деле протекали в древности события после исхода из Египта евреев, большинство людей может судить только по их описанию в Библии. Чему в ней верить, а что подвергать сомнению и как умозрительно реконструировать истинный ход событий — каждый решает сам по своему нравственно обусловленному произволу в пределах своей культуры миро-восприятия и мышления.

Из анализа того, как сложился нынешний канон Библии, можно понять, что длительное время после исхода из Египта и обоснования в Палестине — главном транзитном узле тогдашних караванных и морских тор-

---

[1] Поскольку Вейцман не способен отличить Моисея библейского от Моисея исторического (известно,что тот, как Христос и Мухаммад, сам ничего не писал), то он не может и достоверно судить и о содержании подлинных высказываний “величайшего вождя еврейского народа”.

говых, а главное *информационных* путей в Средиземноморье — древний Иерусалим был внешним представительством иерархии служителей Амона, имевшей исторически традиционным центром древнеегипетские Фивы (Гелиополь). Фивы, стоявшие на мировой окраине в стороне от торговых путей и связанных с ними информационных потоков, стали неудобными для осуществления управления Средиземноморско-Западноазиатской цивилизацией в целом, на что в ходе своего исторического развития посягнула иерархия египетского Амона. Именно на основе тогдашней Средиземноморско-Западноазиатской цивилизации, управленческими усилиями наследников жрецов Амона, выросла современная нам Евро-Американская, Библейская цивилизация.

Для иерархии знахарства Амона, посягнувшей на мировое господство, было целесообразно завладеть главным информационным узлом древнего мира. Но памятуя о военных неудачах многих войн Египта с Ханааном, иерархия знахарства Амона первой в истории разработала *концепцию холодной войны за мировое господство методом культурного сотрудничества*, в которой психологическая обработка и противника и социальной группы, употребляемой в качестве инструмента агрессии, выходящая за пределы их миропонимания[1], первенствует над понятными большинству ведением войны оружием в обычном понимании этого слова, как средств разрушения вещественной[2] основы жизни общества и уничтожения людей. Переход к войне не вещественными средствами, сделал агрессию невидимой для её жертв на многие века.

Сегодня трудно судить насколько глубоко и осознанно воспринимало древнеегипетское знахарство достаточно *Общую теорию управления,* однако, если смотреть на жизнь обществ на исторически длительных интервалах времени (сотни и более лет), то совершенно очевидно, что средствами воздействия на общество, осмысленное применение которых позволяет управлять его жизнью и *смертью*, являются:

1. Информация *мировоззренческого* характера, методология, осваивая которую, люди строят — индивидуально и общественно — свои “стандартные автоматизмы” распознавания частных процессов в полноте и целостности Мирозданья и определяют в *своем восприятии* иерархическую упорядоченность их во взаимной вложенности. Она является основой

---

[1] Это оказалось справедливым и в холодной войне НАТО против СССР, сражения которой прошли мимо осознанного восприятия большинства в качестве осуществления военной стратегии.

[2] «Вещественной» — более точно, чем «материальной», поскольку «материя», это не только вещество, но и общеприродные поля и физический вакуум.

культуры мышления и полноты управленческой деятельности, включая и *внутри-социальное полновластие.*

2. Информация летописного, *хронологического,* характера всех отраслей Культуры и всех отраслей Знания. Она позволяет видеть направленность течения процессов и соотносить друг с другом частные отрасли *Культуры в целом* и отрасли Знания. При владении сообразным Мирозданию *мировоззрением*, на основе *чувства меры*, она позволяет выделить частные процессы, воспринимая "хаотичный" поток фактов и явлений в *мировоззренческое "сито" — субъективную человеческую меру распознавания.*

3. Информация *факто-описательного* характера: описание частных процессов и их взаимосвязей — существо информации третьего приоритета, к которому относятся вероучения религиозных культов, светские идеологии, технологии и фактология науки.

4. Экономические процессы, как средство воздействия, подчиненные чисто информационным средствам воздействия через финансы (деньги), являющиеся предельно обобщенным видом информации экономического характера.

5. Средства геноцида, поражающие не только живущих, но и последующие поколения, уничтожающие *генетически обусловленный потенциал* освоения и развития ими культурного наследия предков: ядерный шантаж — угроза применения; алкогольный, табачный и прочий наркотический геноцид — применение; "генная инженерия" и "биотехнологии" — потенциальная опасность.

6. Прочие средства, главным образом силового воздействия, — *оружие* в традиционном понимании этого слова, убивающее и калечащее людей и материально-технические объекты цивилизации.

Хотя однозначных разграничений между ними нет, поскольку многие средства воздействия обладают качествами, позволяющими отнести их к разным приоритетам, но приведенная *иерархически упорядоченная* классификация позволяет выделить доминирующие факторы воздействия, которые могут применяться в качестве средств управления и, в частности, в качестве средств подавления и уничтожения управленчески-концептуально неприемлемых явлений в жизни общества. При применении этого набора внутри одной социальной системы это — обобщенные средства управления ею. А при применении их же одной социальной системой (социальной

группой) по отношению к другой, при несовпадении концепций управления в них, это — *обобщенное оружие*, т.е. средства ведения *войны*, в самом общем понимании этого слова; или же — средства поддержки самоуправления в иной социальной системе, при отсутствии концептуальной несовместимости управления в обеих системах.

Управление всегда *концептуально определенно* 1) в смысле определенности целей и иерархической упорядоченности их по значимости в полном множестве целей и 2) в смысле определенности допустимых и недопустимых *конкретных* средств осуществления целей управления. Неопределенности обоих видов порождают ошибки управления, вплоть до полной потери управляемости по избранной концепции.

Указанный порядок определяет приоритетность названных классов средств воздействия на общество, поскольку изменение состояния общества под воздействием средств высших приоритетов имеет куда большие последствия, чем под воздействием низших, хотя и протекает медленнее и без “шумных эффектов”. То есть, на *исторически длительных* интервалах времени быстродействие растет от первого к шестому, а необратимость результатов их применения, во многом определяющая эффективность решения проблем в жизни общества в смысле *раз и навсегда*, — падает.

И дело не в том, насколько точно названы обобщенные информационные средства управления-оружия; важнее другое: для всякого непредвзятого читателя, способного анализировать фактологию истории, хорошо видно, как они реализуются в глобальном историческом процессе вообще и в западной цивилизации в частности. Если при этом можно говорить о концепции управления, которая обществом воспринимается, как концепция самоуправления, то таковой для Запада несомненно является Библия.

Тайна еврейства и тайна библейской концепции тесно связаны меж собой, но ключ к их разгадке лежит в подлинных, а не мифических причинах исхода-изгнания евреев из Египта.

Соответственно многое, обладающее значимостью в связи с проблематикой организации общественного самоуправления в Библейской цивилизации, попало в разного рода изъятия из канона Библии, но сохранено в отвергаемых официальными церквями и синагогами апокрифах и более древних редакциях текстов, а также и в изустных традициях толкования канона <u>для высоко посвященных</u>. То, что не попало в цензурные изъятия, цензоры утопили в преисполненном их отсебятины усыпляющем разум и завораживающем веру многословии библейских текстов. Тема анализа смысла изъятий из библейских текстов и дополнения их отсебятиной редакторов еще в далеком прошлом — на заре становления современных нам иудейского и христианского культов — не самая приятная тема не только для иерархий официальных церквей, синагог и всевозможных оккультистов, но и для многих политиков и политологов, считающих себя “свет-

скими” и свободными от давления на их интеллект[1] библейской традиции...

Однако никто в нынешней глобальной цивилизации не свободен от гнета выдуманной в древности для евреев миссии в мировой истории, которую из синайского “турпохода” вынесли иудеи, и которую их потомки и примкнувшие к иудаизму прозелиты[2] несут по свету вместо того, чтобы нести истинную Тору, в том виде, в каком её получил и огласил Моисей.

Возможно, что в эпизоде, описанном в книге Числа, гл. 14, Моисей был уничтожен. Или же впоследствии он сам устранился от власти, дабы все, вместо отвергнутой ими Истины, вкусив плоды лжи и отсебятины, — по своему разумению, своей свободной волей вернулись к Истине. Но судя по дальнейшим событиям именно после этого эпизода и началось как навязывание придуманной для евреев знахарством Египта их миссии в мировой истории, так и придание форм единобожия древнеегипетской магии культа Амона. Образно говоря, всё в Синайской пустыне произошло, как в известной сказке А.С.Пушкина: *«А ткачиха с поварихой, с сватьей бабой Бабарихой, обобрать его велят, до пьяна гонца поят, и в суму его пустую суют грамоту другую...»*

С учетом выявленных фактов изъятий, следует понимать, что Библия, уже НАЧИНАЯ С ЕЁ ДРЕВНЕЙШИХ РЕДАКЦИЙ — на основе реальных фактов прошлого — излагает заказную версию имевших место событий, которая отвечает интересам наследников тех египетских рабовладельцев, кто некогда предложенную Свыше древнему народу одну миссию в мировой истории, подменил другой, выдуманной по своекорыстной отсебятине миссией.

Обе миссии предполагают объединение враждующего многонационального человечества в глобальную цивилизацию, в которой не будет войн и которая может быть построена на основе объединяющей все народы культуры.

- Миссия от Бога предполагает таковое объединение на принципе осуществления каждым из людей Богом данной ему свободной воли и соответственно не предполагает рабовладения ни в явных, ни в изощренно

---

[1] Как многие ни удивятся, взвиваются от неё под потолок, не находя возражений, и многие ортодоксальные марксисты-материалисты, которые за 70 лет Советской власти не утрудились переосмыслить библейские сообщения о древней истории той цивилизации, в которой возник марксизм. Это указует на внелексическое единство смысла Библии и Марксизма и единство несущих их иерархий.

[2] Наиболее известные и многочисленные прозелиты — древние хазары, ставшие ведущей группой современного нам еврейства.

скрытных формах. То есть это объединение на основе признания равного человечного достоинства[1] всех, *КТО ЭТОМУ НЕ ПРОТИВИТСЯ.*

- Но и миссия от знахарства также предполагает объединение человечества, однако предопределяет расово-”элитарную” систему глобального рабовладения во внутрисоциальной иерархии подавления свободы воли; рабовладения — бархатного по отношению к лояльным невольникам, и беспощадного, как по отношению к ленивым невольникам, так и по отношению к непокорным ей свободновольным людям.

Как бы и когда ни умер Моисей, но Божьим промыслом пророк не мог уйти из жизни (или быть отстраненным от власти), ни при каких обстоятельствах, ранее того, как через него его спутникам и подопечным был передан достаточный объем информации для успешного осуществления предложенной Богом людям их праведной миссии в мировой истории. Бог не насилует даже Истиной вопреки данной Им же свободной воле. И, получив Откровение через Моисея в первый год пребывания в пустыне под его руководством, древние евреи имели возможность выбора своей миссии в истории, дабы непреклонно следовать единственной из них вне зависимости от того, остался с ними Моисей или он ушел из жизни. В ходе бунта, описанного в главе 14 книги Числа, они сами отказались от предложенного им, тем самым приняв на себя по умолчанию иную миссию, не провозглашенную открыто и противную первой. И только по причине предоставления людям Свыше свободной воли была возможна и реально свершилась подмена Истинной миссии — ложной миссией, выдуманной египетским знахарством.

Важную роль в событиях синайского “турпохода” играет манна. Кто желает, может не верить в её историческую реальность, и полагать сообщения о ней выдумкой. Но пусть и он тоже представит, как изрядной численности социальную группу лишают возможности свободного, т.е. бесконтрольного и бесцензурного общения с иными культурами; создают условия, в которых она не имеет необходимости заниматься производством материальных благ для обеспечения своего существования; на этом фоне изоляции и обеспечения всем готовым — целеустремленные наставники, которые контролируют жизнь этой группы, осуществляют пропаганду вполне определенных идей; эти условия поддерживаются неизменными в течение времени, за которое вымирает первое поколение, помнящее по своему личному опыту начало этого эксперимента и предшествующую ему жизнь в труде; а у второго поколения, которое трудового опыта уже не

[1] Оно вовсе не выражается в профессии и квалификационном уровне: как известно робот прекрасно может справляться с исполнением профессиональных обязанностей, но не обладает человечным достоинством.

имеет, но еще отчасти помнит рассказы первого поколения о прошлой трудовой жизни, успевают вырасти взрослые дети; это уже третье поколение, которое выросло в искусственной культуре кочевого концентрационного лагеря, и его представители не знают ничего, кроме того, чему научили их наставники, чью пропаганду они только и слышали с самого рождения.

Это всё по своей социальной сути полностью соответствует синайскому “турпоходу” в том виде, как он описан в Библии. Если манну небесную от Бога сменила манна земная из житниц египетских храмов, доставляемая в зону “турпохода”[1] по заранее согласованному маршруту и распределяе-

---

[1] Происхождение легенды о манне небесной на основе естественных природных явлений, то есть при непричастности к ней непосредственно как Бога, так и иерархии знахарства Египта, объясняется следующим образом:

«Оказывается бог тут совсем не причем. Сказка о боге, дарующем «манну небесную», родилась на вполне реальной основе. И сегодня в Малой Азии растет лишайник леканора съедобная. Когда леканора созревает, она растрескивается и в виде небольших, очень маленьких шариков — “манных шариков” — рассыпается по земле. В голодные годы люди их собирают, толкут и из полученной таким образом муки пекут хлеб.

Ветер часто переносит зерна леканоры на далекие расстояния. Но главным переносчиком “манны” служат потоки дождевой воды — они смывают её с больших площадей и сносят в низины и овраги, где она оседает. Поэтому “манна” особенно обильно “выпадает” в дождливые месяцы. В тех же местах известен другой вид “манны небесной”, по вкусу напоминающей мед. Этот питательный продукт дает вечнозеленое растение тамариск. Ветер разносит облако тамарисковой “манны” по земле, поднимает высоко в воздух — вот вам и пища, даруемая небесами!» — В.М.Кандыба “Чудеса и тайны всех времен. Самые удивительные загадки и феномены разных стран и эпох”, с. 96 (СПб, “Лань”, 1997).

В.М.Кандыба сам, как он пишет, принадлежит к клану древнерусских знахарей, от которых по его версии отпочковались древнеегипетские знахари. Возможно, что в силу своего происхождения и принадлежности к глобальной знахарской корпорации, рассказав эту историю, он покрыл молчанием все стороны социальной магии, связанные с манной.

К сожалению мы не видели живьем ни «леканоры съедобной», ни «тамариска», поэтому ничего не можем сказать об их урожайности и пригодности для всесезонного многолетнего питания ими целого племени. Если они пригодны, то это только упрощало знахарству Египта его опекунскую деятельность в отношении евреев: не надо гонять из Египта караваны с крупой в пустыню — все меньше огласки среди непричаст-

мая под наркозом или гипнозом; если, даже манна небесная выдумка, то за прошедшие тысячи лет многие поколения иудеев, читая Пятикнижие, осознанно и бессознательно отождествляли себя с участниками описанных в Библии событий. И так они входили в роль носителей миссии, выдуманной для них цензорами и редакторами Библии. Манна небесная и все события, в том виде, как они описаны в Библии, стали объективной исторической реальностью для психического мира большинства из них, вне зависимости от того, как протекали события — первооснова текстов — в вещественной реальности прошлого.

То же относится и ко многим поколениям христианского большинства, окружающего еврейскую диаспору в Библейской цивилизации: они, осознанно и бессознательно внимая Библии, входили в социальные роли, соответствующие придуманной для христианского большинства миссии. Естественно, что придумщики миссии для христианского большинства — те же самые хозяева общебиблейского канона и культуры в Западной региональной цивилизации и они позаботились о том, чтобы каждая из миссий взаимно дополняла другую в осуществлении глобальных целей знахарей полноты концепции, а не её разрозненных и изолированных фрагментов.

Исторически реально же на место хозяев общебиблейского канона есть единственный претендент — клановая система иерархии жречества Амона древнего Египта, выродившаяся в своекорыстное знахарство и укрывшаяся в колене Левия, выделенном в качестве священнической “элиты” среди остальных колен Израиля. А реальные и вымышленные факты, относимые в Библии к деятельности Иосифа Иаковлевича, Моисея и Христа распределены знахарями от Амона по сконструированному ими религиозному и историческому общебиблейскому мифу, на основе которого на протяжении двух последних тысячелетий (совместно с талмудическим дополнением к Ветхому Завету для иудеев) воспроизводится из поколения в поколение нравственность и психика людей, сообразно каждой из выдуманных миссий народов в мировой истории.

Дармовая манна в течение сорока лет и пропаганда идей расовой исключительности в условиях отсутствия от рождения необходимости трудиться для поддержания жизни, — это и есть то опьянение, о котором говорится в «сказке» А.С.Пушкина: «до пьяна гонца поят, и в суму его пус-

---

ных, а следовательно и выше скрытность глобальной стратегической операции.

Там же В.М.Кандыба сообщает: «Тысячи змей длиной до полутора метров выпали вместе с ливнем на два квартала в гор. Мемфис (США) 15 января 1877 года» (с. 94), что напоминает события, приведшие к поклонению медному змию в Синайской пустыне.

тую (см. Числа, 14:23) суют грамоту другую.» Тем не менее сказанному неотъемлемо сопутствует вопрос: Но ведь манна была и в первый год, до этого эпизода, когда, как здесь утверждается, всё шло под водительством Божьим, осуществлявшемся через Моисея? В чём разница воздействия манны **ДО** и **ПОСЛЕ** рассматриваемого эпизода в книге Числа?

Однако разница действительно имеет место. И это каждый, при желании и определенной подготовке, может проверить на личном опыте. Повседневная житейская суета, работа утомляет подавляющее большинство людей. Мысли их полны житейских проблем, на фоне которых подавляющее большинство просто психологически не в состоянии освоить новое знание, переосмыслить прошлое и свои задумки и надежды в отношении будущего. Если гнет житейской суеты с человека снять, то тем самым ему предоставляется свободное время, в течение которого он может (если действительно того хочет) освоить новое знание, переосмыслить на его основе свои прежние представления о жизни вообще и свое *личное прошлое,* в частности; пересмотреть свои задумки и пожелания в отношении будущего.

Выход в пустыню и Дар Небесный — манна — и были такого рода снятием груза житейских проблем с психики целого племени. Год и один месяц (Числа, 1:1) — срок вполне достаточный, чтобы воспринять основы нового знания о Мироздании и роли человека в нём, о предназначении каждого человека в жизни всего человечества, и чтобы переосмыслить свои собственные прошлое и намерения на будущее. Без бремени житейской суеты за срок около года вполне можно целенаправленно свершить свое нравственное и этическое преображение. Бог не возлагает на людей невозможного, и определенно по истечении этого срока евреям был предложен Исход из пустыни для осуществления миссии распространения Торы, но они сами пошли на поводу у подстрекателей и отказались от предложенного им Свыше.

И только после этого их отказа жизнь в пустыне превратилась для них в кочевой концлагерь:

- полная изоляция от общения с другими культурами;
- одуряющее воздействие безделья;
- одуряющее воздействие пропаганды от рождения идей расовой исключительности и вседозволенности по отношению к другим народам.

И по завершении психообработки в кочевом концлагере, на выходе из него, — племя-биоробот — инструмент агрессии, с запрограммированной нравственностью и пониманием добра и зла, отличающими его во всех своих классовых группах от остального человечества.

Еще недавно осознать все это казалось для еврея невозможным: признать тысячелетнюю зависимость от древнеегипетского жречества; увидеть себя орудием его глобальной экспансии? — нет, это невозможно для рас-

судка, порабощенного столь изощренными, как было показано выше, методами. Однако, в условиях смены логики социального поведения оказывается не все так безнадежно:

Озарена последняя дорога
Внезапной неразгаданной весной.
И бог Амон, кочующий с Востока,
На Западе прощается со мной.

И вижу я, что этот день последний.
Последний день. Совсем последний день.
Жрец надевает кожаный передник
И в царство снов мою уносит тень.

Да, я умру, узнав себя впервые,
Не выдержав прощального луча.
Промчатся колесницы боевые
Колесами палящими стуча.

Амон с Атоном встретятся в зените,
И будет надпись о великом зле:
“Когда-нибудь и вы в любви сгорите,
Любовь свою не встретив на земле”.

Это признание все того же В.Шали в “Девятом монологе неизвестного юноши из Фив”. Оно как бы подводит итог первому этапу самоликвидации племени биороботов, о котором еще раньше не менее откровенно, чем В.Шали поведал нам другой, более известный еврей Владимир Леви (возможно, сам левит), автор таких популярных в свое время книг по вопросам психологии и аутотренинга, как “Искусство быть собой”, “Разговор в письмах”, “Нестандартный ребенок”, “Везет же людям...”:

Sapiens[1]

Я есмь
не знающий последствий
слепорожденный инструмент,
машина безымянных бедствий,
фантом бессовестных легенд.
Поступок — бешеная птица,
Слова — отравленная снедь[2]*.*
Нельзя, нельзя остановиться,
а пробудиться — это смерть.

Я есмь
сознание. Как только
уразумею, что творю,
взлечу в хохочущих осколках
и в адском пламени сгорю.

Я есмь
огонь вселенской муки,
пожар последнего стыда.
Мои обугленные руки
построят ваши города.

Но разве не об этом же в “Медном Всаднике”?

И, полон сумрачной заботы,
Все ходит, ходит он кругом,
Толкует громко сам с собою —
И вдруг, ударя в лоб рукою,
Захохотал.

Евгений сходит с ума. Это событие знаменует завершение неосознаваемой и искусственно навязанной еврйству миссии по поддержанию устойчивости толпо-”элитарной” пирамиды. Но в то же время оно означает и начало первого этапа самоликвидации самой древней мафии. Так что Владимиры Шали и Леви — все тот же Евгений из “Медного Всадника”, но уже конца XX века.

---

[1] По латыни — разумный.

[2] Один из талмудических трактатов называется “Шулхан арух”, что означает “Накрытый стол”.

Глава 3. Багряницей уже прикрыто было зло

Много было интерпретаторов текста поэмы, пытавшихся отождествить Евгения то с декабристами, а то и с самим Пушкиным. Но ведь все они прекрасно знали, что не случайно во время работы над “Медным Всадником”, т.е. в ноябре 1833 г., словно предвидя подобные попытки, поэт писал:

Не дай мне бог сойти с ума,
Нет, легче посох и сума.

Для человека, лишенного рассудка, реальный мир представляется в искаженном свете и сон разума сам порождает чудовищ. Пушкин этот момент обыграл очень тонко. Еще раз напомним, что Евгений “сонны очи наконец закрыл” перед рассветом, когда “редела мгла ненастной ночи”. В ноябре в Петербурге ночи длинные, а “бледный день уж настает” довольно поздно и, по нашему мнению, первая встреча с “Медным Всадником”, видение потопа, поиски ворот, дома и само умопомешательство — все это происходит с Евгением в грезах во сне, хотя прямо об этом не сказано: просто в первой части нет упоминания о пробуждении. Кто-то может возразить, что подобное умолчание можно с таким же успехом понимать как не оглашенную информацию о пробуждении.

В связи с этим мы хотели бы здесь пояснить, что одной из сторон информационной полноты в объективной реальности является принцип дополнительности информации. На принципе дополнительности информации построена вся дискретная логика, но она — лишь частичное его выражение.

Сопутствие информации по умолчанию — объективно предопределено, просто в силу ограниченности человека, не способного осознать всю полноту информации во Вселенной. Также и в обществе всякому вполне определенному, но ограниченному мнению (но не знанию по объективной истине), содержащему только часть информации, относящейся к рассматриваемому вопросу, сопутствуют умолчания. Сопутствующая по умолчанию информация может быть некоторое время неизвестна людям, но тем не менее она объективно присутствует в процессах информационного обмена и также объективно вызывает последствия, обусловленные её содержанием и мерой соответствия объективной истине. Но в Мироздании нет

ничего тайного, что со временем не становилось бы явно известным. Когда же тайна раскрывается, то сопутствующая по умолчанию информация либо подтверждает ранее известную и оглашавшуюся, освещая новые грани многогранной истины и детализируя видение некоего объективного явления, либо отрицает ранее явно оглашавшееся полностью или частично. Но после этого человеку должно определиться: что есть истина, а что привнесенная в культуру ложь, умертвляющая жизнь — явно провозглашавшаяся или сопутствовавшая ей по умолчанию, ибо “человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих” (Послание Иакова, 1:8).

Кроме того, принцип дополнительности информации связан с принципом нравственной обусловленности результатов и способов их достижения. Это можно пояснить на примере известного афоризма: “Никогда не делай того, что за тебя могут сделать другие”. В соответствии с принципом дополнительности информации и личной нравственной обусловленности один поймет его в смысле: “Пусть работают за меня другие”, а другой — в смысле: “Делай для людей то доброе, чего не смогут сделать другие”. В связи с раскрытием содержательной стороны этого афоризма, в контексте рассматриваемой поэмы следует затронуть еще одно очень древнее и не до конца понятое даже в наше время социальное явление, получившее в начале XX века название “троцкизма”.

Характерной чертой троцкизма в коммунистическом движении в начале XX века была его абсолютная глухота к содержанию высказываемой в его адрес критики в сочетании с приверженностью принципу подавления в жизни деклараций, провозглашенных троцкистами, системой умолчаний, на основе которых они и сегодня реально действуют, объединившись в коллективном бессознательном. В этой политике при господстве троцкистов во власти под надуманными лживыми предлогами уничтожались и те, кто некогда рассматривал ошибки троцкистов в качестве их искренних заблуждений и прямо говорил о них в обществе: это ярко выразилось в работе НКВД-ОГПУ с 1918 по 1930 г., когда эти органы безраздельно контролировались троцкистами и были заполнены их ставленниками.

То есть троцкизму в его искреннем личном *проявлении благонамеренности* свойственен конфликт между индивидуальным сознанием и коллективным бессознательным, порождаемым всеми троцкистами в их совокупности. Это — особенность психики тех, кого угораздило стать троцкистом, а не особенность конкретной идеологии. Троцкистскому типу психики могут сопутствовать самые различные идеологии, даже взаимоисключающие. Так митрополит Иоанн явно был психологически троцкистом, в то же время заявляя о своей приверженности православию, и порицая Троцкого. А «архитектор перестройки» член Политбюро А.Н.Яковлев, психологически будучи троцкистом, успел выразиться во множестве вероучений: ортодоксальный марксизм-ленинизм — до его отбытия в Канаду в качестве посла;

в идеологии общечеловеческих ценностей и социализма с «человеческим лицом» — в период перестройки; а ныне добрался до попытки выразиться через буддизм — в книге *“Постижение”* (Москва, “Захаров”, “Вагриус”, 1998 г.).

Именно по этой причине — чисто психического характера — отношения с троцкизмом и троцкистами на уровне интеллектуальной дискуссии, аргументов и контраргументов — бесплодны и опасны[1] для тех, кто рассматривает троцкизм в качестве одной из идеологий[2] и не видит его реальной подидеологической подоплеки, не зависящей от облекающей её идеологии.

Интеллект, к которому обращаются в дискуссии в стремлении вразумить собеседника, выявить вместе с ним истину, на основе которой можно было бы преодолеть проблемы во взаимоотношениях — только одна из компонент психики в целом. И психика в целом — в случае её троцкистского типа — не допускает интеллектуальной обработки индивидом информации, которая способна изменить ту доктрину, которую в данный момент отрабатывает та из многих идеологически оформленных ветвей троцкизма, к которой принадлежит индивид — психический троцкист.

Эта психическая особенность, свойственная многим людям, — исторически более древнее явление, чем исторически реальный троцкизм в коммунистическом движении XX века. Для него не нашлось в прошлом иного слова, кроме ***одержимость***. А с переходом в эпоху господства материалистического мировоззрения для этого явления вообще не стало в языке слов, отвечающих содержанию этого психического явления, которое сызнова было названо по псевдониму одного из его наиболее ярких представителей одержимых в коммунистическом движении XX века. Ныне же, когда материализм в своем развитии породил кибернетику, информатику, вычислительные машины и информационные технологии, троцкист в терминах этих наук — автономный или дистанционно управляемый робот с ограниченной программой идентификации обстановки и реагирования на её изменения, физиологически во многом идентичный нормальному человеку.

---

[1] Как это показал опыт российской интеллигенции, искренне пытавшейся дискутировать с троцкистской властью в государстве, жертв НКВД 1920-х гг.; а также и опыт многих жертв перестройки в СССР и демократизации в странах — его обломках.

[2] Именно в этом отношении к троцкизму как к извращению идеологии научного коммунизма и в отождествлении марксизма-ленинизма с наукой и состоит действительная ошибка большевизма в СССР в 1917 — 1953 гг.

Но такого рода особенности “троцкизма” в исторически широком смысле слова приводят к тому, что отношения людей и “троцкизма” лежат вне области конструктивных дискуссий, коллективного «мозгового штурма» каких-то проблем и прочей определённо целесообразной человеческой деятельности. При этом отношения с троцкизмом и троцкистами выпадают из области этики и нравственности человеческих отношений и, если в этом случае они не укладываются в возможности психиатрии и душевного целительства, развитые в обществе, то они переходят в область практической социальной гигиены всегда, когда общество устает от “троцкизма” и начинает защищать от него свою жизнь в настоящем и в будущем. “Троцкизм” в этом случае начинает имитировать борьбу с самим собой и сталкивает в мясорубку множество людей, чтобы в последующем эти жертвы поставить в вину своим противникам: так было в реальной истории инквизиции в католическом мире; так было в СССР в период борьбы большевизма с троцкистским марксизмом[1].

В России дело идет к очередному искоренению “троцкизма”, при котором многим “троцкистам” не поздоровится, будь они в обличье “коммунистов”, “патриотов”, “православных”, “мусульман”, “демократов”, “космополитов” и представителей прочих вероучений и идеологий... Но, к сожалению, большинство из них так и не успевает в таких случаях понять, «за что?...».

Возвращаясь в связи с этим к пониманию принципа нравственной обусловленности, можно предположить, что Пушкин закрывал (скорее всего бессознательно) умолчаниями те грани истины, которые воспринималась им во внелексических образах. Но главным принципом для него при этом было: сохранение целостности повествования и в иносказательном описании процессов и явлений общественной жизни. Возникавшая при таких условиях информация по умолчанию, была им нравственно обусловлена.

Раскрытие умолчаний также может идти только в соответствии с нравственной обусловленностью тех, кто пытается понять второй смысловой ряд повествования. При их оглашении важно не опускать нравственный мир поэта до своего, как это обычно делали и делают некоторые “пушкинисты” (Абрам Терц в “Прогулках с Пушкиным”, Ю.Мамин в

---

[1] Как явствует из особенностей политэкономии марксизма, категории которой метрологически несостоятельны и потому не могут быть введены в практическую бухгалтерию, марксизм — изначально был троцкизмом, хотя Л.Д.Бронштейн, ставший «Троцким» приобщился к нему, когда марксистское учение уже обрело свою завершенность во всей его полноте.

фильме “Бакенбарды”), а подниматься и в мере понимания общего хода вещей, и в нравственных оценках его до Пушкина.

В случае с “Медным Всадником” мы уже не раз обращали внимание на самые мелкие и казалось бы незначительные детали в этой самой загадочной поэме. И отсутствие упоминания о пробуждении Евгения в первой её части — одна из них, но настолько важная, что без правильного её понимания невозможно осмыслить поэму в целом. Верность нашей догадки подтверждается тем фактом, что в схожей ситуации во второй части, словно желая помочь в расшифровке именно этого умолчания, автор прямо скажет:

Бедняк проснулся.

Но это уже будет речь о другой революции, вернее контрреволюции августа 1991 г.

Пока же:

Ночная мгла
На город трепетный сошла;
Но долго жители не спали
И меж собою толковали
О дне минувшем.

Этими словами завершается описание первого этапа революционных потрясений России. Фиксируя внимание читателя на том, что “жители не спали” даже после того, как “ночная мгла на город трепетный сошла” поэт, с одной стороны, (по умолчанию) отделяет их от Евгения, сон разума которого готов порождать чудовищ будущего безумия, выражающегося в неспособности еврейства даже с захватом власти после революции адекватно воспринимать окружающую их социальную действительность, а с другой, благодаря словам:

И меж собою толковали
О дне минувшем.

— вселяет надежду на способность народа осмыслить прошлое и извлечь из него уроки на будущее.

Утра луч
Из-за усталых бледных туч
Блеснул над тихою столицей,
И не нашел уже следов

Беды вчерашней; багряницей
Уже прикрыто было зло.
В порядок прежний все вошло.

Революция 1917 г. действительно проходила под багряно-красными знаменами и многое зло прикрывалось лозунгами, поданными на кумаче. После революции внешне все пришло в прежний порядок: вместо царя — генеральный секретарь; вместо Святейшего Синода с его бездумной служанкой Феклой (доброй старухой, давно лишенной чутья и слуха) — не менее святейший ЦК КПСС с его не менее слепой, глухой и бездумной МаВрушей (ученье Маркса всесильно, потому что оно верно); вместо Сената — Верховный Совет и т. д. Но все это были лишь внешние атрибуты стройной ограды прежнего толпо-"элитаризма".

Однако Революция Октября 1917 г. отличалась от всех предыдущих не столько внешними атрибутами, сколько содержательно иными глубинными процессами, которые не были поняты ни активизирующим их бездумным еврейством, ни даже хозяевами самой древней мафии. Содержательную сторону этих процессов можно понять только через мировоззрение простого народа, которое в России никогда не было атеистическим. И здесь следует особо обратить внимание на тот хорошо известный факт, о котором не принято распространяться ни в нашей, ни в западной прессе: живой разговорный Русский язык ушел за тысячу лет от языка служб внедренной извне библейской церкви. Такого размежевания языка жизни и языка культа не произошло на Западе, где со времен Лютера Библия была доступна всем на их родных живых языках.

Российская интеллигенция, в каких бы классовых формах со времен Петра I она не представала, никогда не оправдывала своего латиноязычного наименования, т.е. она никогда не понимала ни того, что с нею и вокруг нее происходит, ни того, что она творит. Из самых лучших побуждений к 1876 г. Библия в России была переведена на живой разговорный язык, чтобы, как и на Западе, эта книга стала доступна мирянам, не прошедшим специальной языковой подготовки семинарий и духовных академий.

Были и противники ее перевода и издания. Опасения "обладателей писания"[1] не были лишены основания: результат перевода Библии с мертвого языка церкви на живой язык народа получился вовсе не такой, как на Западе. Уже в начале XX века, т.е. во втором поколении с момента издания Библии на живом разговорном языке, в России появились люди, усом-

[1] Так в Коране названы идеалистические атеисты, верные злоумышленно из своекорыстия искаженным записям откровений: "О! обладатели писания! Вы не на чем не держитесь пока не поставите прямо Тору и Евангелие."

нившиеся в Божественном происхождении Библии и прямо указывавшие на агрессивность её доктрины по отношению к народам и каждому человеку в отдельности.

Глобальная библейская концептуальная власть действует по схеме “предиктор-корректор” (по-русски — предуказатель-поправщик). Поскольку в России назревало открытое отрицание библейского идеалистического атеизма[1], ему на смену “естественным образом” (по схеме маятника: материализм — идеализм; идеализм — материализм) должен был прийти материалистический атеизм. И его привели в форме марксизма.

Был ли Маркс бездумным исполнителем долговременной стратегии поддержания устойчивости управления технократической цивилизации по библейской концепции, или, будучи сам сатанистом, осознанно выполнял социальный заказ “обладателей писания”, — для общего хода вещей зна-

---

[1] В конце XX века в России забыли об отношении простого люда к попам и церкви. И тем не менее церкви крушил простой мужик и не только потому, что этого хотели евреи. Слишком много претензий накопилось в народе к этому сословию. Один только анекдот хорошо объясняет причины недовольства мужика иерархией служителей культа, ибо в отличие от Карла Каутского мужик не мог четко сформулировать, что разделяет его со сборщиком десятины:

“В одной деревне жил рыжий и жадный поп. И был он к тому же большой сладострастник. Раз бедный и Богобоязненный мужик по имени Федор признался попу на исповеди в том, что украл у него корову. Поп обрадовался, что нашлась пропажа и говорит мужику:

— Верни, Федор, корову тогда Бог простит.

— Не могу, батюшка, съели мы корову, оголодали очень.

Попу хотелось притянуть мужика к суду, но он знал, что тайну исповеди на суде в качестве доказательства вины подсудимого использовать нельзя и потому пошел на хитрость.

— Федор, Бог простит твой грех, если ты признание сделаешь на миру.

Мужик согласился. Собрался деревенский сход. Поп прочитал очередную проповедь, а в конце неожиданно заявил.

— А сейчас, миряне, всё, что скажет наш Федор — все истина.

Федор снял шапку и поклонившись в пояс собравшимся сказал.

— Правда истинная: все рыжие дети в деревне от нашего попа.”

чения не имеет, но в любом случае интеллектуальная деятельность Маркса не может быть признана проявлением “ума человеческого”.

Так марксизм, закрепивший материалистический атеизм на социальном уровне, оказался наиболее приемлемой формой отрицания массовым сознанием идеалистического атеизма в России. Но атеизм, как неосознанное Богоборчество, в обществе с уровнем образования, достигнутым в СССР уже к середине XX века, не мог долго существовать и в форме материалистической.

Попытка нового режима после августа 1991 года вернуть общество в лоно идеалистического атеизма (в рамках любой конфессии) после того, как оно отвергло атеизм материалистический — бесперспективна, поскольку в обществе уже осмыслили и Библию, и марксизм в качестве двух ликов одной и той же расовой рабовладельческой глобальной доктрины.

Соответственно, “холодная война”, “гонка вооружений” между СССР и США — зримые проявления искусственно поддерживаемого противостояния различных форм библейского атеизма: идеалистический “борется” с материалистическим, подобно известному эстрадному номеру “борьба нанайских мальчиков”[1].

Вот уж действительно “милые бранятся — только тешатся”! Это означает, что проблем с марксизмом, точно также как и проблем с христианством, у “обладателей писания” ни в России, ни в СССР никогда не было: сами давали, сами и забрали, когда видели, что предложенные ими формы понимания и бытия истины жизни для большинства становятся неприемлемы. Внешне же все это преподносилось, как борьба с вульгарным материализмом и поповским идеализмом.

Реальная проблема экспансии библейского расового паразитизма (на этот раз в форме марксизма) состояла в том, что она пришла в Россию на этот раз в двух разновидностях:

— троцкизма, как формы активизации западного материалистического атеизма и сатанизма, обрезающего жизнь под шаблон догматов “освященных” знахарями писаний;

— и большевизма (ленинизма, сталинизма), как бессознательной попытки самовыражения язычества и здравого смысла через содержательно чуждый ему материалистический атеизм марксистских писаний.

Разрешение исторически неизбежного конфликта между троцкизмом и большевизмом в России новым явлением — сталинизмом было предо-

[1] По завершении “борьбы” выясняется, что две детские шубы их воротами надеты на пояс одного человека (одна вверх ногами). Взрослый же человек изображал борьбу детей, переминаясь на четвереньках и будучи закрыт обеими шубами, изображавшими сцепившихся борцов.

пределено особым временным периодом, в рамках которого шло завершение этого острейшего социального противостояния: сменой отношений эталонных частот биологического и социального времени, положившей начало разрушению толпо-”элитарной” структуры общества и формированию новой логики социального поведения.

В поэме этот процесс дается через новый порядок перечисления социально значимых слоев общества.

Уже по улицам свободным
С своим бесчувствием холодным
Ходил народ. Чиновный люд,
Покинув свой ночной приют,
На службу шел. Торгаш отважный
Не унывая открывал
Невой ограбленный подвал,
Сбираясь свой убыток важный
На ближнем выместить.

Другими словами, толпо-”элитарная” пирамида опрокинулась. Наверху уже не жрецы и знахари, а народ “с своим бесчувствием холодным”. Но именно этим он содержательно отличается от толпы (наиболее точное определение ей дано В.Г.Белинским: толпа — собрание людей, живущих по преданию и рассуждающих по авторитету). Поведение толпы чаще всего обусловлено инстинктами и чувствами, которым разум и интуиция служат, вместо того чтобы их контролировать. Ниже — чиновный люд, т.е. управленцы; банкира-ростовщика не видно, но словно специально выделен — “торгаш отважный”, способный выместить убыток важный на ближнем и дальнем.

Так или иначе это можно сделать только при наличии дефицита товаров, на которые в обществе всегда существует повышенный спрос. Повышенный спрос — следствие искусственно созданной на рынке ситуации, когда средств платежа больше, чем товаров. Такое положение вещей при плановом управлении экономикой может сложиться в обществе лишь при бездумном участии всех его членов в ростовщичестве через ссудный процент по вкладам в сберегательных кассах.

Когда отложенный спрос, не обеспеченный товарами, начинает значительно превышать сумму товарно-денежного оборота страны, “перевозчик беззаботный” с помощью “торгаша отважного” легко переводит систему управления государством с “левого берега” на “правый” с тем, чтобы “в порядок прежний все вошло”. При этом обыденное сознание, не различая содержательной стороны понятия — собственность на средства производства — замечает только смену её форм.

Так в “застойные времена” не без помощи “торгаша отважного” была подготовлена социальная база разрушения Советского Союза с использованием ростовщической кредитно-финансовой системы (обобщенное оружие и средство управления четвертого приоритета).

В предполагаемом Пушкиным новом мировом порядке место Глобальному Знахарству (перевозчику беззаботному) — строго в соответствии с евангельским предсказанием: “Те, которые были первыми, пусть станут последними”. В тексте об этом не прямо, а опосредованно — отдельно выделенной, и для обыденного восприятия, кажется, никак не связанной с предыдущим смыслом, фразой:

С дворов
Свозили лодки.

Слово “двор” в русском языке имеет двойной смысл: как совокупность хозяйственных пристроек к дому и как общепринятый термин, применяемый по отношению к системе монархического правления.

В начале XX века после Октябрьской революции пала не только монархия России, но также монархии Пруссии и Австро-Венгрии. Так что “лодки” (если понимать под этим словом на уровне второго смыслового ряда — государственный аппарат монархии, как структуру управления) действительно свозили со многих Европейских “дворов”. Происходило же это по причине концептуального безвластья любой монархии, в том числе и русской. В России же, утрата контрольных позиций в иерархии православной церкви из-за преобладания в ней евреев-выкрестов, вкупе с тотальным еврейским засильем в формирующихся средствах массовой информации (газеты, журналы, издательское дело), по существу выдавили монархию бесструктурно сначала из идеологической, а затем и из законодательной власти.

Поэтому Пушкин не случайно, казалось бы к одному и тому же средству передвижения по воде (образ информационных потоков, циркулирующих в обществе), в одних местах употребляет слово-код “челн”, в других — “лодка”, а в “Заключении” даже — “барка”. По словарю В.И.Даля: “Челн, челнок — лодочка однодеревка, долбушка. И отсюда поговорка: «Челном моря не переехать». Лодка — гребное судно вообще, небольшое судно для речного и прибрежного плавания. Барка — большое грузовое судно; либо сплавное, либо способное идти под парусом.”

Слова “челн” и “лодка” встречаются в тексте по три раза, а “барка” — один, когда речь идет о перевозке “Ветхого домика”. И хотя в общеупотребительном смысле это слова-синонимы (первый смысловой ряд), однако на уровне второго, и тем более третьего смыслового ряда они указуют на раз-

ные явления. Образы этих явлений раскрываются в поэме через разные словосочетания "челна" и "лодки".

Слово "челн" мы всегда встречаем в сочетании с "волнами".

Первый раз во "Вступлении":

На берегу пустынных ***волн***
Стоял Он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред Ним широко
Река неслася; бедный ***челн***
По ней стремился одиноко.

Многие правители считают народные массы "пустым" — чистым листом бумаги, присваивая тем самым себе по умолчанию функции иерархически высшего объемлющего управления — Бога.

Второй раз — в "Первой части" поэмы:

Осада! приступ! злые ***волны,***
Как воры лезут в окна. ***Челны***
С разбега стекла бьют кормой.

И третий раз — во "Второй части":

И долго с бурными ***волнами***
Боролся опытный гребец,
И скрыться вглубь меж ***их рядами***
Всечасно с дерзкими пловцами
Готов был ***челн*** *— и наконец*
Достиг он берега.

И дело не только в том, что эти слова "челн" и "волн" хорошо рифмуются; они каким-то таинственным образом связаны меж собой.

В первой части было показан второй смысловой ряд, встающий за словом "волны".

Прояснились
В нем страшно мысли. Он узнал
И место, где потоп играл,
Где волны хищные толпились,
Бунтуя злобно вкруг него.

Но в этом контексте "челн" (не как плавсредство, а как "палец", указующий на определенное явление общественной жизни) оказывается предпочитает иметь дело только с "волной" = толпой. Если говорить о еврейст-

ве, как мафиозной общности, то оно тоже предпочитает поддерживать толпо-"элитарные" отношения в любом обществе, ибо народ, отрицающий авторитет вождя или сколь угодно изолганного предания, не поддается обработке методом "культурного сотрудничества".

Во "Вступлении" мы видим, что "река неслася", то есть в переносном смысле обычные национальные толпы (волны) несутся рекой времени без понимания ими целей глобального исторического процесса. Однако, "бедный челн по ней стремился одиноко". Эпитет "бедный" употребляется семь раз, причем применительно к Евгению, а следовательно и к еврейству — пять. Обособленность и одиночество, трактуемые как богоизбранность, а также стремление выставить напоказ мнимую гонимость и бедность — отличительные черты еврейской общности, выделяющие её среди других народов. Другими словами, еврейская толпа, в отличие от толп национальных, в глобальном историческом процессе действительно стремится к вполне определенным, хотя и неосознаваемым ими, целям, но достигает их в основном не структурным, а бесструктурным, т.е. в большей части мафиозным способом. И в этом проявляется содержательная сторона иносказания второго смыслового ряда слова "челн".

Слово "лодка" встречается только во "Второй части".

Первый раз в сочетании со словом "находка":

Евгений смотрит: видит лодку;
Он к ней бежит как на находку;

И второй — в сочетании со словом "двор", второй смысловой ряд которого был раскрыт выше:

С дворов
Свозили лодки.

А также в "Заключении" — в сочетании со словом "чиновник":

*Или **чиновник** посетит*
*Гуляя в **лодке** в воскресенье*
Пустынный остров.

Но именно третье словосочетание "*чиновник посетит гуляя в лодке*" раскрывает содержательную сторону иносказания, стоящего за словом "лодка", отличного от иносказания слова "челн": речь идет о структурном управлении вообще и государственном аппарате, немыслимом без армии чиновников, в частности.

Другими словами, еврейство не просто перебирается с помощью Перевозчика — Глобального Надиудейского Предиктора (глобальной библей-

ской концептуальной власти)— с одного берега реки времени на другой: оно активно участвует в перемене формы правления монархической на республиканскую (буржуазную или социалистическую — по обстоятельствам) и одновременно в этот же период в качестве “дерзких пловцов” оно неосознанно вступает в активный процесс ассимиляции с различными национальными толпами, что для “опытного гребца” чревато утратой его, как собственности, в качестве дееспособной периферии. У “опытного гребца” других ресурсов нет. Гибель периферии — это и его собственная гибель вместе с “дерзкими пловцами”.

Так называемый “холокост” второй мировой войны, о котором так громко шумит в конце XX века вся западная пресса, — это плата “бедному челну” за бездумную готовность “скрыться вглубь меж рядами” других национальных “волн”. Следует признать, что данная мера, особенно в пропагандистском плане, оказалась достаточно эффективной. Дисциплина была восстановлена и мы все являемся свидетелями того, как евреи словно по команде, вдруг все стали самыми рьяными приверженцами монархии в России; они же наиболее активные сторонники её восстановления в Румынии, Албании, Болгарии, Венгрии, Сербии и ряде других европейских стран. К чему бы это? Уж не хотят ли современные перевозчики еще раз использовать этих безумцев, чтобы снова повернуть “реку времени” вспять?

Напрасный труд: “лодки с дворов свезены”, а там, где они сохранились в форме конституционных монархий, — смотрятся как декоративный анахронизм и потому третий смысловой ряд выражения «с дворов свозили лодки» предсказывает и печальное будущее еврейства, полный смысл которого откроется в “Заключении”.

Глава 4. Тайна “графа Хвостова”

После того, как “с дворов свезли лодки”, в поэме появляется единственный реальный исторический персонаж, современник Пушкина:

Граф Хвостов,
Поэт, любимый небесами,
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье невских берегов.

Много перьев и копий сломано по поводу подлинной роли этой фигуры в поэме.

“Образ Хвостова — обозначение духовной пошлости николаевского Петербурга. За духовным убожеством этого пиита стоят и Булгарин, и Уваров, и другие гонители Пушкина, представители обыденного распорядка петербургской жизни, распорядка, который погубил Парашу и Евгения, погубил декабристов и, пройдет лишь еще немногим более трех лет, погубит и Пушкина,” — это пример прямой трактовки образа Хвостова пушкинистом Ю.Боревым. “Основные эстетические категории”, Издательство “Мысль”, 1960 г.

Встречаются и попытки с претензией на глубину осмысления:

“Видимо, иронический тон посвященных Хвостову строк пушкинской поэмы является и ответом на его пошло-сентиментальные и беспомощные стихи, обращенные к Пушкину, и указание читателю на то, что “опередивший”, “обскакавший” “Медного Всадника” своими виршами о петербургском наводнении граф реально никак не осветил, не разрешил, а лишь опошлил трагедийную тему.”

Так понимал роль графа Хвостова в поэме именитый пушкинист Ю.Оксман в дополнительных комментариях к “Неизданным письмам к Пушкину”, в которых он же и признается в бессилии официальной (сплошь еврейской) пушкинистики проникнуть в тайну второго смыслового ряда рассматриваемого здесь фрагмента да и поэмы в целом:

“И все же включение Пушкиным этого иронически-пародийного пласта в трагедийную, философски насыщенную поэму остается загадкой, и функция этого четверостишия по отношению к общему замыслу поэмы остается для нас пока закрытой.”

Практически с ним соглашается и упоминаемый выше Ю.Борев, поднявший загадку появления графа Хвостова в поэме до уровня проблемы раскрытия второго смыслового ряда поэмы в целом.

“Слишком стройное, грандиозное, обдуманное здание сооружал Пушкин в этой самой зрелой своей поэме, чтобы позволить себе случайную завитушку — необязательные строки, высказанные по случайному поводу. В этом пункте «самая загадочная поэма» Пушкина остается особенно плотно занавешенной”.

В действительности же вся проблема “пушкинистов” — в неспособности понять “общий замысел поэмы”. Хвост — наиболее приметное внешнее отличие представителей животных различных видов от представителей вида “человек разумный”. Скорее всего введением в сюжет поэмы данного

персонажа поэт хотел обратить внимание будущего читателя на доминирование в современном ему высшем обществе людей с животным типом психики.

Доказательством достоверности нашего предположения могут служить стихи Пушкина 1825 года о петербургском наводнении 7 ноября 1824 года (это наводнение было побудительным мотивом к написанию “Медного Всадника”), которые предшествовали написанию им насмешливой “***Оды его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову”.***

Напрасно ахнула Европа,
Не унывайте, не беда!
От петербургского потопа
Спаслась «Полярная Звезда».
Бестужев, твой ковчег на бреге!
Парнаса блещут высоты;
И в благодетельном ковчеге
Спаслись и ***люди и скоты****.*

Существуют данные о том, что тогда от наводнения погиб тираж очередной книжки альманаха «Полярная звезда», издававшегося в 1823 — 1825 годах будущими декабристами А.А.Бестужевым и К.Ф.Рылеевым. Книжка была вновь отпечатана и вышла в свет в марте 1825 года. Хорошо видно, что в обращении к Бестужеву поэт пародийно использовал библейский рассказ о всемирном потопе, во время которого уцелел единственный праведник на земле Ной, по указанию Свыше соорудивший корабль-ковчег, на который поместил свою семью и по семи пар чистых и нечистых животных.

В альманахе писателей-декабристов наряду с известными деятелями русской культуры, принимали участие и эпигоны изящной западной словесности, к которым у Пушкина было резко отрицательное отношение. Отсюда и заключительная фраза: “Спаслись и люди, и скоты”.

Так поэт впервые, хотя и в шутливо-иносказательной форме, затронул вопрос различения животного и человечного строя психики в толпо-”элитарном” обществе.

Насмешка же над самим Хвостовым связана была с тем, что тот выступил с одой “На смерть Байрона”. Лорд Байрон при жизни был большой почитатель Древней Греции, причем романтизм английского поэта безуспешно пытался в современной ему Греции возродить идеалы древних жителей Эллады.

Певец бессмертный и маститый
Тебя Эллада днесь зовет

На место тени знаменитой,
Пред коей Цербер днесь ревет.

Это насмешливое обращение Пушкина к графу Хвостову, которого он с неподдельной иронией уподобляет Байрону и рекомендует ему взамен романтических словоизлияний по поводу "Свободолюбивой Греции" (в то время шла спровоцированная и не поддержанная реальными шагами западными политиками борьба греков с османским владычеством) отправиться туда самому.

Как здесь, ты будешь там сенатор,
Как здесь, почтенный литератор,
Но новый лавр тебя ждет там,
Где от крови земля промокла:
Перикла лавр, лавр Фемистокла;
Лети туда, Хвостов наш! сам.

Вам с Байроном шипела злоба,
Гремела и правдива лесть.
Он лорд — граф ты! Поэты оба!
Се, мнится, явно сходство есть.

Насмешливая Пушкинская ода Хвостову, сопровождаемая торжественно-ироническими примечаниями, была одновременно пародией на отмирающий жанр риторической оды XVIII века. Современному читателю трудно представить её злободневно-литературный характер. Только что лицейский товарищ Пушкина Кюхельбекер выступил со статьей "О направлении нашей поэзии", в которой призвал вернуться к традиционному жанру риторической оды. Этим и было вызвано пародийное использование Пушкиным отдельных комически звучавших выражений, получивших потом общепринятое название "хвостизмов", над которыми так потешался поэт и его друзья и которыми пользовались не только представители одописи, но и "передовые блюстители словесности", тот же Кюхельбекер и Рылеев. Строка «Где от крови земля промокла» с последующей рифмой «Фемистокла» пародирует рылеевские строки из стихотворения «На смерть Байрона». Чтобы резче подчеркнуть безвкусное и кричащее несоответствие всей этой архаичной риторики личности и творчеству Байрона, Пушкин и приравнивает к нему Хвостова, предлагая последнему выступить в качестве достойного преемника английского романтика.

По нашему мнению, Пушкин, в силу особого строя своей психики (имеется в виду его способность к расширению сознания) воспринимал во внелексических формах образы социальных явлений глобального уровня

значимости, недоступные восприятию массового сознания, и в поэтической форме доносил их до современного ему и будущего читателя. Если этого не понимать, то “функция четверостишия (с графом Хвоствым) по отношению к общему замыслу поэмы” так и останется неразгаданной.

Попробуем описать в современной лексике то, что в поэме дано в поэтических образах. Если образно представить постоянное информационное обновление общества в пределах биосферной и социальной обусловленности как однонаправленное течение информационного потока (см. Рис.2), то, условно говоря, скорости информационного обновления у правого и левого “пределов-берегов” такого потока будут разные, их соотношение будет определять логику поведения общества, а значит и его тип психики в конкретных исторических условиях.

До тех пор, пока скорость информационного обновления у “правого берега” (эталонная частота биологического времени) превышает скорость информационного обновления у “левого берега” (эталонная частота социального времени) в обществе доминирует животный тип психики т.е. имеет место “несчастье невских берегов”, который и воспевал бездумно граф Хвостов. После изменения соотношения эталонных частот, когда “левый” и “правый” берега как бы меняются местами, в обществе постепенно, в процессе смены поколений, начинает доминировать человечный тип психики.

Причем, период времени, в процессе которого скорости течения у обеих “берегов” сравняются, а затем течение “реки времени” как бы изменяет направление на противоположное (происходит замена левого “берега” на правый), судя по образам поэмы, должен быть отмечен ужасными потрясениями, результаты воздействия которых люди со “смятенным умом”, т.е. неспособные своевременно освобождать свою психику от устаревших стереотипов и видеть общий ход вещей, выдержать не в состоянии.

Глава 5. Ни зверь, ни человек ...

Но бедный, бедный мой Евгений...
Увы! его смятенный ум
Против ужасных потрясений
Не устоял. Мятежный шум
Невы и ветров раздавался
В его ушах. Ужасных дум
Безмолвно полон, он скитался.
Его терзал какой-то сон.

“Его терзал какой-то сон” — прямое указание на отключение сознания Евгения. К сожалению, сон разума, с помощью которого древнеегипетскому знахарству удалось сформировать самую устойчивую при смене поколений мафию, длится не одно тысячелетие. “Смятенный ум” попрежнему захвачен мятежным шумом западных, несущих гибель всему живому, ветров и Пушкин не случайно называет думы, навеваемые этим ветром, “ужасными”, ибо речь идет о длительном и бездумном уничтожении планеты Земля с помощью еврейства через механизм губительного для её биосферы и человечества ростовщичества.

Прошла неделя, месяц — он
К себе домой не возвращался.

Многовековое рассеяние еврейства не “печальное выражение” антисемитизма всех народов, как пытается нам внушить мировая пресса, а наиболее эффективный способ бесструктурного управления общественной и экономической жизнью библейской цивилизации посредством интермафии, выведенной в “пустынном уголке” древнеегипетским знахарством в рамках целенаправленно организованного “синайского турпохода”. Еврейство не исполнило Божественной миссии на него возложенной и невозможность “возвращения домой” как и утрата рассудка — следствие уклонения от предопределенной Богом судьбы.

Однако, свято место — “пустынный уголок” — пусто не бывает. После того как вышел срок, предопределенный Свыше, последнее Откровение человечеству о жизнеустройстве в согласии с Богом было дано через “бедного поэта” — пророка Мухаммада.

Его пустынный уголок
Отдал внаймы, как вышел срок,
Хозяин бедному поэту.

А что же еврейство, миссия которого состояла в том, чтобы нести свет Божественной истины и Различение понимания добра и зла? (“Моисею дано было Писание и Различение” Коран, Сура 2:50)

Евгений за своим добром
Не приходил. Он скоро свету
Стал чужд.

“Стал чужд свету” — в прямом и переносном смысле, поскольку через левитов и раввинат — пастухов и кучеров еврейского стада — было совершено искажение отдельных принципиальных положений Единого

Завета, данного Богом всем пророкам, начиная от Адама, и при этом сокрыто Различение. Повидимому, это обстоятельство оказалось решающим в процессе формирования в обществе людей одержимых (с троцкистским типом психики) при попустительстве Свыше до начала периода смены логики социального поведения. Однако, напоминание "людям писания" об этом было сделано: "О люди писания! Вы ни на чем не держитесь, пока не установите прямо Торы и Евангелия и того, что низведено вам от вашего Господа". Коран, Сура 5:72(68).

Весь день бродил пешком,
А спал на пристани;

Почему на пристани? Ну ладно еще летом, хотя следует иметь в виду, что Петербург расположен не на широте Венеции или Александрии: по ночам, даже летом, на пристанях Невы коротать ночлег неуютно.

Как видно из дальнейшего текста, с момента осеннего наводнения минули зима, весна и уже "дни лета клонились к осени". Отсюда слово "пристань" только палец, указующий на образ некого явления, которое можно раскрыть лишь опираясь на текст поэмы. Но для этого нам, помня об особой структурной замкнутости ее текста, следует обратиться к "Вступлению".

Прошло сто лет, и юный град,
Полнощных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво;
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхий невод, ныне там
По оживленным берегам
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К ***богатым пристаням*** *стремятся ;*

Вот и разгадка! Исторически еврейство в большей части своей тяготело к "богатым пристаням", т.е. к портовым городам, через которые проходили торговые, финансовые и информационные потоки: Тир, Сидон, Александрия, Неаполь, Марсель, Амстердам, Нью-Йорк и, конечно, Петербург — ***окно*** Западно-библейской цивилизации в не познанную, но не менее

чем Восток и Запад самодостаточную цивилизацию, по имени Россия. Именно поэтому Евгений

... питался
В ***окошко*** *поданным куском.*

Загадка “окошка”, из которого всегда прикармливалось еврейство России, диссидентствуя и формируя “пятую колонну” для смутных времен, также, как и загадка “пристани”, раскрывается через “Вступление”:

Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить ***окно****.*
Сюда по ***новым им волнам***
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе.

Выше уже говорилось о том, что слово “волны” указует на национальные толпы, пребывающие в движении и в постоянном обновлении в стремлении стать народом. Все народы прошли свой путь развития и обновления генофонда. Потому никого сегодня не удивляет, что современные греки и итальянцы имеют мало общего с древними греками и римлянами, а древние германцы или франки совсем не похожи на современных немцев и французов. Евреи же одни сохранили неизменными свои “ветхие одежды” во многом потому, что у них родство и сегодня определяется по материнской линии. В каком-то роде в столь необычно созданной общности речь может идти об искусственно поддерживаемом матриархате.

Есть и вторая скрытая сторона этого явления. Выше уже говорилось о том, что во времена “Синайского турпохода” рабство было явлением обычным и повсеместным. Но это было рабство на уровне сознания. Евреи же, в результате социального эксперимента, проведенного над ними древними евгениками (древнеегипетским знахарством), из обычных рабов на уровне сознания превратились в рабов, не способных осознать свое рабство, т.е. в рабов на уровне подсознания. Этот вид рабства закреплялся генетически через отчуждение еврейства от производительного труда. Внегенетически, т.е. на социальном уровне, через Тору и Талмуд новая форма рабства преподносилась им как особая, не достижимая другими форма свободы.

Эту особую форму “свободы” современные хозяева “евгениев” хотят в конце XX века навязать и остальным народам России. Они открыто обсуждают в прессе те самые методы, которые, по их мнению, достаточно эффективны для “этих скотов” и спустя три тысячелетия. В качестве примера можно привести интервью мультимиллиардера Джоржа Сороса (финанси-

ста и филантропа, как любит он себя представлять) газете “Сегодня” от 15 марта 1994 года:

“После краха коммунизма универсальные идеи вышли из моды. Тем не менее шансы на то, что открытое общество в России преуспеет и состоится, невелики. Когда коммунизм на самом деле развалился, я думал, что будет возможен переход к открытому обществу за довольно короткое время. Но теперь, как очевидно, события пошли совершенно в другом направлении, и *я думаю только о библейских категориях — сорок лет в пустыне.*

Но я полагаю, что мои усилия стоят того, чтобы ими заниматься, потому что в жизни стран и народов всегда есть жизнь после смерти. И то, что происходит сейчас в значительной степени определит, как эта страна, этот народ выйдет из всех пертурбаций и кризисов, которые, безусловно, ему предстоит пережить.

Верноподанный вопрос Д.Соросу еврея Л. Бруни — корреспондента “Сегодня”(по случайному совпадению в Русском музее есть картина “Медный Змий” художника Ф.Бруни):

«Когда вы говорите о библейских категориях, вы считаете, что народ России в такой же степени отвык от свободы, как и евреи в Египте, и должно смениться поколение, чтобы что-то новое построить?»

Ответ Д. Сороса: Да.

В этом диалоге “хозяина” и раба хорошо виден все возрастающий разрыв между сознанием и подсознанием еврейства в целом. Другими словами, если все народы, не прошедшие через геноцид сорокадвухлетнего “синайского турпохода”, естественное несоответствие между образами сознания и подсознания нивелировали по мере своего развития в глобальном историческом процессе, то евреи этого делать не могли, благодаря особой приверженности иудаизму, догмы которого довлеют над ними и поныне.

В поэме же об этом всего двумя строчками:

Одежда ветхая на нем
Рвалась и тлела.

Воспринимая себя в качестве самой древней общности, приверженной чуждому всем народам богоборческому вероучению, евреи тем не менее постоянно ощущают непонятное им отчуждение окружающих, которые представляются им в виде “злых детей”, неспособных даже объяснить причин своей ненависти.

Злые дети
Бросали камни вслед ему.

Но и само еврейство, раздавленное Торой и Талмудом, еще меньше чем “злые дети” способно было самостоятельно, без понукания извне разобраться в верных направлениях на дорогах глобального исторического процесса, за что и наказывалось иногда нещадно Хозяином.

Нередко кучерские плети
Его стегали, потому
Что он не разбирал дороги
Уж никогда; казалось — он
Не примечал.

Действительно, трудовому люду всех наций не просто было даже в конце XX века, а не то что во времена Пушкина, объяснить изощренность зла ростовщичества, которое выражено в финансово-экономической программе фашиствующего еврейского “семитизма”: «Ты будешь давать в займы многим народам, а сам не будешь брать взаймы; и господствовать будешь над многими народами, а они над тобой господствовать не будут. (Второзаконие, XV.6).»

Строки же о “кучерских плетях” — напоминание еврейству о том, что “господствовать” ему надлежит так, чтобы финансовая удавка на шее народов воспринималась ими не в виде жестокого и безысходного ярма, а в качестве освященного Свыше блага. “Там где не пройдет войско, там пройдет осел, навьюченный золотом”, — говорит народная мудрость. Короче, у ослов, навьюченных золотом, есть погонщики, контролирующие не только поведение ослов, но и “праведные пути”, по которым следует им ходить не возбуждая нездорового любопытства окружающих.

“Злые дети” и “кучерские плети” по существу были для евреев своеобразными молотом и наковальней в долговременном (речь идет о тысячелетиях) процессе воздействия этих факторов на их сознание и подсознание, что неизбежно должно вызывать неосознаваемое ощущение внутренней тревоги.

Он оглушен
Был шумом внутренней тревоги.

Другими словами, еврейство постоянно находится в стрессовом состоянии.

О причинах стрессов в библейской цивилизации до и после изменения соотношения эталонных частот биологического и социального времени

следует поговорить особо. Чтобы видеть, а тем более адекватно описать в некоторых лексических формах будущее, необходимо понимать подлинное место своей эпохи в глобальном историческом процессе, а также хорошо осознавать присутствие в ней устойчивых при смене поколений тенденций.

Первая половина XIX столетия (период появление “Медного Всадника”) — начало эпохи, так называемых буржуазно-демократических революций, а основная, уже хорошо проявившаяся к этому времени тенденция, — бездумное стремление некой общности к глобальной концентрации производительных сил посредством ростовщичества в соответствии с доктриной “Второзакония-Исаии”. Пушкин, с его способностью видеть общий ход вещей, в принципе не мог пройти мимо информации, связанной с подобной тенденцией глобального уровня значимости. Для понимания проблемы на уровне обыденного сознания его отношение к ростовщичеству выражено в “Скупом рыцаре”; в завуалированном, на уровне второго смыслового ряда — в “Медном Всаднике”.

В рамках данной работы для нас важно понять, что в обоих произведениях выведены персонажи, чья практическая деятельность и связанное с нею психическое состояние, в какой-то мере касаются каждого.

Назовем информацию, *относящуюся к процессам, непосредственно или опосредованно затрагивающим жизнь каждого*, вне зависимости от желания индивида,— “царской” и попытаемся проанализировать её роль в жизнедеятельности как отдельных личностей, так и общества в целом.

Многократное обновление прикладных знаний и навыков в профессиональной деятельности и в домашнем быту на протяжении жизни одного поколения вследствие изменения соотношения эталонных частот биологического и социального времени — это только одна сторона дела, объективно проявляющаяся в статистике жизни общества. Вторая сторона дела состоит в том, что изменилась не только скорость обновления общественно необходимых прикладных знаний и навыков, но и “ширина” тематического спектра информации, с которой сталкивается в повседневности каждый из множества индивидов, в принципе обладающий свободой воли и иными возможностями свободного человека, но в силу особенностей воспитания и культуры ограничивающего себя в том или ином виде рабства, свойственном нынешней цивилизации.

Вне зависимости от того, к какой социальной группе принадлежит человек, ныне он сталкивается с информацией, непосредственно не относящейся к его профессиональной деятельности, но образующей информационный фон, на котором протекает его профессиональная деятельность и жизнь как его самого, так и его семьи.

В прошлом, в условиях сословно-кастового строя общественной жизни, к пахарям или ремесленникам, в совокупности составлявшим подавляющее большинство населения, не приходила повседневно “царская ин-

формация”; а если когда и приходила, то они не различали её в общем информационном потоке и она оставалась для них как бы невидимой; увидев же её — в силу узости кругозора — не могли понять её общественного значения; но даже поняв, малочисленные понявшие из простонародья редко могли осуществить общественно значимое управленческое действие[1] просто в силу незнатности своего происхождения, лишавшего их мнение авторитета в глазах правящей “благородной элиты”.

С другой стороны и соответственно общему для всех отношению к жизни также и государственно-правящая “элита” Запада в подавляющем большинстве случаев была свободна от необходимости вникать в рассмотрение существа и последствий принятия тех или иных решений, основанных на применении технологий, ставших традиционными, а тем более технико-технологических нововведений[2], считая это “не царским делом”, а

---

[1] Вспомните Левшу у Н.С.Лесковка: «Скажите государю! В Англии ружья кирпичом не чистют! Надо, чтобы и у нас не чистили, а то, как война случится, то ружья стрелять не годны!» — Левша умер с этим “бредом”, но государю никто не сказал о “царском бреде” простого мужика. А когда Россия проиграла крымскую кампанию, то те же, кто не «сказал государю» и отперлись: «Если и доложите, что мы не сказали государю, то на вас же и свалим, что только сейчас доложили, а тогда нам не докладывали.»

Не менее печальна история о том, как группа деятелей культуры России (Горький, Арсеньев и другие) накануне расстрела рабочих в Петербурге 9 января 1905 г. пыталась добиться, чтобы председатель комитета министров Витте тоже «доложил государю» “царскую” по своему значению информацию о неизбежном кровопролитии, если многотысячному шествию рабочих с семьями, психологически настроившемуся на всеобщее собрание на Дворцовой площади при передаче петиции царю, закрыть путь к цели их движения силой войска. Но Витте отказался доложить заблаговременно царю эту информацию, что могло бы предотвратить тот расстрел и многие вызванные им трагедии.

Единственный общеизвестный в мире за всю историю нынешней глобальной цивилизации пример, когда “царская информация” была эффективно реализована в сословно-кастовом строе человеком из простонародья, — Жанна д’Арк.

[2] Избитый пример такого рода — отказ Наполеона оказать государственную поддержку Р.Фултону, конструктору одного из первых плавающих пароходов, что могло изменить характер борьбы на море с Англией, имевшей большой парусный флот. Менее известно, что реактивная система залпового огня разрывными снарядами, примерно в то же время была изобретена и опробована на учениях в Австрии, где она

«частными делами их подданных», в которые им вникать унизительно и скучно; либо же «частным делом» своих должников, что свойственно для МЕЖДУнародной ростовщической ветхозаветно-талмудической “аристократии”, правящей посредством[1] финансовой удавки обществами и государствами, на основе узурпации кредита и счетоводства, составляющих суть банковского дела.

С крушением сословно-кастового строя на Западе психология невмешательства государства и ростовщической банковской системы в частную жизнь и частнопредпринимательскую деятельность сохранилась точно также, как сохранилась и психология невмешательства в дела государственности простого обывателя, полагающего, что все свои обязательства по отношению к государственности он исполнил заплатив налоги и приняв участие в формально демократических процедурах, существующих на Западе, как и всё прочее в рабском ошейнике ссудного процента.

Но если до торжества буржуазно-демократических революций такого рода психология господствовала молчаливо, то за время развития западно-

---

показала свою пугающую эффективность, но тем не менее она не была применена Австрией ни против Наполеона, ни Наполеоном после капитуляции Австрии.

И более ранняя история всех народов почти без исключения полна фактов, когда сильные мира сего уклонялись от управления научно-техническим прогрессом как одной из составляющих жизни общества, т.е. политики, считая разбирательство в такого рода вопросах “не царским делом”.

В истории России всего два примера, когда глава государства систематически держал под контролем технико-технологический прогресс и строил государственную политику с его учетом: Петр I и Сталин. Под руководством обоих, именно благодаря такого рода приобщению к “царским делам” дел “не царских”, даже вопреки ошибкам обоих государей, страна обретала статус сверхдержавы в течение нескольких десятилетий; и теряла его, также в течение нескольких десятилетий, когда их преемники — на западный манер — устранялись от технико-технологических проблем их “подданных”.

[1] Деятельность же международных ростовщиков в национальных обществах рассматривалась государственностью также как один из видов частного предпринимательства “подданных”. А то обстоятельство, что в зависимости от малого числа “подданных” ростовщиков оказывалось всё общество (включая и государственность, и её первоиерархов) выпадало из мировосприятия “элитарных” индивидуалистов-потребителей, правивших государствами на основе бездумно воспринятой от предков традиции.

го капитализма она нашла свое теоретическое выражение: в наиболее общем виде — в философии индивидуализма, а в более узком прагматическом варианте — в разного рода псевдоэкономических теориях о свободе частного предпринимательства, свободе торговли и якобы способности “свободного” рынка регулировать в жизни общества всё и вся без какого-либо целеполагания и управления со стороны думающих людей.

Но все теории без исключения — только выражение строя психики и соответствующей ему нравственности. В зависимости от нравственности и строя психики, на основе одних и тех же фактов, разум человека способен развернуть взаимно исключающие одна другие теории и доктрины.

Буржуазно-демократические революции и последующее общественное устройство жизни западных обществ психологически были обусловлены разумом, активным в носителях животного строя психики, господствовавшего на Западе. И соответственно порожденные животным строем психики буржуазно-демократические революции изменили общественное устройство так, что при новой системе внутриобщественных отношений в условиях технико-технологического прогресса обрел поле деятельности и активизировался разум множества индивидов, которые получили возможность доступа к информации, ранее закрытой сословно-клановыми границами, предопределявшими как профессию и социальное положение, так и прежде неизменные в течение всей жизни человека информационные потоки — “воды”, в которых он жил. Но новая система внутриобщественных отношений, возникшая в результате буржуазно-демократических революций, вовсе не изменила прежде господствовавшего на Западе нечеловечного строя психики (численно преобладают животный и зомби).

И именно его носители после информационного взрыва XX века являются в нынешнем обществе (где психология ориентирована на *потребительство сейчас и впредь ради ублажения чувств и самомнения*) жертвами “стрессов” и их последствий. Но информационный взрыв открыл для них и возможность избавления от вызванной им же лавины “стрессов”.

Эта возможность состоит объективно в том, что жизнь всего общества технически развитых стран протекает и на работе, и в домашнем быту на фоне “царской информации”, обладающей значимостью провинциальной в пределах государства, значимостью общегосударственной в пределах одной или многих региональных цивилизаций и значимостью региональной цивилизации в пределах совокупности многих региональных цивилизаций и доцивилизационных первобытных культур[1], в совокупности образующих человечество Земли. Прежде эта “царская информация” проходила мимо

[1] Кое где сохранившихся и знакомых с жизнью остального человечества по сообщениям радио и телевизионному вещанию технически развитого окружающего их мира.

подавляющего большинства населения, непосредственно не оказывая влияния на их жизнь.

Психика каждого, кому дано Свыше быть Человеком Разумным, организована иерархически многоуровнево. И уровень сознания большинства, на котором скорость обработки информации составляет 15 бит в секунду, и где человек в состоянии управиться максимум с 7 — 9 объектами, только видимая надводная вершина айсберга индивидуальной психики в целом. По отношению к сокрытой части психики — бессознательному (иначе говоря подсознательному) в культуре человечества есть два похода:

- расширение сознания и включение в него тех уровней психики, которые ранее находились вне его;
- перестройка структуры сознательного и бессознательных уровней психики на основе диалога (информационного обмена) между уровнями с целью ликвидации между ними разного рода антагонизмов и выработки таким путем стиля их согласованной работы в целостной индивидуальной психике.

Если подыскивать техническую аналогию, то сознание, вместе со свойственными ему возможностями, можно уподобить пилоту, а всё бессознательное (подсознательное) — автопилоту. В такой аналогии первый подход эквивалентен (во многом) тому, что пилот постепенно берет на себя исполнение всё большего количества функций, заложенных в автопилот; второй подход эквивалентен (во многом) тому, что пилот осваивает навыки настройки автопилота и заботится о взаимно дополняющей разграниченности того, что он берет на себя, и того, что он возлагает на автопилот.

Может встать вопрос, в каком соотношении находятся оба подхода. На него могут быть разные ответы, обусловленные нравственностью, мировоззрением и личным опытом каждого из отвечающих. На наш взгляд второй подход — перестройка сознательных и бессознательных уровней психики — включает в себя первый подход, поскольку при настройке “автопилота” “пилоту” невозможно не получить представления о его функциональных возможностях и управлении ими. Но второй подход, включая в себя и первый подход — расширение сознания, — придает ему особое качество с самого начала, в то время как следование первому подходу при игнорировании (либо отрицании второго) рано или поздно приводит к тому, что включенные в область сознательного возможности необходимо привести в согласие между собой, а кроме того и в непротиворечивость со всем еще не освоенным индивидуальным сознанием в процессе его расширения; если первый подход не приводит к осознанию такого рода необходимости — то следование ему завершается личностной катастрофой, вызванной, если и не внутренней конфликтностью индивидуальной психики, то конфликтностью индивидуальной и коллективной психики или же конфликтностью психики индивида с иерархически высшей нечеловеческой

психикой, деятельность которой однако проявляется в Мироздании, если быть внимательным к происходящему.

Первый подход в традиционной культуре человечества выражают разного рода духовные практики Востока (йоги) и западных систем посвящения; на возможность осуществления второго подхода прямо указано в Коране, хотя он и не развит в исторически реальном исламе.

Об этом в рамках данной работы необходимо было сказать, поскольку с “царской информацией” (если соотноситься с нормами сословно-кастового строя во времена создания “Медного Всадника”) в современных условиях сталкиваются практически все. Возможности в переработке информации уровней психики, относимых к бессознательному для подавляющего большинства людей, намного превосходят возможности индивидуального сознания большинства (15 бит/сек., 7 — 9 объектов одновременно). И это означает, что вне зависимости от сознательного отношения к “царской информации” со стороны индивида, его бессознательные уровни индивидуальной психики[1] обрабатывают и “царскую информацию”. Соответственно результаты этой обработки некоторым образом встают перед сознанием индивида либо на отдыхе, либо в жизненных ситуациях.

Всё дальнейшее определяется тем, как сознание индивида относится к такого рода прорывам результатов обработки “царской информации” с бессознательных уровней психики на уровень их сознания.

“Стрессы” и их последствия, жертвой которых в технически передовых обществах становятся непреклонные участники гонки потребления, перемалывающие информацию, необходимую для поддержания профессионализма и обусловленного им потребительского (прежде всего) статуса, — результат осознанного или бездумного отказа их индивидуального сознания принять результаты бессознательной обработки “царской информации” в качестве фактора направляющего, а также сдерживающего их индивидуальную частную деятельность.

Если же результаты бессознательной обработки “царской информации” принимаются сознанием, то начинается согласовывание частной индивидуальной сознательной и бессознательной деятельности с этими результатами, довлеющими надо всем обществом, поскольку именно по этому признаку — довления надо всеми — “царская информация” отличается от частной, лично-бытовой.

Когда принятие результатов бессознательной обработки “царской информации” протекает бездумно на уровне сознания, то согласование дея-

[1] К ним относятся и «входы-выходы», при прохождении информации через которые людей порождают коллективную психику, которая свойственна как малочисленным группам, так и человечеству в целом.

тельности сознательного и бессознательного уровней индивидуальной психики в общем-то происходит, но без расширения сознания; когда их принятие сопровождается обдумыванием на уровне сознания происходящего и намерений на будущее, то происходит не только согласование сознательного и бессознательного уровней психики, но возможности сознания расширяются и оттачиваются. Причем в последнем случае расширение сознания происходит во внутреннем согласии при своевременном устранении конфликтности между уровнями индивидуальной психики и между индивидуальной и коллективной психикой.

Кратко о качествах, которые должны быть свойственны нормальной коллективной психике, порождаемой множеством индивидуальных, можно сказать так: во-первых, она также должна быть внутренне бесконфликтной, что проявляется в жизни как устранение и компенсация в коллективной деятельности ошибок, совершаемых одними, другими её участниками; во-вторых, коллективная психика, должна исключать конфликтность коллектива в целом и его участников в отношениях с довлеющими над жизнью человечества факторами Объективной реальности.

Теперь покажем на конкретном примере, как в обществе на основе идеологии, порожденной буржуазно-демократическими революциями, программируется отторжение на уровне индивидуального сознания результатов бессознательной обработки “царской информации”.

«Мышление — это невероятно сложный процесс идентификации и интеграции, на которые способен только индивидуальный разум. Не существует коллективного разума. Люди могут учиться друг у друга, но процесс обучения требует от каждого обучающегося собственного мышления. Люди могут сотрудничать в поисках новых знаний, но такое сотрудничество требует от каждого ученого независимого использования своей способности рационально мыслить.»[1]

---

[1] Айн Рэнд “Концепция эгоизма”, СПб, «Макет», 1995, с. 19. Оригинальное название книги Ayn Rand “The Morality of Individualism” (Моральность/нравственность индивидуализма). То есть при переводе на русский, названию сборника с одной стороны придан более откровенный и агрессивный характер, а с другой стороны часть смысла оказалась скрытой, поскольку эгоизм может быть вовсе не индивидуальным, а корпоративным. Сборник издан в серии “Памятники здравого смысла” (хотя является выражением образа мысли, порождающего коллективную шизофрению) под девизом “Sapienti sat!” (Мудрому достаточно!) Ассоциацией бизнесменов Санкт-Петербурга. А трансляция его чтения по городской сети Петербурга в 1996 г. привела к тому, что несколько сотен тысяч человек проглотили его мимоходом за завтраком: т.е. непосредст-

Всё так, кроме некоторых деталей, однако определяющих качество всего:

- *во-первых, КОЛЛЕКТИВНЫЙ РАЗУМ СУЩЕСТВУЕТ*. Всякий разум — иерархически многоуровневый процесс обмена информацией и её преобразований. Коллективный разум отличается от индивидуального прежде всего тем, что он, как процесс, протекает не в пределах структур биомассы и биополей, обеспечивающих интеллектуальную деятельность одного человека (индивида = неделимого), а в пределах вещественных и полевых структур, обеспечивающих психическую деятельность множества разных людей, а также и обусловленных ею. Процесс информационного обмена между людьми, каждый из которых является носителем индивидуального (по-русски это слово в точности означает — неразделимого) разума, протекающий на уровне биополей, акустической и письменной речи, произведений искусства и памятников культуры и т.п. порождает коллективный разум; если быть более точным, то порождает иерархию взаимной вложенности разумов от каждого индивидуального до коллективного разума всего человечества. В этой иерархии взаимной вложенности могут быть коллективные разумы, время существования которых не более чем время взаимного общения некоторой группы людей, и есть разумы, время жизни которых превосходит время жизни библейских долгожителей, поскольку возможно длительное существование коллективного разума в преемственности информационных процессов на основе обновления его элементной базы — сменяющих друг друга поколений людей.
- во-вторых, в силу первого возможность «НЕЗАВИСИМОГО (выделено нами) использования своей способности рационально мыслить» — не объективная данность для каждого человека, а вымысел, поскольку человек хотя и может мыслить своеобразно и более менее обособленно от других, но мыслит всегда обусловленно, т.е. в зависимости от своего состояния, личностного развития, освоенного им лично культурного наследия и соучастия в коллективной психике общества.

И жизнь общества во многом определяется тем, какими свойствами обладают порождаемые индивидуально разумными людьми коллективные разумы — являющиеся составляющими компонентами их коллективного сознательного и бессознательного в целом; и в каком качестве по отношению к порождаемым ими же коллективным интеллектам пребывают люди: индивидуальный разум человека может быть невольником коллективного разума более или менее широкого множества людей; а кроме того — невольником и той малочисленной группы, которые расширили свое индиви-

---

венно в глубинную бессознательную психику минуя осознанное осмысление услышанного.

дуальное сознание настолько, что обладают осознаваемыми ими навыками управления коллективным сознательным и бессознательным[1], а через него и всем множеством людей, которые образуют ту или иную коллективную психику[2]; но индивидуальный разум может быть одним из осознано целеустремленных творцов коллективного разума, как части коллективной психики, являющейся общим достоянием всех её участников.

Последняя возможность, входит необходимой составляющей в процесс снятия антагонизмов между сознательным и бессознательными уровнями в структуре психики индивида. На пути "расширения сознания" индивидуалистов, носителей воззрений, аналогичных высказанным Айн Рэнд, конфликт между индивидуалистами неизбежен. Победить в такого рода конфликте между упрямцами, не знающими ограничений своему индивидуальному эгоизму, невозможно. И дабы они не уничтожили окружающих, якобы не существующий по мнению индивидуалистов коллективный разум части человечества, которая это понимает, и Всевышний Вседержитель замыкают индивидуалистов друг на друга в сценариях, в которых открыто в общем-то два класса возможностей: либо осознать ошибочность индивидуализма и атеизма, либо пасть жертвой ситуаций самоликвидации одних индивидуалистов другими; прочих, кто не гибнет в такого рода межличностных конфликтах губит внутренняя конфликтность их индивидуальной психики, поскольку бремя внутренней несовместимости составляющих психики становится несовместимым с жизнью по мере того, как индивиды упорствуют в отрицании результатов обработки "царской информации" бессознательной и сознательной коллективной психикой, частью которой является их индивидуальное бессознательное.

Но в любом из двух вариантов, возможных для человека (невольник коллективной психики либо её сотворец) индивидуальная психика — элементная база коллективного разума и коллективной психики, однако обладающая собственным индивидуальным разумом, по какой причине элементная база может осмыслить факт порождения ею коллективного разума в составе коллективной психики, после чего способна управлять процессом её становления и бытия по своему нравственно обусловленному произволу.

---

[1] Этим в первобытные времена занимались шаманы, а во времена цивилизации — иерархии посвящений в разного рода мистику духовных практик оккультно-политических орденов.

[2] Именно возможностями злоупотреблений такого рода обусловлены коранические запреты на магию. Библейские запреты на магию некогда были обусловлены этой же причиной, но в реальной библейской культуре они изменили свою роль и служат защите от самодеятельности народных умельцев сложившейся монополии легитимных иерархий на управление коллективной психикой.

Для понимания возможности существования коллективного разума достаточно курса физики средней школы и рассмотрения процессов обработки информации в сети ЭВМ, например в “Интернет”, или на многопроцессорном вычислительном комплексе, когда разные фрагменты одной и той же задачи согласованно и взаимно дополняюще друг друга решаются на разных машинах.

Тем не менее, человек может согласиться с объективностью факта информационного обмена между людьми (в том числе и на основе биополей), но будет возражать против возможности существования коллективного разума людей. Но в этом случае возражения проистекают из того, что возражающие просто не обладают навыками самообладания, необходимыми для того, чтобы воспринять (прежде всего на уровне сознания) диалог их собственного индивидуального разума с коллективным, порожденным ими же; либо они порождают коллективного сумасброда, с которым индивидуально интеллектуально нормальному человеку и говорить-то не о чем.

Последнее имеет свою компьютерную аналогию: программное обеспечение компьютера может быть достаточным для его изолированной работы, но может быть недостаточным, чтобы с его пульта можно было войти в сеть и управлять решением какой-то задачи с привлечением свободных ресурсов остальных компьютеров в сети; в то время как некоторые сети могут быть построены так, что из сети просматриваются все составляющие сеть компьютеры, но со многих компьютеров (возможно, что за единичными исключениями) другие компьютеры сети не просматриваются и с них не контролируются даже их собственные ресурсы, вовлеченные в обслуживание сети. Кроме того программное обеспечение работы сети может включать в себя ошибки, в результате которых сеть в целом будет в большей или меньшей мере ущербно работоспособной, вследствие чего может наносить тот или иной ущерб информационному обеспечению входящих в неё компьютеров. Тем не менее неспособность конкретного компьютера с конкретным программным обеспечением работать в сети, либо дефективность сетевого программного обеспечения в целом не означает, что сетевые информационные системы в принципе не возможны, не работоспособны или не существуют.

Так же и Айн Рэнд — как выразитель господствующих на Западе воззрений — ошибается, настаивая на том, что коллективный разум не существует; существуют множества — в той или иной мере обособленных один от другого — коллективных разумов, обладающих разными длительностями своего существования, но Айн Рэнд не единственная, кто этого не видит и не понимает.

Отрицать же существование порождаемых людьми коллективных интеллектов в их взаимной вложенности это — вести дело к тому, чтобы все согласные с воззрением Айн Рэнд о несуществовании коллективного разу-

ма (как составляющей коллективной психики), сами того не осознавая, стали невольниками их же собственного порождения — коллективной психики, формируемой ими объективно всегда, но в данном случае — бессознательно. По существу же это поддержание опосредованной подневольности большинства тому меньшинству, кто расширил свое сознание настолько, что осознанно и целенаправленно управляет коллективной психикой, а через неё и теми, кто по отношению к коллективной психике является её элементной базой.

Быть невольником коллективного и соответствует животному строю психики[1], поскольку это аналогично происходящему в жизни стадных животных, где каждая особь — невольница стадной психики. Но людям, в отличие от животных, предоставлены возможности *свободного индивидуального творчества в их саморазвитии.* Это и открывает возможности порождения устойчивой внутренне конфликтной индивидуальной и коллективной психики, что полностью исключено в животном мире, где может возникнуть коллективная паника, ужас, как эпизод в каких-либо обстоятельствах, но коллективная шизофрения — как норма жизни при смене поколений — исключена полностью.

У людей индивидуальная и коллективная шизофрения, в тех случаях, когда она не является выражением дефективности генетического аппарата, — выражение неумелости пользования предоставленной Свыше свободой творчества и саморазвития.

При этом следует иметь в виду, что всякий коллективный разум — только подсистема в коллективной психике, и коллективная психика может быть целостно мозаичной (здравой) и расщепленной калейдоскопичной (шизоидной), точно также как и психика индивида. Отрицание же факта коллективной психической и интеллектуальной деятельности — надежный путь к порождению ШИЗОФРЕНИИ в коллективной психике не только шизофреников, но даже в коллективной психике в общем-то индивидуально нормальных психически людей. И множество интеллектуально развитых индивидов, условно говоря психически нормальных каждый сам по себе, породив шизоидную коллективную психику, включая в неё и устойчиво внутренне конфликтный коллективный разум, избирают путь коллективного самоубийства вне зависимости от того, понимают они это или нет.

“Стрессы” и их последствия, о чем речь шла ранее, — выражение на уровне личностной судьбы соучастия человека в коллективной шизофре-

---

[1] В этом одна из причин, почему хозяева “элиты” заинтересованы в поддержании животного строя психики в качестве господствующего в обществе, и почему они ищут средства обеспечить безопасность такого способа существования цивилизации в условиях не свойственной животному миру энерговооруженности техносферы.

нии. Защитой и излечением от этого на уровне индивидуальной психической деятельности является только осознанное обращение к бессознательным уровням психики за результатами обработки ими “царской информации”, которая определяет жизнь всех, а тем самым и каждого, дабы изжить внутреннюю конфликтность своего поведения и его конфликтность с объемлющей человечество жизнью Мироздания.

Поэтому одно из необходимых свойств, которым должна обладать индивидуальная психическая культура безусловно психически нормального индивида — не порождать коллективного сумасшествия тех, кому дано Свыше быть психически и интеллектуально безусловно нормальными людьми.

Буржуазно-демократические революции, в лице их теоретиков и последующих идеологов гражданского общества, освободив индивидуальную психическую деятельность носителей животного строя психики от вполне ей соответствующих ограничений сословно-кастового строя, по существу передали господство над гражданским обществом шизофреническому коллективному сознательному и бессознательному. С течением времени это привело к активизации в обществе механизма естественного отбора, жертвами которого становятся соучастники коллективной шизофрении, не желающие жить иначе, или желающие, но не прилагающие к тому никаких индивидуальных и коллективных усилий со своей стороны.

Естественный результат этого — постоянное ощущение “шума внутренней тревоги”, что является верным признаком стрессового состояния индивида. Неспособность же своевременно и правильно отреагировать на уровне сознания на “всплывающие” с уровня подсознания результаты обработки “царской информации” (какой была во времена Пушкина и остается сегодня информация о ростовщичестве, как надгосударственном уровне управления) превращает индивида, обладающего разумом, но с животным типом психики, в некое промежуточное между зверем и человеком существо.

И так он свой несчастный век
Влачил, ни зверь ни человек,
Ни то ни се, ни житель света
Ни призрак мертвый...

По существу это наиболее точное описание зомби, биоробота. Во времена Пушкина тоже существовали люди, лишенные свободы воли, но единого слова-кода, вызывающего образ этого необычного для человеческой психики явления, не было. Бездумное следование библейской концепции самоуправления в период смены логики социального поведения не может не вызывать “шума внутренней тревоги”, что незадолго до своей кончины

и подтвердил в одном из интервью еврейский поэт Иосиф Бродский: "Я постоянно оглушен шумом внутренней тревоги".

Глава 6. Спаслись и люди и скоты ...

Раз он спал
У невской пристани. Дни лета
Клонились к осени.

Дни лета клонятся к осени в августе. Фактически этими словами начинается описание второго, заключительного этапа самоидентификации (а значит и гибели) еврейства, если первым считать события Октября 1917 г.

Дышал
Ненастный ветер. ***Мрачный*** *вал*
Плескал *на пристань, ропща пени*
И бьясь о гладкие ступени,
Как челобитчик у дверей
Ему не внемлющих судей.

Формально эти два этапа в поэме связаны выделенными словами: дышал, мрачный, плескал.

Над ***омраченным*** *Петроградом*
Дышал *ноябрь осенним хладом.*
Плеская *шумною волной*
В края своей ограды стройной,
Нева металась как больной
В своей постеле беспокойной.

Но если на первом этапе Нева всего лишь бездумно "плескала шумною волной" (волна — образ толпы), то на втором — уже "мрачный вал плескал на пристань ропща пени и бьясь о гладкие ступени" толпо-"элитарной" пирамиды.

Если подходить к пониманию этого текста на уровне обыденного сознания (первый смысловой ряд), то у читателя могут возникать постоянные противоречия: с одной стороны можно понять, что с момента наводнения "прошла неделя, месяц", а с другой — девять месяцев, раз начало трагических событий обозначено ноябрем ("Над омраченным Петроградом дышал ноябрь осенним хладом"), а завершение — августом ("дни лета клонились

к осени”). Другими словами, по умолчанию, Пушкин иносказательно оповещает будущего внимательного читателя о неком цикле, соответствующем периоду зарождения, созревания и рождения некого нового социального явления в рамках одного столетия. Сегодня мы знаем, что этот период оказался равным 73 годам.

Близко к разгадке иносказательно обозначенного временного цикла подошли и авторы “Неизданного Пушкина”: «Техника датировки конфликта в поэме представляет особый интерес. В десятом компоненте поэмы о ходе времени говорится так:

Прошла неделя, месяц

Для правильного понимания приведенных слов крайне важно учесть, что перед нами препарированная цитата из басни Крылова “Бедный Богач” (1829 г.):

Ну что ж?
Проходит день, неделя, месяц, год.

Если не считать предусмотрительно опущенного Пушкиным “года”, смысл обеих строк одинаков: проходит месяц. Однако, это только на первый взгляд, так как пушкинский вариант крыловского текста имеет двойной смысл. Помимо смысла первого ряда, у Пушкина подразумеваются опущенные слова “потом еще”:

Прошла неделя, потом еще месяц.

Другими словами, это уже не месяц, а “неделя + месяц”. В результате, если добавить полученный срок к дате описанного перед этим петербургского наводнения 7 ноября 1824 года, мы получим весьма красноречивую дату: 14 декабря.

А если бы крыловское слово “год” опущено не было, мы имели бы дело с датой “14 декабря 1825 года”. Разумеется, это было бы слишком рискованно, в связи с чем задачу восполнения опущенного слова Пушкину пришлось решать описательно. При этом полностью сохранялось разделение двух смысловых рядов. Слова поэмы:

Дни лета
Клонились к осени.

С одной стороны означали, что прошла зима, прошла весна, а лето 1825 года достигло первых чисел сентября (так как с 9 числа этого месяца

начинается осень). Таков смысл в первом ряду, что подтверждается расчетами П.Г. Антокольского.[1]

С другой стороны, приведенные слова содержат и совсем иной смысл. “Дни лета” — это “дни года”. Как раз в этом смысле слово “лето” употреблено в надписи на скульптуре Фальконе. Слово “поздней” пропущено, как до этого были пропущены слова “потом еще” и как в обоих смысловых рядах было пропущено довольно много месяцев, а в итоге смысл получился такой:

Дни года
Клонились к поздней осени.

Это означало половину декабря 1825 года, что и требовалось Пушкину.»[2]

Что “требовалось Пушкину” — вопрос сложный. Об этом достоверно знает только сам Пушкин. Мы привели данный фрагмент “пушкинистов”, чтобы показать тщетность попытки раскрыть второй смысловой ряд поэмы через насильственную привязку образа Евгения к декабристам. “Насильственной”, а потому и не плодотворной, подобная попытка названа потому, что затрагивает лишь отдельные фрагменты содержания поэмы, оставляя за кадром неспособность интерпретаторов обеспечить первозданную целостность всего повествования. Тем не менее, следует отметить, что авторы работы “Неизвестный Пушкин” (возможно сами того не желая) невольно подошли достаточно близко к раскрытию природы социального явления, объемлющего декабризм, т.е. еврейству.

Выше мы уже обсуждали особые отношения Пушкина со временем: прошлое и будущее для него существуют как бы одновременно в их взаимовложенности. Отсюда внимательному читателю во взаимовложенности процессов дано правильно понять уже свершившееся прошлое и увидеть тенденцию, способную стать реальностью в будущем, только через адекватное понимание настоящего.

Басня “Бедный Богач” — действительно ключ к коду расшифровки периода времени между двумя российскими катаклизмами XX столетия, но все-таки это ключ “второго уровня”, если воспринимать текст “Вступления” в качестве ключа “первого уровня”, поскольку именно в нем задается темп хода времени:

---

[1] П.Г.Антокольский. “Медный Всадник”. — “Октябрь”. 1960, № 2, с. 209.

[2] “Неизданный Пушкин”, под редакцией А.Н.Могилянского, С-Петербург, 1994 г., с. 45 - 46.

Прошло сто лет, и юный град,
Полнощных стран краса и диво...

Почти столетие град Петра носил другое имя. После августа 1991 он как бы обрел второе рождение. Поэтому для раскрытия хронологического кода повествования фразу поэмы:

Прошла неделя, месяц

стоит соотнести со всей, а не урезанной фразой басни Крылова:

Проходит день, неделя, месяц, год.

Но при этом следует помнить не только об опущении в тексте поэмы слова “год”, но также и о замалчивании слова “день”, ибо в предшествующей “Медному Всаднику” и текстуально связанной с ним поэме “Домик в Коломне” образно день равен году. И тогда равновесность скрытых умолчанием слов “день=год” (форма) и вложенных в них “неделя (7), месяц (30)” (содержание) дает уже известный временной интервал между двумя важнейшими событиями XX века в истории России. После чего можно говорить и о том, что еврейство, вне зависимости от желания отдельных индивидуумов, составляющих данную “странную”[1] общность, вынуждено проснуться, т.е. как-то отреагировать на уровне сознания на результаты обработки подсознанием “царской информации”:

Бедняк проснулся. Мрачно было:
Дождь капал, ветер выл уныло,
И с ним вдали во тьме ночной
Перекликался часовой...

Соотнесем описание начала событий августа 1991 с ноябрем 1917 и увидим, что действительно сон Евгения продолжался почти столетие, что в масштабе годового цикла примерно составляет девять месяцев (ноябрь — август):

[1] “Странную” — от слова “странник”.

Так он мечтал. Но грустно было
Ему в ту ночь, и он желал,
Чтоб ветер выл не так уныло
И чтоб дождь в окно стучал
Не так сердито...
Сонны очи
Он наконец закрыл.

Общая же двум фрагментам фраза, указующая на продолжительность периода, в течение которого Евгений не реагировал на всплывающую с уровня подсознания “царскую информацию” — “ветер выл уныло”. От нее же тянется ниточка и ко львам, которыми Евгений “как будто околдован, как будто к м-РА-мору прикован” — к часовым еврейства — левитам.

После ноябрьских событий еврейство долгое время пребывало в состоянии послереволюционной эйфории, проявлявшейся в неосознанных попытках избавиться от своей принадлежности к международной мафии через приобщение к интернационализму, подаваемому массовому сознанию “часовыми-левитами” в качестве приемлемого заменителя космополитизма. Поэтому на какое-то время еврейство словно забыло о существовании “часовых-левитов”. В этом смысле август 1991 отметил некий рубеж, знаменующий, с одной стороны, пробуждение еврейства России к открытой политической деятельности на основе космополитизма, а с другой, — его неспособность выработать адекватное общему ходу вещей отношение к бездумному паразитизму на “ниве” ростовщичества: не все евреи — банкиры, но почти все банкиры ельцинской России почему-то оказались евреями. Тем самым “часовые-левиты” дали знать еврейству, что они бдят и попрежнему на своем посту!

Однако, вынужденное пробуждение еврейства произошло после изменения соотношения эталонных частот биологического и социального времени, что давало ему реальный шанс избавиться от социальной глухоты, вызванной “шумом внутренней тревоги”, ввергнувшей его в состояние зомби. Но для этого евреи должны были осознать свое место в глобальном историческом процессе, а также подлинную роль левитов в их собственной исторической судьбе. Случись такое чудо, оно бы означало, что они вместе со всеми народами способны активно войти в качественно иное информационное состояние, но уже в рамках альтернативной Библии концепции самоуправления. К сожалению, как показал Пушкин и историческая реальность современной России, этого не произошло, поскольку Евгений просто “вспомнил прошлый ужас” библейской концепции самоуправления, но не нашел времени для выработки к нему отношения на уровне сознания, что и привело его в поле притяжения “львов сторожевых”, работающих как всегда под сенью “кумира с простертою рукой”.

Вскочил Евгений; вспомнил живо
Он прошлый ужас; торопливо
Он встал; пошел бродить, и вдруг
Остановился, и вокруг
Тихонько стал водить очами
С боязнью дикой на лице.

А вот и причина “боязни дикой”:

Он очутился под столбами
Большого дома. На крыльце
С подъятой лапой, как живые,
Стояли львы сторожевые
И прямо в темной вышине
Над огражденною скалою
Кумир с простертою рукою
Сидел на бронзовом коне.

“Львы сторожевые” — левиты и есть те самые часовые, с которыми “вдали во тьме ночной перекликался” бог ветра — Амон, сея мистический ужас в больном сознании безумного Евгения. Около трех тысяч лет под контролем знахарства культа Амона бездумно формировалось еврейством коллективное бессознательное (ветхозаветный эгрегор), заложниками стадного чувства которого и становился каждый отдельно взятый еврей, вызывая тем самым по отношению к подобному, животному по своему складу, типу психики невольную зависть жидовосхищения у других.

Но если до середины XX века еврейству и народам, на которых оно паразитировало, сопутствовало попущение Свыше по части бездумного существования в рамках библейской доктрины рабовладения без выработки осознанного к ней отношения, то после изменения соотношения эталонных частот биологического и социального времени такая роскошь больше никому, в том числе и еврейству, непозволительна.

Человечество, достигнув численности, близкой к шести миллиардам, стало вместе с технократической культурой, им созданной, агрессивным фактором давления на биосферу планеты, что привело к ситуации, образно отражаемой одним, ставшим крылатым, выражением: “Боливар двоих не выдержит”. Это может означать, что Вседержитель, выделяя человека из животного мира, не просто наградил его инстинктами, разумом, интуицией, но и свободой выбора и установления по собственной воле иерархии этих компонентов единой психики таким образом, чтобы на ее основе строить свое поведение либо в согласии с окружающим миром и Богом,

либо в бездумном (или осознанном) противоборстве с ним. Вспомним о чем говорилось во введении:

Есть люди, чье поведение подчинено инстинктам, а разум обслуживает инстинктивные потребности и пытается приспособить к этому служению интуицию.

Есть люди, чей разум служит инстинктам, но которые систематически отвергают свои интуитивные прозрения либо они вообще лишены интуиции.

Есть люди, чей разум не является невольником инстинктов, но упиваясь своей независимостью от них, отвергает интуитивные прозрения, либо они ее лишены.

Есть люди, чей разум в своем развитии опирается на инстинкты, кто прислушивается к интуитивным прозрениям и строит свое поведение на этой основе.

Если исходить из понимания того, что в середине XX столетия произошло явление смены соотношений эталонных частот биологического и социального эталонов времени, то можно предположить, что Всевышний определил человечеству и время на самостоятельное и осознанное преодоление в себе животного типа психики и, по всей вероятности время это истекло. Но в таком случае вряд ли Вседержитель сочтет целесообразным существование на планете Земля нового вида (Homo Sapiens) одновременно в двух ипостасях — животном и человеческом: еще один вид животных, к тому же самый многочисленный, но уже в образе человеческом, планета не выдержит. Все это предопределяет (и при том с высокой степенью вероятности) возможность осуществления социальной гигиены, санкционированной Свыше.

Восприятие Евгением вероятности гибели части вида “человек разумный” с признаками животного типа психики в виде грозного предостережения Свыше о завершении миссии еврейства в качестве активного зомби послепотопной цивилизации, на какое-то время перед самоликвидацией “проясняет в нем страшно мысли” и в одно мгновение позволяет всплыть из глубин подсознания на уровень сознания всему тому, что мертвым грузом лежало в его долговременной генетической памяти и давило ту информационную поддержку, которая ему и требовалась для выхода из стрессовой ситуации.

Евгений вздрогнул. Прояснились
В нем страшно мысли. Он узнал
И место, где потоп играл,
Где волны хищные толпились,
Бунтуя злобно вкруг него,
И львов, и площадь, и того,

Кто неподвижно возвышался
Во мраке медною главой,
Того, чьей волей роковой
Под морем город основался...

В этом кратком фрагменте, заканчивающимся многоточием, открывается грандиозная картина начала (когда от потопа “спаслись и люди и скоты”), становления (под незримым контролем ”львов сторожевых”) и надвигающегося конца периода формирования библейской цивилизации, вошедшей во все эзотерические учения под названием эпохи “Рыб”, информационные потоки которой (воды), должны смениться Новой Водой эпохи “Водолея”.

Итак, снова загадка, скрытая умолчанием. На этот раз вопрос встает прямо: почему “под морем”, а не у моря “город основался”? Может показаться: ну какая разница и стоит ли над этим ломать голову? Стоит, потому что таким, внешне вызывающим алогизмом, показывается отсутствие каких либо случайностей в творчестве Пушкина.

“Историю Парголова, а это обширная территория от Поклонной горы — через цепь Суздальских озер и далее на Север, многие годы изучает краевед Г.И.Волков — крупнейший знаток этих мистических мест. Волков поясняет, что гряда возвышенностей от Поклонной горы к Старому Парнасу есть ни что иное, как бывшая береговая линия Древнебалтийского моря, которое называлось Литориновое море, и холмы парголовские представляли собой береговой уступ этого моря. Постепенно море стало отступать, уходить с этих мест. Современное Балтийское море и Ладожское озеро — это остатки от того Древнебалтийского моря. Позже, когда море ушло, образовалась протока, которую стали называть Невой, то есть Новой Водой.” — Из доклада И.Волкова, опубликованного к 250-летию Шуваловского парка в Санкт-Петербургской “Спортивной газете” №24(63) 1996 г.

Мы не можем с достоверностью судить о том владел ли Пушкин данной информацией или нет. Важно другое: И.Волков в своих изысканиях по истории мест основания Санкт-Петербурга[1], дает не только убедительные доказательства правильности пушкинского выражения “под морем город основался”, (т.е. под бывшим морем) но, раскрывая содержательную сторону имени реки (Новая Вода), на берегах которой происходят события,

[1] Только в русском фольклоре существует единственный “подводный” город — Китеж, который скрылся от врагов в период монголо-татарского нашествия. Получается мистическая преемственность: один в прежней воде — скрылся, другой у Новой Воды — основался.

описанные в “Медном Всаднике”, дает основание для раскрытия мистической связи содержания поэмы с Новой (или Иной) водой из суфийской притчи “Когда меняются воды”. Другими словами, фраза пушкинского Предисловия: “Происшествия, описанные в сей повести, основаны на истине”, обретает содержание второго смыслового ряда, поскольку истины “вообще” не бывает в том смысле, что истина всегда конкретна.

“Интеллектуализм имеет дело с осязаемыми вещами, а суфизм с — внутренними, и с теми, которые поддаются восприятию. В то время как наука и схоластицизм постоянно сужают свои рамки в стремлении заниматься все более узкими областями изучения, суфизм продолжает расширять их, охватывая собой все более обширные границы великой, лежащей в основе всего истины, где бы он ни находил её.” — Идрис Шах, “Суфизм”, Москва 1994 г. с. 157.

Истина всегда конкретна с точки зрения меры пространства и времени. Изменение направления течения Невы под воздействием сильного западного ветра, как художественный образ качественно нового, неизвестного во времена написания поэмы явления (изменения соотношений эталонных частот биологического и социального времени), конечно не мог быть использован Пушкиным осознанно. Но присутствие второго смыслового ряда в поэме никто не отрицает, поскольку именно в нем, по всеобщему признанию прежних исследователей, особая притягательность пушкинских творений для современного и будущего читателя. Мы не настаиваем на истине в последней инстанции, но предлагаем наш вариант раскрытия второго смыслового ряда данного образа применительно к современной нам мере понимания общего хода вещей по главному критерию раскрытия смысла всего произведения — сохранению его целостности, в том числе и как иносказания.

Из дальнейшего текста можно понять, что психика еврейства не выдержала диалога с коллективным бессознательным библейского эгрегора и, как следствие их антагонизмов, породила новые, неразрешимые вопросы.

Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин Судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной

Россию поднял на дыбы?

О том, что “безумец бедный” на самом деле имел дело не с царем Петром и не с Богом, а с собственным, не осознаваемым им порождением индивидуальной и коллективной психики при смене многих поколений евреев, замкнутых “часовыми-левитами” на библейский эгрегор, видно не только из текста поэмы, но также из одной единственной иллюстрации к ней, сделанной самим поэтом в период её написания.

ис. 5. “Медный Всадник” без Петра (всадник-невидимка). Рисунок А. С. Пушкина. Чернила.

Взят из ПСС А.С.Пушкина, Изд. 1996г., т. 18.

Как видно из рисунка, он почти в точности повторяет ставшей хрестоматийной копию известного шедевра Фальконе, за исключением того, что фигура “Всадника” на нем отсутствует. Всадник-невидимка (образ глобального надиудейского предиктора, осуществляющего управление через подконтрольный ему библейский эгрегор), оседлавший коня (символ многонациональной российской толпы), по нашему мнению есть наиболее яркий (поданый иносказательно) пример выражения поэтом в художественной (внелексической) форме столь сложной для описания в лексических формах “царской информации”, недоступной пониманию не только для современников Пушкина, но и тех, кто уже живет и действует в качественно ином информационном состоянии.

На рисунке, в отличие от оригинала, есть седло, но оно лишено стремени. Отсутствие стремени — предуказатель на то, что библейский эгрегор и глобальный надиудейский предиктор не имеют опоры в коллективном бессознательном народов России, т.е. чужды их изначально целостному мировоззрению, что предполагает неустойчивость как самого эгрегора, так и его информационной основы — еврейства.

А теперь по тексту:

Кругом подножия кумира
Безумец бедный обошел
И взоры дикие навел
На лик державца полумира.

Бог един, а веры (религиозные конфессии, рисующие верующим каждая в меру своего понимания субъективный образ Божий) — разные. Можно условно признать, что “державность” библейского эгрегора, вобравшего в себя вместе с иудаизмом разновидности всех христианских сект и церквей (в том числе и православную), по крайней мере во времена Пушкина, действительно распространялась на половину населения земного шара. Что касается “державца” Российской империи, то даже во времена Александра II, когда России еще принадлежала Аляска, её территория, не говоря уж о численности населения, составляла лишь одну шестую часть суши.

Безконфликтный диалог сознания Евгения с собственным подсознанием и коллективным бессознательным, “чудотворно” выстроенным за три тысячелетия неосознаваемого еврейством рабства (воспринимаемого им, однако, в качестве “особенной” свободы), для психики отдельно взятого еврея, “обуянного силой черной”, непосилен, и Пушкин точно описывает подобное состояние, близкое к суициду.

Стеснилась грудь его. Чело
К решетке хладной прилегло,
Глаза подернулись туманом,
По сердцу пламень пробежал,
Вскипела кровь. Он мрачен стал
Пред горделивым истуканом
И, зубы стиснув, пальцы сжав,
Как обуянный силой черной,
“Добро, строитель чудотворный! —
Шепнул он злобно задрожав, —
Ужо тебе!..”

“Обуянный силой черной” собственного порождения животных инстинктов, их продолжений в культуру и зомбирующих программ, заложником которых стал его разум, еврейство оказалось не в состоянии избавиться от атавизмов матриархата (единственное ведет родословную по материнской линии). Поэтому в тексте есть “чело”, но нет “вечности”. Прильнув к хладной решетке герметизма, Евгений оказался неспособным воспринять “новую воду” ни до, ни после “смены вод”, которой в конце XX столетия охвачено все человечество, и потому может лишь шептать самому

себе “злобно дрожа” что-то нечленораздельное и бежать, сломя голову, от безумных видений, создаваемых собственным больным воображением.

И вдруг стремглав
Бежать пустился. ***Показалось***
Ему, что грозного Царя,
Мгновенно гневом возгоря,
Лицо тихонько обращалось...

В этом фрагменте ключевое слово — “показалось”. Пушкин прямо говорит, что все дальнейшее происходит не наяву, в больном воображении Евгения:

И он по площади пустой
Бежит и слышит за собой —
Как будто грома грохотанье —
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.

Наступает заключительный акт трагедии: безнадежное бегство “бедного безумца” от видений, созданных и поддерживаемых коллективным бессознательным еврейства, конечным этапом которого может быть только его информационная смерть — закономерный итог разрушения самого библейского эгрегора.

И, озарен луною бледной,
Простерши руку в вышине,
За ним несется Всадник Медный
На звонко скачущем коне;
И во всю ночь безумец бедный
Куда стопы не обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжелым топотом скакал.

Так впервые “кумир” в поэме обретает название — Медный.

Глава 7. Свежо предание ...

Вот и подошло время серьезного разговора о ключевом образе поэмы — Медном Всаднике. Но сначала о внешней стороне образа, который, по нашему мнению, как-то связан с информацией, хранящейся в долговременной генетической памяти самого Пушкина по линии его матери, поскольку её отец (дед поэта) получил от царя Петра (случайно?) имя Ганнибал.

“Завершив все приготовления, Ганнибал выступил в поход. Рассказывали, что уже невдалеке от Ибера он увидел вещий сон. Появился юноша божественной наружности и назвался посланцем Юпитера.

«Я поведу тебя в Италию, — возвестил он Ганнибалу. — следуй за мной, но только не вздумай оборачиваться или глядеть по сторонам».

Ганнибал в испуге повиновался и сперва шел, не озираясь, но мало-помалу свойственное человеку любопытство взяло верх над страхом, и он оглянулся и увидел громадного змея, который полз за ним по пятам, сокрушая лес и кустарник, а за змеем ползла грозовая туча, то и дело раскалывая небо громом.

— Что означает это страшное знамение? — спросил Ганнибал своего проводника.

— Разорение Италии, — услыхал он в ответ. — Но поспешай вперед, ни о чем более не спрашивай и не пытайся заглянуть в будущее.”

Эта легенда приведена римским историком Титом Ливием, давшим первое описание Истории Рима от его основания до 9 года новой эры. В России она стала известна (в пересказе с латинского Симоном Маркишем) в 1994 году, т.е. за 6 лет до конца второго тысячелетия и только после издания части Истории Рима под названием “Карфаген против Рима”.

Примечательно, что посланец Юпитера запрещает Ганнибалу заглядывать в будущее. Способностью же предвидеть будущее обладали, как известно, древнеегипетские жрецы (греческое название — иерофанты, дословно — способные видеть будущее). Амон, Зевс и Юпитер — древнеегипетское, древнегреческое и древнеримское названия одного и того же верховного божества, к созданию культа которого они имели непосредственное отношение. Предупреждение посланца Юпитера Ганнибалу (“не пытайся заглянуть в будущее”) — прямое указание на способность жреческих кланов отстаивать свое монопольное право на знание будущего. Отсюда вытекает их “естественное” право на толкование тех или иных исторических событий в рамках концепции управления, которую они последовательно проводили в жизнь. Так, например, известно, что Плутарх, древ-

негреческий историк, “по совместительству” был жрецом Дельфийского оракула. Судя по дошедшей до нас легенде, у жречества в далеком прошлом были проблемы, связанные с тем, что “мало-помалу свойственное человеку любопытство” иногда брало верх над страхом — следствием внутренних запретов, налагаемых в обход сознания через подсознание. Иногда это делалось во сне, когда сознание спит, а подсознание, активно обрабатывая информацию, бодрствует.

Информация, ставшая нам доступной благодаря “Медному Всаднику”, позволяет предположить, что в методах наложения запретов на естественные попытки человека “заглянуть в будущее” жречество достигло со временем определенного успеха, поскольку Евгений, в отличие от Ганнибала, уже не пытается заглянуть в будущее и даже не идет, а “обуянный силой черной” стремглав:

Бежит и слышит за собой —
Как будто грома грохотанье —
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.

История действительно сослагательного наклонения не имеет, однако, чтобы иметь возможность понимать ход истории и достигать поставленных в ней целей, историки должны уметь пользоваться сослагательным наклонением в истории. Вне зависимости от того, действительно ли “вещий сон” Ганнибала имел место или “историк”[1] сочинил нужную для Рима “историю”, главное в ней то, что предсказание посланца Юпитера исполнилось с точностью до наоборот: поход Ганнибала в Италию закончился разорением Карфагена. По существу же это свидетельство того, что жречество Рима в своей мере понимания превосходило не только управленческую элиту Карфагена, к которой принадлежал Ганнибал, но и жреческие структуры Карфагена.

Легенда времен противостояния Рима и Карфагена, как это не покажется странным, имела в России своеобразное продолжение:

“Интересно, что и после смерти Петра фольклор оставляет за ним право радеть о своем городе, заботиться о его благополучии, быть его защитником. Достаточно хорошо известна легенда об ожившей статуе Петра

[1] — А-а! Вы — историк? — с большим облегчением и уважением спросил Берлиоз.

— Я историк, — подтвердил ученый и добавил ни к селу ни к городу: — Сегодня вечером на Патриарших прудах будет интересная история! (М.А. Булгаков, “Мастер и Маргарита”, глава 1)

— Медном Всаднике. В 1812 году, когда Петербургу всерьез угрожала опасность наполеоновского вторжения, Александр I распорядился вывезти статую Петра в Вологодскую губернию. Для этого уже были приготовлены специальные баржи и выделены деньги на демонтаж монумента.

В это время некоего капитана Батурина стал преследовать один и тот же сон. Во сне он видит, как статуя Петра оживает, съезжает со своей скалы и направляется в сторону Каменноостровского дворца, где в то время жил император. Александр I выходит навстречу всаднику и слышит обращенные к нему слова Петра: «Молодой человек, до чего ты довел мою Россию! Но пока я на месте, моему городу ничего не угрожает». Затем всадник поворачивает назад, и Александр слышит удаляющееся цоканье бронзовых копыт о мостовую. Сон капитана скоро становится известен императору. Пораженный царь отменяет свое решение об эвакуации статуи. Как известно, сапог наполеоновского солдата не коснулся петербургской земли.”

Александр I, в отличие от Ганнибала, в поход на Францию не собирался и потому, видимо, статуя Петра I явилась во сне не ему, а какому-то малоизвестному капитану Батурину. Можно предположить, что эта легенда была известна и Пушкину. Поэтому Евгению “кумир на бронзовом коне” в первой части поэмы тоже является во сне, но в отличие от Ганнибала бедняк слышит только “грома грохотанье”, а “громадного змея” не видит. Автор газетной публикации фиксирует лишь сумму фактов поразивших его воображение и потому легенда в его понимании — всего лишь “великолепный фольклорный сюжет”:

“Этот великолепный фольклорный сюжет в петербургской истории имел свое продолжение. В годы блокады в Ленинграде родилось поверье. Пока памятники великим полководцам Суворову, Кутузову и Барклаю-де-Толли останутся неукрытыми на своих местах, городу не может угрожать вражеская оккупация. Все девятьсот дней блокады памятники простояли открытыми, и ни один осколок бомбы или снаряда их не коснулся.”[1]

В действительности же “этот великолепный фольклорный сюжет” имел совсем нефольклорное продолжение.

В октябре 1941 года, когда немцы вплотную подошли к Москве, в соответствии с решением правительства об эвакуации основных государственных институтов управления страны, толпы чиновников разных рангов ринулись по всем дорогам вон из столицы. Председатель Совета Обороны СССР И.В.Сталин тоже прибыл на платформу Курского вокзала, но, по-

[1] “От легенды к легенде”, Наум Синдаловский. Газета “Час Пик” № 136, 17 сентября 1997 г.

стояв несколько минут перед вагоном правительственного поезда, молча развернулся, и приказал везти его в Кремль. Он остался на своем посту и враг в город не вошел. Вполне возможно, что в этом поступке Верховного Главнокомандующего сокрыта неосознаваемая причина ненависти к нему либеральной интеллигенции СССР: он поступил неадекватно её ожиданиям. Отсюда, видимо, и рождение прямо противоположного мифа: Сталин де воевал сидя в Кремле по глобусу, а не водил войска, как Ганнибал, в чужие страны.

Но на этом нефольклорное продолжение легенды не завершилось. Более чем полвека спустя, 20 марта 1997 г., за день до 90 летнего юбилея Е.С.Вентцель (литературный псевдоним И.Грекова), "Независимая газета" № 50 познакомила своих читателей с только что вышедшим в свет при содействии издательства "Текст" (г. Москва) романом "Свежо предание" ("но верится с трудом" — продолжение известной поговорки, которое, скорее всего имела в виду И.Грекова, избрав ее начало в качестве названия своего романа). Анонсирующая книгу статья И.Зотова называлась по аналогии с широко известным учебником Е.С. Вентцель "Теория вероятностей". Так мы узнали, что в архиве писателя 35 лет пролежала рукопись, судя по содержанию, во многом автобиографичного характера. Об этом же говорит и посвящение, которым И.Грекова предварила роман: "Памяти моего сына Михаила Дмитриевича Вентцеля". Из статьи мы узнали, что:

"Содержанием роман И.Грековой подражает «Медному Всаднику». Ничем не примечательный молодой человек по имени Константин Левин (кстати, полный тезка толстовского героя). Не подпольщик, не ниспровергатель авторитетов, не выдающийся ученый, не герой войны, не лагерник, а простой советский житель, ровесник Октября, он оказывается раздавлен медным истуканом. (Не Петром Романовым — Иосифом Джугашвили.) Сходит с ума, умирает.

Впрочем, есть одна важная деталь в романе, которая как бы переносит его содержание в иную плоскость: Левин — не вполне «простой советский житель», а еврей. Своего рода эпиграф предпослан И.Грековой к своему роману в рубрике «От автора». В нем всего несколько слов: «Все газетные цитаты, приведенные в книге подлинные. Автор по национальности — русский. Москва, 1962 г.» Это обстоятельство, по всей видимости, и оказалось той причиной, по которой роман не был напечатан Твардовским. Антисемитизм и в России, и в СССР тлеет уже не первое столетие, то разгораясь, то внешне затухая, но никогда не порождая *собственной противоположности*."

Интересно, какую бы "*противоположность*" породили в уме автора статьи следующие строки романа:

“Мы, русские, как клопы. Нас вывести нельзя. А знаете до чего живуч клоп? Где-то я читал, что в покинутых зимовках на севере через десятки лет находили живых клопов. Каково? Мороз шестьдесят градусов, жрать нечего, а живет. Молодец клоп!”

Это высказывание одного из персонажей романа, “русского” профессора Николая Прокофьевича, в котором хорошо просматривается неприкрытая русофобия самого автора.

Герой романа, еврей Левин сходит с ума и умирает в психбольнице потому, что его не берут на работу по специальности. Однако, Левину даже и мысли не приходит, что можно пойти на стройку, на завод чернорабочим или грузчиком. Описываемые события происходили в начале пятидесятых и объявления типа “Требуются...” в те годы висели на каждом шагу. Интересно, что делают “левины” сегодня, когда сотни тысяч квалифицированных научных кадров бывшей державы, разорванной ныне на рыночные части, оказались выброшенными на улицу?

“Иррациональность[1] этого чувства не поддается исчислению, поэтому книги, против него открыто восстающие, воспринимаются неизменно настороженно. Гораздо проще отдаться борьбе с чистым общественным злом (колхозами, компартией и тому подобным), но не с тем, что невозможно уяснить в четких категориях. Герой романа И.Грековой, возможно, не так широко мыслит, как другие, русские по национальности, персонажи других романов других авторов, возможно, он ущербно прямодушен, но он остался катастрофически самим собой, даже сойдя с ума.”

У статьи есть эпиграф:

И во всю ночь безумец бедный
Куда стопы не обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжелым топотом скакал.

Другими словами, за язык И.Зотова — борца с “нечистым злом” — антисемитизмом (действительно, есть что-то нечистое в этом искусственно созданном хозяевами евреев зле) никто не тянул: он с вдохновением и, видимо, не без согласия автора романа, провел параллель между Евгением из “Медного Всадника” и евреем Константином Левиным. Значит, на уровне

[1] Если «рацио» — разумное, то «иррациональное» — неразумное.

подсознания евреи и сами уже давно понимают, что Пушкин в образе Евгения в “Медном Всаднике” хотел уяснить прежде всего для себя, а затем раскрыть и для нас, своих будущих читателей, тайну явления в *мир людей* еврейства и объективные предпосылки его информационной гибели.

О том, что мания преследования со стороны каких-то скрытых для сознания сил, действительно свойственна еврейской культурной “элите” советского периода, говорит и творчество иудейского тандема в лице Аркадия и Бориса Стругацких.

“Огромный далекий молот с унылой равномерностью бил в мостовую, и удары эти заметно приближались — тяжелые, хрусткие удары, дробящие в щебень булыжник мостовой. (...)

Молот все приближался, и совершенно непонятно было — откуда, но удары были все тяжелее, все звонче, и была в них какая-то несокрушимая и неотвратимая победительность. Шаги судьбы, мелькнуло в голове у Андрея. (...) Бумм, бумм, бумм, — раздавалось совсем близко, земля под ногами содрогалась. И вдруг наступила тишина. Андрей сейчас же снова выглянул. Он увидел: на ближнем перекрестке, доставая головой до третьего этажа, возвышается темная фигура. Статуя. Старинная металлическая статуя. Тот самый давешний тип с жабьей мордой — только теперь он стоял, напряженно вытянувшись, задрав объемистый подбородок, одна рука заложена за спину, другая — то ли грозя, то ли указуя в небеса — поднята, и выставлен указательный палец.”

А это отрывок из фантастического романа “Град обреченный”. На обложке Ленинградского издания 1989 г. художник изобразил бритоголового жреца в кожаных сандалиях и то ли в древнеегипетском, то ли в древнегреческом хитоне. По содержанию романа, как и в “Медном Всаднике”, статуя преследует в мертвом городе членов экспедиции, интеллектуальным лидером которой выступает еврей Изя.

“Град обреченный”, по признанию младшего Стругацкого[1] одно из любимых произведений “братьев”. Чтобы понять, как такое рождается в головах столь популярных фантастов, нам придется заглянуть в их творческую кухню, которую они особенно-то и не скрывают: то ли потому, что сами не понимают, что творят, то ли потому, что считают — все равно никто ничего не поймет. И нам не придется проводить какие-то особые литературные изыскания; достаточно привести выступление Стругацкого-

[1] “Стругацкие: число — множественное, степень превосходная”, интервью Б.Стругацкого “Новой газете” № 46, 17 — 23 ноября 1997 г.

младшего на Ленинградском семинаре писателей-фантастов 13 апреля 1987 г.

“Всякий человек, который написал в жизни хотя бы двадцать авторских листов, знает, что существует две методики написания фантастических вещей. Методика номер один — это ***работа от концепции***. Вы берете ***откуда-то***, высасываете из пальца ***некую*** формулировку, которая касается свойств общества, мира, Вселенной, а затем создаете ситуацию, которая наилучшим образом её демонстрирует. Второй путь, сами понимаете обратный. Вы отталкиваетесь ***от ситуации***, которая ***почему-то*** поражает ваше воображение, и, исходя из нее, создаете мир, одной из граней которого обязательно будет определенная концепция.”

По существу — это признание в методологической нищете, ибо обе методики написания фантастических вещей, изложенные Б.Н.Стругацким, иллюстрируют калейдоскопичность его личностного мировосприятия. Только, если в первом случае он, даже не пытаясь понять как устроен мир, “высасывает из пальца некую формулировку” концепции и создает ситуацию, “которая наилучшим образом её (т.е. формулировку концепции) демонстрирует”, то во втором случае он просто выдергивает из целостного процесса (разумеется, социального ибо с другими писатель дела не имеет) некий факт, который ***почему-то*** “поражает его воображение” и который становится основой для создания мира, “одной из граней которого обязательно будет ***определенная*** концепция”. Но почему тот или иной факт поразил его воображение, писатель ***определить*** не может, хотя и утверждает, что концепция мира, созданного его воображением, — вполне ***определенная***. На самом деле факт, его поразивший, — не “какой-то”, и формулировка концепции, высасываемая им из пальца, — не “некая”, а результат проявления не осознаваемой им лично, но тем не менее объективно существующей и реально действующей в Западной цивилизации библейской концепции управления (или самоуправления).

Если же произведения братьев Стругацких читать внимательно, а не в умственно расслабленном состоянии, то в них можно найти и явные признаки отражения библейского мировоззрения, отличительным признаком которого является отсутствие связей с биосферой планеты Земля и с реальной хронологией глобального исторического процесса. Как и в Библии, в их произведениях отсутствует описание природы; их герои живут в мире без привязки к хронологии реальных событий; они без родовых корней и как бы ниоткуда; действуют как персонажи, лишенные свободы воли, т.е. как биороботы и потому невозможно к ним проникнуться настоящими человеческими чувствами. И все это потому, что мир братьев Стругацких далек и от прошлой и будущей реальности, которая, кстати их совсем и не

интересует. Они, как и Евгений из “Медного Всадника”, создают свой мир, действительно “высосанный из пальца”. И это не домыслы антисемитов, а добровольное признание “кумира, патриарха и общего любимца” Б.Стругацкого, сделанные им самим через десять лет после выступления на семинаре фантастов-писателей:

“Очень скоро братья Стругацкие поняли, что пишут они не о том мире, который будет, но о Мире В Котором Им Хочется Жить. Именно так, все слова с большой буквы. Мы поймали себя на том, что заселяем будущее нашими знакомыми, при этом не особенно заботясь о том, куда денутся остальные, каким образом постепенно усвоят наши ценности. (...)

Мир, который у нас получился, был для нас вполне комфортен, но изобретать сюжеты в нем становилось все труднее. ”[1]

“Все труднее” — это очень значимое признание. Оно говорит о том, что Объективная реальность становится все более нетерпимой к попыткам подстричь ее под гребенку “братвы”, что и выразилось в весьма раннем уходе из жизни одного из “братьев-фантастов”, после чего “творческий тандем” разрушился, а писательский зуд оставшегося брата практически затух.

И все это вместе — результат антагонизмов сознания и подсознания и отсутствия методологической культуры в творчестве братьев Стругацких.

Если же методологическая культура в творческом процессе присутствует, то частные факты пропускаются через призму метода, в результате чего появляется субъективная концепция объективного процесса. И первый критерий адекватности субъективной концепции объективному процессу — сходимость с реальностью прогнозов развития объективного процесса в будущем и вскрытие ранее неизвестных фактов в их причинно-следственной связи в прошлом.

Новые, ранее неизвестные факты и общественная практика с течением времени либо подтверждают правильность субъективной концепции объективного процесса, либо вынуждают авторов концепции совершенствовать её, а то и пересматривать. Поскольку один и тот же объективный процесс проявляется в многообразии частных фактов, то разным людям могут быть доступны разнородные совокупности фактов. Но, если они пытаются понять не отдельные факты, а один и тот же объективный процесс и обладают достаточно высокой методологической культурой, то с течением времени они неизбежно приходят к единой концепции одного и того же объективного процесса в силу общности свойств отображения.

[1] Там же.

В “Медном Всаднике” на уровне второго смыслового ряда мы видим адекватное описание некоего объективного процесса, в котором легко угадываются отдельные частные факты, изложенные и Титом Ливием в “Карфагене против Рима”, и Наумом Синдаловским в легенде о капитане Батурине, и Е. Вентцель в “Свежо предание” и братьями Стругацкими в “Граде обреченном”. Но в отличие от них Пушкин в данной тематике “видит общий ход вещей:

«Провидение не алгебра. Ум ч<еловеческий>, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из оного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть *случая* — мощного мгновенного орудия Провидения[1]».

Однако, вся проблема в том, что на любую интерпретацию пушкинских произведений имеют право только евреи. Всякие попытки раскрытия второго смыслового ряда пушкинских произведений нееврееем или не принадлежащим к еврейской мафии замалчиваются прессой, либо подаются читателю примерно в таком виде: “О Пушкине очень много написано. Есть серьезная литература, но иногда приходится читать такое, что просто диву даешься. Например, мне попалась книжка о том, что «Руслан и Людмила», это разоблачение жидо-масонского заговора”. Так Н.Н.Скатов, директор Института русской литературы (ИРЛИ), прокомментировал в своем интервью “Вечернему Петербургу” работу Внутреннего Предиктора СССР “Руслан и Людмила — Развитие и становление государственности народа русского и народов СССР в глобальном историческом процессе, изложенное в системе образов Первого Поэта России А.С.Пушкина”.

---

[1] А.С.Пушкин. “О втором томе «Истории русского народа» Полевого”. (1830 г.). Цитировано по Полному акдемическому собранию сочинений в 17 томах, переизданному в 1996 г. в издательстве «Воскресенье» на основе издания АН СССР 1949 г., с. 127. Слово «случая» выделно, самим А.С.Пушкиным. В изданиях, вышедших ранее 1917 г., слово «случая» не выеделяли и после него ставили точку, выбрасывая текст «— мощного мгновенного орудия Провидения»: дореволюционная цензура полагала, что человеку, не получившему специального богословского образования, не престало рассуждать о Провидении (см., в частности, издание А.С.Суворина 1887 г. и издание под ред. П.О.Морозова); а церковь не относила Солнце Русской поэзии к числу писателей, произведения которых последущим поколениям богословов пристало цитировать и комментировать в своих трактатах. В эпоху господства исторического материализма издатели А.С.Пушкина оказались честнее, нежели их верующие в Бога предшественники, и привели мнение А.С.Пушкина по этому вопросу без изъятий.

Конечно, некоторая часть нееврейского населения всегда завидовала (и до сих пор завидует) жизни части еврейства за счет перераспределения в их пользу руководством еврейской общины некоторой доли монопольного ростовщического дохода, взимаемого диаспорой со всего населения в месте обитания и ведения торговых операций при поддержке ростовщического кредита. В том числе и некоторая часть местной, прикормленной еврейством петербургской “элиты”, завидует роли еврейства в качестве глобальной “элиты” и потому на любую попытку приоткрыть читателю агрессивную сущность хозяев библейского проекта (а именно этому вопросу посвящена упоминаемая Н.Н.Скатовым работа) навешивает ярлык типа — это “клеветническое измышление по поводу жидо-масонского заговора”.

В действительности же существующее в конце XX века наиболее распространенное «клеветническое измышление» — обвинение еврейства и его верхушки в стремлении к безраздельному мировому господству в формах расистского глобального государства, в котором всем неевреям предназначена доля рабской силы. А клеветническими по отношению к “антисемитам” являются утверждения противоположного смысла: что еврейство не приверженно одной из разновидностей фашизма, чьи хозяева (они же — хозяева библейской концепции) устремились к безраздельному мировому господству.

На самом деле в осознанной и бездумной приверженности этой доктрине евреев и состоит их «непохожесть чем-то на остальных людей», которую “антисемиты” зачастую отождествляют с “жидо-масонским заговором”, а жидовосхищенные, типа Н.Н.Скатова, с непорочностью любого культурного наследия еврейства. И потому, вне зависимости от того хотела этого или не хотела прикормленная нееврейская “элита”, еврейская культура осознанно, а для большинства самих евреев — бездумно, враждебна культуре всех народов; а придерживающиеся её евреи и жидовосхищенные неевреи объективно являются врагами всех народов без исключения. Кроме того, исторически реальная еврейская культура, её носители, пропагандисты и защитники враждебны и биосфере Земли, поскольку технико-технологический прогресс под кнутом ростовщичества следует биосферно-запретными путями, что выразилось в неоспоримом глобальном биосферно-экологическом кризисе.

Кумир — “Медный”, а конь — “Бронзовый”. Что это значит? Комментариев — много и все противоречивые. Во внимание принимается обычно общий контекст, но у Пушкина все равнопрочно, а, следовательно, важны и детали. Приглядимся к ним внимательно. Прежде чем “Всадник Медный” по***несется*** за сумасшедшим Евгением, он дважды будет называется “кумиром”. Причем, если в первой части “кумир” ***стоит*** “над возмущенною Невою”, то во второй — ***сидит*** “над огражденною скалою”.

“И сказал Господь Моисею: сделай себе (медного) змея и выставь его на знамя, и (если ужалит змей какого-либо человека), ужаленный, взглянув на него, останется жив”. Библия, Числа 21:8. Этот фрагмент библейской истории, отраженный только в русской живописи картиной Ф.Бруни “Медный Змий”, дает разгадку подлинных причин сумасшествия Евгения: на уровне сознания библейская заповедь — “Не сотвори себе кумира!”; на уровне подсознания — “сделай себе (медного) змея и выставь его на знамя”.

Вот так-то...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Частично иносказания некоторых слов-кодов “Заключения” (челн, лодка, остров) были раскрыты в первой и второй частях поэмы. В целом же иносказания “Заключения” содержательно связаны еще и со вторым смысловым рядом “Вступления”, но увидеть эту связь можно лишь проследив некую скрытую систему информационных выкладок, которая искусно выстроена в поэме.

В коллективном сознательном и бессознательном плетётся множество информационных выкладок одновременно как из завершённых мыслей, так и из обрывочных: какие - то информационные выкладки могут замкнуться концом на своё же начало. Если так построенное кольцо недоброй информационной выкладки коллективного сознательного и бессознательного устойчиво, то оно может работать в режиме нескончаемых кругов ада[1] (примерно таких, какие описаны в романе “Час быка”).

Бывает, что какая - либо информационная выкладка, поддерживаемая весьма небольшим числом людей, содержит в себе множество завершений собственных, открытых для присоединения чужих начал и ответных продолжений чужих завершённых мыслей[2] и их обрывков. Такая информаци-

---

[1] Именно так построена библейская культура. Библия пугает адом, но никто не сможет найти в обоих её книгах ответа на вопрос о том, как же не допустить этого ада, как в индивидуальной земной жизни каждого, так и в коллективной жизни общества в целом. Таким образом библейские источники информации целеориентируют психику людей на движение по кругу (“всё возвращается на круги своя”, “ничего не поделаешь - так устроен мир”).

[2] Церковь учит свою паству: если не знаешь как поступить - загляни в писание, либо спроси у священника. В русской же культуре этому есть альтернатива: «На Бога надейся (смысл объемлет по-

онная выкладка может замкнуть на себя каждодневную деятельность почти всего общества.

Небольшая группа людей[1] может сознательно поддерживать довольно устойчиво жизнь общества в рамках нужной им концепции в том случае, если в обществе нет объективных предпосылок к самостоятельному изменению информационной выкладки. Иными словами, если в обществе механизм поиска выхода из замкнутого недоброго кольца информационной выкладки работает слабее, чем механизм поддержания её небольшим числом людей - кольцо сохраняется. Если желание общества выбраться из такого кольца нарастает, а группа людей, поддерживающих последнее, не успевает закрывать все выходы из него, может получиться разрыв, через который кольцо информационной выкладки можно изменить так, что оно начнёт разрушаться.

Неосознанное желание общества выбраться из кольца недоброй информационной выкладки на определённом этапе своего нарастания обязательно “породит” в таком обществе группу людей, которые начнут осознанно выводить общество из кольца недоброй информационной выкладки.

Внимательно отслеживая информационные выкладки иносказаний “Медного Всадника” можно увидеть как Пушкин указывает своим будущим читателям на выход из инферно (замкнутого кольца) библейской концепции управления.

Остров малый
На взморье виден. Иногда
Причалит с неводом туда
Рыбак на ловле запоздалый
И бедный ужин свой варит,
Или чиновник посетит,
Гуляя в лодке в воскресенье,
Пустынный *остров.*

Кто такой “рыбак на ловле запоздалый”? Да тот самый “*финский рыболов, печальный пасынок природы”*, “бедный челн” которого мы встречаем во “Вступлении”. То есть в “Заключении”, в отличие от “Вступления” мафия (челн) уже прямо не упоминается. Это означает, что речь после смены концепции может идти о бесструктурном управлении, как принципе. А как обстоят дела с лодками?

нимаемые многими в культуре идеалистического атеизма рекомендации “священных” писаний как откровения Свыше) - а сам не плошай», т.е. заставляет думать своей головой.

[1] Например, Глобальное знахарство.

Из “Части второй” уже известно, что “лодки с дворов свезены”. Но еврейские банкиры через систему займов под “приличные” проценты всегда манипулировали монархическими дворами, осуществляя таким образом надгосударственное управление. Поэтому третий смысловой ряд выражения «с дворов свозили лодки» иносказательно указует и на печальное будущее всего еврейства, заглянуть в которое можно через тайны ритуала похорон в Древнем Египте:

“В основе всего, что относится к понятию египтян о нравственной санкции в загробной жизни, лежит, по-видимому, народное предание, которое приводит Диодор по поводу судилища мертвых в Египте.

«Когда кого-нибудь хоронят, говорит он, день похорон объявляется судьям, родственникам и друзьям покойного. Они возглашают имя умершего и изрекают, что его нужно переправить через озеро. Тогда 42 судьи становятся полукругом по ту сторону озера, и лодка, которой управляет гребец, называвшийся у египтян на их языке Харон, берется за весла.

Когда ладья причалит к пристани, прежде чем положить мертвого в его жилище, всякий, кто хочет обвинить его, имеет это право по закону.»” — А.Морэ, “Цари и боги Египта”, Перевод Е.Ю.Григоровича, Москва, Издание Н. и С. Сабашниковы, 1909 г., с. 137.

По египетским текстам, божественный перевозчик называется Магаф; но слово **garo** («Х» либо «Г» — особенности транслитерации) означает по-египетски **<u>барка</u>**. Так мы подошли к ключам раскодирования наименования плавсредств, упоминаемых только во “Вступлении” и “Заключении”: корабль и барка.

Наводненье
Туда, играя, занесло
Домишко ветхий. Над водою
Остался он как черный куст.
*Его прошедшею **весною***
*Свезли на **барке.***

По сути это иносказательное сообщение о послепотопном явлении и дальнейшей судьбе библейской концепции — Ветхого Завета (Ветхого домика).

Согласно суфийской терминологии “барка = барака” (суфии считают, что от этого слова пошло название основного средства передвижения по воде — корабль) означает ***различение*** — способность человека в своем мировосприятии делить целостный мир надвое: «это — не это». Именно благодаря этой способности ограниченый (в смысле граничности своих способностей) человек может вместить в себя всю неограниченную Объек-

тивную реальность в форме некоторой мозаики, в которой множество «это — не это» связаны друг с другом так, как человек осмыслил мир. Различение — способность, даваемая каждому человеку по его объективной нравственности непосредственно Свыше. Соответственно:

“Моисею дано было Писание и Различение” (Коран, 2:50). Все церкви спорят о Писаниях, но все они помалкивают о Различении...

Наделенные Свыше Различением, действуют на первом приоритете обобщенных средств управления и осуществляют высший уровень социальной власти — власть концептуальную. Концептуальная власть автократична по своей природе. Это означает, что она вне демократических процедур; в нее поднимаются на основе объективно действующего в обществе принципа: каждый в меру своего понимания общего хода вещей работает на себя, а в меру непонимания на того, кто понимает больше. Концептуальная власть — это и власть концепции (информации, формирующей стереотипы отношения к явлениям внутреннего и внешнего мира) и власть людей, определяющих в меру своего понимания необходимую обществу концепцию управления. Но только владеющие Различением способны понять, когда действующая концепция управления становится “пустой”, то есть исчерпает свои возможности, после чего “по весне” можно будет выбрать из всех, представляемых обществом альтернативных концепций управления ту, которая обеспечивает ему в конкретных исторических условиях наиболее устойчивое развитие.

Поэтому в “Заключении” о библейской концепции управления — “домишке ветхом” и говорится: “*Был он **пуст** и весь разрушен.”* Но и остров, который чиновник посещает, “*гуляя в лодке в воскресенье”* — ***пустынный***.

Другими словами, уже в начале XIX века Пушкин в иносказательной форме, разрывая злобные информационные выкладки толпо-”элитарного” бытия, выносит ему приговор не только на уровне концепции управления обществом, но и на уровне кадровой базы, сформированной на основе этой концепции (*Не взросло там ни былинки)*. Это очень емкое иносказание: согласно словарю В.И.Даля “былина, былинка — и растение, и рассказ не вымышленный, а правдивый (народная былина — быль); иногда вымысел (замысел), но сбыточный, несказочный”.

Столетие спустя этот исторический приговор в России начал приводить в исполнение Сталин, ибо при нем впервые на планете Земля, на ее одной шестой части, общество “зомби - винтиков” начало превращаться в общество людей. Сегодня мы все, но каждый в меру своего понимания, участвуем в завершающем этапе исполнения этого приговора. Ощущение грандиозного по своим масштабам действия психологически настолько давит современных “евгениев”, что они “обезумевшие от страха возмездия” за совершенные (особенно в последнее столетие) злодеяния в России без-

думно выбалтывают такое, что не возможно было бы из них вытянуть даже под пыткой в подвалах бывшего НКВД.

“Любопытно, что каждый из трех последних томов Сталина открывает цитата из Пушкина. Если уж составитель не может обойтись без Пушкина, но считает при этом, что гений и злодейство — «вещи совместимые», могу подсказать ему более подходящий эпиграф из «Медного Всадника», когда обезумевший от страха возмездия со стороны властелина-полумифа «винтик» Евгений пытается спастись бегством: «*И во всю ночь безумец бедный,/куда стопы не обращал,/за ним повсюду Всадник Медный/с тяжелым топотом скакал».”*

Вот так они бессознательно принимают самое активное участие в строительстве “своего” печального будущего.

Приведенная цитата принадлежит одному из современных “евгениев” — Леону Оникову, который забился в истерике по поводу издания последних трех томов (14,15,16) ПСС И.В.Сталина (“Медный Всадник”, Приложение к “Независимой газете”, “Ex libris”, “НГ” №10, март 1998 г.).

Известно, что у некоторых читателей поэма вызывает гнетущее ощущение обреченности. Но это может означать, что на уровне подсознания они отождествляют себя с тем явлением, которое стоит за именем Евгений. На самом деле “Медный Всадник”, как и все творчество Пушкина, произведение светлое и устремленное в будущее. Но увидеть свет, который стал чужд Евгению, можно лишь после понимания своеобразной роли в поэме информации хронологического приоритета обобщенных средств управления.

Так во “Вступлении” перед читателем проходят все времена года, кроме осени.

Лето:

Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,
И не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.

Зима:

Люблю зимы твоей жестокой

Прозрачный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой,
Девичьи лица ярче роз,
И блеск, и шум, и говор балов,
А в час пирушки холостой
Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой.

И, наконец, весна:

Или победу над врагом
Россия снова торжествует,
Или, взломав свой синий лед,
Нева к морям его несет
И, ***чуя вешни дни****, ликует.*

Осень отсутствует и во “Вступлении”, и в “Заключении”. Почему? Потому, что в них нет места Евгению (по крайней мере живому, если речь идет о “Заключении”). Это время года сопутствует Евгению, как некий символ исчерпавшего свои возможности и уходящего в прошлое, и поэтому действие первой и второй части поэмы происходят осенью.

Весна же, как символ рождения нового, радостного, светлого хронологически открывает и завершает поэму, придавая ей особый, скрытый от “чуждых свету”, оптимизм. Это ощущение создается еще и тем, что во “Вступлении” Нева только “чует” наступление вешних дней; в “Заключении” же наступление весны — свершившийся факт и потому рождение нового замысла жизнеустройства (концепции управления), альтернативного библейскому, на уровне второго смыслового ряда воспринимается как объективная данность.

И в завершение — о печальной судьбе тех, кто бездумно проводил концепцию богоборчества в жизнь:

У порога
Нашли безумца моего,
И тут же хладный труп его
Похоронили ради Бога.

Здесь можно отметить поразительную завершенность (не закольцованность) поэмы и на первом приоритете обобщенных средств управления — мировоззренческом. Эта завершенность становится очевидной после того, как словом “Бог” раскрывается иносказание третьего смы-

слового ряда местоимения “Он”, данного во “Вступлении” с заглавной буквы.

Всё в этом мире исходит от Бога и к Нему всё возвращается...

30 марта 1998 года.